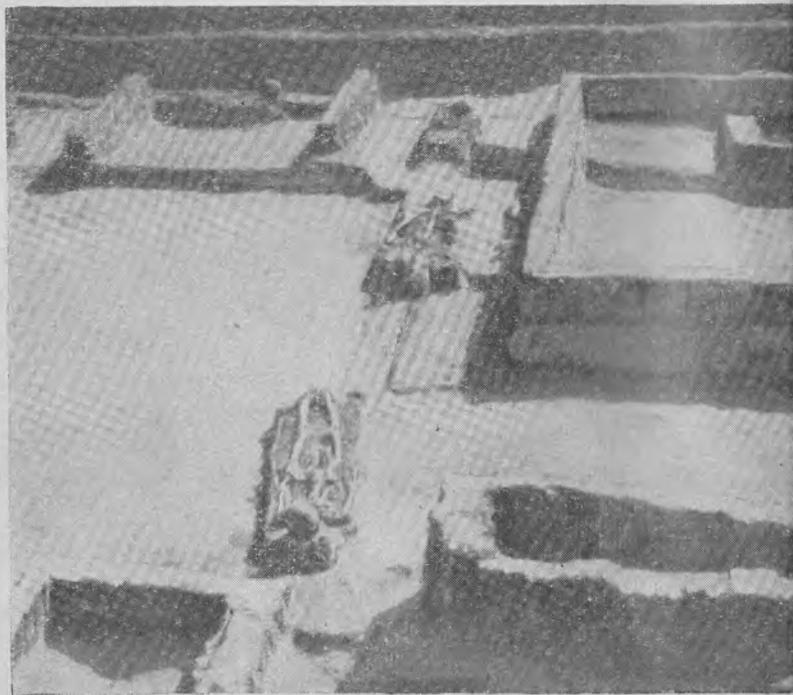

Г.А. ФЕДОРОВ ДАВЫДОВ
КУРГАНЫ, ИДОЛЫ,
МОНЕТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научно-популярная серия

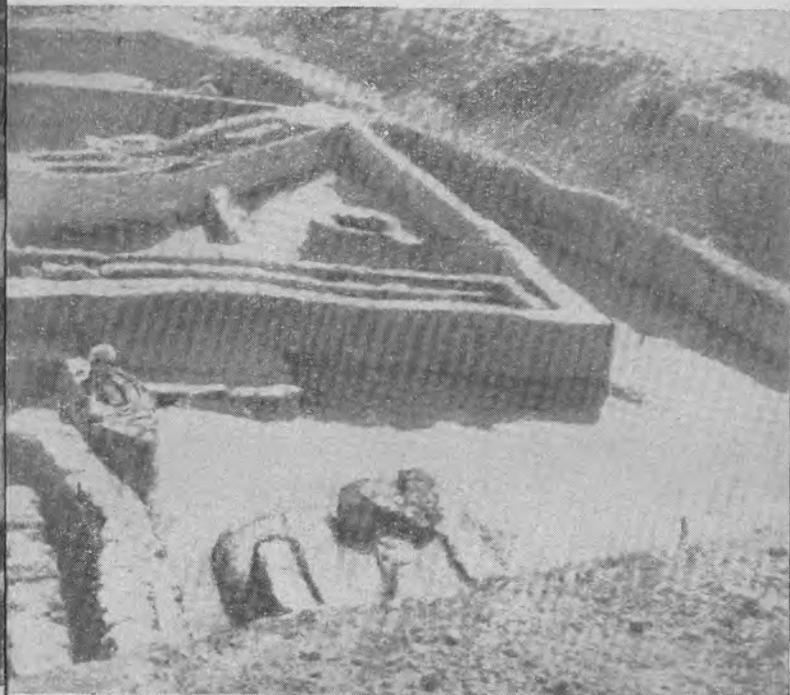
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва · 1968

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

КУРГАНЫ, ИДОЛЫ, МОНЕТЫ

Через степи Европы и Азии прошло несколько волн кочевников: гуны, за ними авары, хазары, болгары, печенеги, половцы, затем чингизхановские армии и Золотая Орда...

Почему эти дикие племена оказывались такими сильными, непобедимыми, почему их боялась культурная Европа? Чем вызвана эта периодичность нашествий азиатских кочевников? Эти вопросы сразу же возникают перед исследователем, как только он соприкасается с историей кочевых степей.

Автор книги, известный нумизмат, археолог и историк Золотой Орды, сам участвовал в раскопках памятников средневековых кочевников в южнорусских степях; он объехал много музеев, имеющих коллекции кочевнических древностей или собрания средневековых изваяний. Ярко и красочно рассказывается в книге о тюркских кочевниках, населявших наши степи в средневековье, о их быте и истории, о их идолах и курганах, замках и городах.

В книге использованы материалы раскопок на Ахтубе, организованных МГУ, Волгоградским управлением культуры и Казанским государственным университетом.

ЗАМОК

*Мордвин, арабов проводник,
Сложив оазису моленье,
Сказал: Здесь стан отдохновенья.
Здесь расположим мы свой стан
Вблизи столицы государства;
В Булгаре любят персиян.
Но Кереметь — само коварство.*

В. Хлебников

Посольство халифа Муктадира в Волжскую Болгарию

Весной 921 г. в Багдад въезжал скромный посол далекой северной страны Волжской Болгарии. После прикамских лесов и болот, после печенежских степей и гузских пустынь шумная столица подавляла своей суетой. Но уже через несколько дней путешественник осмотрелся и завел знакомства в новом городе.

Когда-то багдадский халиф обладал огромной властью над всем мусульманским миром. Но в X в. положение его пошатнулось. Средняя Азия, Хорезм стали почти независимыми государствами. На Западе — в Египте, Африке, Испании — возникли самостоятельные арабские страны. Непокойно было в самом Багдаде, столице, которую называли Мединет ас-Салям, что значило «Город мира».

Джафар ал-Муктадир вступил на трон халифата совсем мальчиком. В Багдаде рассказывали: когда умирал халиф — дядя Джафара, старый его слуга взял из рук умирающего печать и отдал визирю, заранее зная, что этот человек предан Джафару и сделает все, чтобы передать ему власть.

В том же году власть молодого халифа неудачно пытался отнять его двоюродный дядя, нагловатый, энергичный Ибн-ал-Мутазз — в Багдаде его хорошо знали как талантливому поэту. Поэт удалился в горестное изгнание, но визирь, которому Джафар был обязан трон, был убит. Его заменил новый визирь, ал-Фурат, о финансовых махинациях которого в Багдаде ходили самые недвусмысленные толки.

Джафар ал-Муктадир не отличался серьезным отношением к своим халифским обязанностям. Его трудно было застать трезвым. Придворные во всем потакали испорченному юноше, а правители провинций старались отличиться друг перед другом, посылая во дворец диковинные подарки. Однажды жители Багдада были свидетелями того, как во дворец халифа проследовал целый зоопарк. Один арабский писатель рассказывал, что здесь был огромный муравей из Африки, скованный цепью и посаженный в клетку, громадные змеи, обезьяны, львы и морские чудовища. Муравей, правда, по дороге сдох, но его поместили в «горький сок» и в сосуде довели до Багдада.

Среди развлечений и удовольствий, окруженный рафинированной роскошью дворца, халиф Джафар ал-Муктадир не замечал, как уходят или умирают верные ему люди, а на их место приходят казнокрады и проходимцы. Время от времени всплывали на поверхность громкие скандальные истории, но они тонули в шумном веселье придворных пирушек. Визирь делал все, что хотел, он говорил: «Править государством — это в сущности искусство фокусника: если хорошо и уверенно проделывать фокусы, то они становятся политикой». Эти «фокусы» принесли ал-Фурату богатство. В его дворце платили 20 тысяч дирхемов в год поэтам за оды в честь визиря, а к столу резали каждый день 90 овец и 200 кур. «Фокусы» привели ал-Фурата на эшафот.

Трудно было привлечь внимание халифа даже к важным государственным делам, трудно было и добиться у него приема. Абдаллаху ибн-Башту, так звали посла Волжской Болгарии, сначала казалось совершенно невозможным не только получить аудиенцию халифа, но даже попасть во дворец. А Абдаллах ибн-Башту, по прозвищу Хазарин, привез очень важные письма от своего царя Алмуша. Письма были адресованы халифу

и несколькими знатным придворным. Долго посол искал пути во дворец Джафара ал-Муктадира, устанавливал связи и добивался протекции. Наконец, посла приняли, письма прочли, а его самого выслушали. И вот перед багдадским двором открылась возможность увлекательной и выгодной дипломатической игры, которая в случае успеха могла, казалось, вернуть Багдаду, хотя бы на время, утерянный престиж.

О чем же писал Алмуш — царь волжских болгар — из своей занесенной снегом ставки, расположенной около трех затянутых льдом озер, где зимой завывал ветер и волки подбегали вплотную к бревенчатым избам, а весной голодные медведи приходили по ночам в поселки и проваливались в землянки? Что общего надеялся он найти с халифом, во дворце которого вековая привычка к роскоши соседствовала с изощренной придворной хитростью, где сверкала мраморная мозаика, играли полутонами алебастровые резные панели, украшавшие стены, блестела глазурь на сосудах и мерцали огоньки в стеклянных лампах, а поэты воспевали розы в садах Багдада, которые стоят вокруг «клумбы кроваво-красных анемонов, словно толпа людей, уставившихся на бушующий пожар».

Алмуш просил халифа прислать к нему кого-нибудь, кто помог бы укрепить мусульманство в его стране, построил бы мечеть, научил бы молитвам. Кроме того, болгарскому царю хотелось с помощью багдадских строителей и частично на средства халифа соорудить крепость для защиты от врагов. Были и более скромные просьбы: одного из придворных Алмуш просил достать кое-какие лекарства — слава арабской медицины дошла и до его глухой северной страны. Со своей стороны Алмуш обещал, что с кафедры новой мечети будет провозглашаться молитва (хутба) в честь халифа Муктадира. Хутба с упоминанием имени халифа означала бы признание Алмушем верховной власти Багдада.

Иметь вассала на севере было очень лестно и выгодно для халифата. Это показало бы силу и мощь ислама и его главы — багдадского халифа. Такой союзник, как Алмуш, был нужен для борьбы с усиливавшейся Хазарией, чьи правители приняли иудаизм. Хазарские каганы оказались бы зажатыми между мусульманской Волжской Болгарией на севере и Хорезмом и мусуль-

манскими городами Прикаспия на юге и юго-востоке. Это усилило бы многочисленные фактории купцов-мусульман на Волге, облегчило бы им торговлю в русских землях. Багдаду казалось, что с легкой руки Алмуша ислам примут все северные народы: и шепокорные гузы, жившие на Нижней Сыр-Дарье, и воинственные русы.

Итак, было решено снарядить посольство к Алмушу. Миссия должна была пройти через Бухару, по дороге засвидетельствовать почтение саманидскому эмиру Насиру, передать ему несколько запоздалые поздравления по случаю его восшествия на престол в Средней Азии (Насир благополучно правил уже семь лет). Затем посольство предполагало пройти через Хорезм, где на деньги, полученные от продажи имения окончательно разоблаченного визиря ал-Фурата, предполагалось закупить все необходимое для путешествия и для сооружения мечети и крепости в Волжской Болгарии. Затем посольство должно было пересечь степные районы Приаралья, обойти с востока Хазарию, выйти к Волге и подняться до Болгара — столицы царя Алмуша.

Состав посольства подбирался несколько недель. Когда все было готово, оказалось, что в посольстве нет грамотного человека. Тогда в качестве секретаря был включен в состав миссии знающий и образованный араб Ахмед ибн-Фадлан. Караван посольства выехал из Багдада 21 июня 921 г. По дороге в Нишапур посольство едва не подверглось нападению мятежных еретиков. В Бухаре послы долго уговаривали эмира Насира, добиваясь его поддержки. В Хорезме посольство пытался задержать хорезм-шах, но он не решился прибегнуть к насильственным действиям. Но в конце концов все уладилось, путешественники двинулись на север и оказались на границе мусульманского мира, на берегу обширного степного океана, где безраздельно господствовали кочевники. Позади были тревоги и мытарства, но все же это было путешествие по цивилизованным мусульманским странам. 4 марта 922 г. посольство отправилось дальше в путь в чужие земли. Что ждало караван впереди?

Их путь лежал через Устюрт, где они встретили гузские племена. Заискивая перед гузским предводителем, который, казалось, склонялся к исламу, посольство

передало ему богатые подарки. Затем путь каравана шел по враждебной стране башкир, которые были язычниками, поклонялись змеям, рыбам и журавлям. Встретились на пути и воинственные печенеги. Но, наконец, перед путешественниками открылась Волга. Алмуш выехал навстречу послам, и вскоре они были уже в столице болгар, в ставке царя — Болгаре.

Через тысячу лет

Через тысячу лет, в мае 1959 г., небольшой отряд Поволжской археологической экспедиции АН СССР направлялся в Волжскую Болгарию, чтобы закончить раскопки одного из археологических памятников, расположенного на юге Чувашской республики, близ деревни Тигашево. Впервые Поволжская экспедиция побывала здесь три года назад. Городище тогда было похоже на большую зеленую чашу — такое впечатление создавалось высокими валами, окружавшими маленькое круглое городище. На нем никогда не пахали, не рыли ям — оно считалось священным. Покрытое ровной травой маленькое городище выглядело каким-то особенно аккуратным. Жалко было начинать копать — срезать первую полосу дерна.

Сначала раскоп заложили в центре. Культурный слой оказался довольно бедным — немного черепков болгарской посуды, кости, две-три небольшие ямки — вот и все, что было найдено. Только в самом углу на фоне желтой глины выступали неясные очертания какого-то черного пятна. Расширили раскоп — оказалось, что это большая яма. В ней было найдено огромное количество обломков меди, обгорелых тиглей, углей.

Сначала решили, что это просто свалка ремесленника. Но совершенно неожиданно на дне ямы обнаружили огромное дубовое бревно, стоявшее вертикально. Не попадись эта яма со столбом, заложи раскоп чуть в стороне, и бросили бы археологи Тигашево, вошло бы оно в науку как малоинтересное рядовое болгарское городище. Но после такой находки так просто не уедешь. Что за «телеграфный столб» посреди древнего городища? Весь первый год раскопок это было для всех загадкой. Только на второй год работ, когда обнаружили,

что вокруг этого столба идет канавка, а в канавке стоят вертикальные плахи от разрушенного забора, картина стала проясняться.

Оказалось, что еще до того, как был врыт столб и окружен забором, на этом месте существовала другая ограда из плах. Потом эти сооружения по каким-то причинам сломали, и на городище были построены обычные избы. Удалось установить, что одновременно с сооружением забора и столба было насыпано три кольца оборонительных валов, а до этого был только небольшой ров, который не мог остановить даже ребенка.

За два года раскопок городище преобразилось. Оно покрылось, как заплатами, черными прямоугольниками раскопов. Постепенно стал выявляться интереснейший археологический памятник Волжской Болгарии X—XI вв.

Первоначально здесь был большой участок земли, окруженный мелким рвом так, что получалось замкнутое пространство в виде овала. Дно рва было выстлано досками и соломой. На севере этой площади была построена деревянная ограда. Она представляла собой вертикально стоящие плахи, вкопанные в землю. Плахи, конечно, не сохранились, но от забора остались в земле канавки, а в них кое-где обломки деревянных досок. До сих пор в чувашских деревнях ставят забор таким способом. Эта ограда очерчивала неправильный четырехугольник примерно 50 × 60 м. В середине восточной стены был выход. По бокам его стояли столбы. Пройдя первый вход, посетитель оказывался перед вторым забором со вторым входом. И уже после этого попадал в основной двор. Здесь археологи обнаружили несколько ям. Ямы были забиты костями и обломками сосудов. В одной был череп коровы, в другой — череп лошади.

Таковы были остатки какого-то непонятного древнего сооружения, и постепенно открывались все новые и новые части его. Недоставало последнего штриха, последнего звена, которое объяснило бы все.

Такое «звено» нашлось не в земле.

Для археологии очень важны совпадения ее данных со сведениями этнографии. Взаимопроверка обеих этих наук — вот чего добивались крупнейшие представители и археологии и этнографии. И действительно, этнографы имеют дело с пережитками старины в современном быте народов, а археологи — с истоками этих пережитков,

Забор из вертикальных плах в деревне Тигарево. Таной забор окружал древнее святилище

то есть с самой древней жизнью. Но сведения археологов неполны, основываются на жалких остатках, погребенных в земле. Этнографы же могут описать явление полно, со всеми деталями, но явление — всего лишь отзвук прошлого, его бледный слепок. Возникает синтез двух исторических профессий.

Какой же этнограф придет на помощь маленькому отряду, работающему в Тигашево? Оказалось, что еще в XVIII в. путешественник К. Милькович описал чувашское святилище — кереметь, которое весьма напоминает раскопанное сооружение на Тигашевском городище. Милькович видел почитаемую целой округой кереметь, построенную в виде забора, окружавшего прямоугольную площадь в 30—50 сажень. Размеры почти такие же, как у Тигашевского святилища. Во двор керемети можно было попасть через трое ворот, а внутри стоял стол-жертвенник. Рядом расположен был дом, где совершались культовые трапезы. Здесь собравшиеся поедали мясо жертвенных животных. Милькович писал, что часто святилище устраивалось просто в лесу, роще или в поле, у одинокого дерева. Но раньше всегда ставили прямоугольный забор. Его чуваша называли кереметью и посвящали какому-нибудь духу. Таким образом, кереметь два-три столетия назад представляла собой огороженное забором святилище.

Наверное таким святилищем-кереметью было и сооружение X в., откопанное на Тигашевском городище. Найденные ямы с костями — следы жертвоприношений. Не хватало только дома для жертвенных трапез. И вот около самого входа в святилище археологи, наконец, обнаружили большую землянку, стены которой были обшиты досками. Землянка содержалась в чистоте — кости животных, которых здесь поедали, наверное, убирали и сваливали в ямы.

Теперь можно представить себе, как десять веков назад к святилищу жарким летним днем собираются люди. Они толпятся у входа, но внутрь можно войти только избранным. Заранее собраны жертвенные животные. Жрецы точно могут сказать, какому богу какой скот и какой породы и масти нужно принести в жертву. Сварено пиво, испечены лепешки. Животных испытывают водой: нужно брызнуть на овцу или корову, и если они встрепенутся, это значит такая жертва будет угодна богу. Старики усердно повторяют этот опыт по нескольку раз. Читают молитвы: «Обращаемся с приветливым взором, со сладкими речами, умоляем и вспоминаем за трех родов животных, отделяя сердца и проливая кровь животных, кланяемся всем народом», — голосят жрецы. А затем, как во всякой религии, — просьбы и претензии к божеству: «Дай приплод скоту, — требуют у бога старики, знатоки обрядовых церемоний, — от кобылы — жеребят, от коров — телят, от овец — ягнят, — поясняют они, — а затем и всему народу — благополучие, здоровье; сохрани от всей злой нечисти, тягостей, помилуй».

Потом закалывают животных, пьют и едят — жрецы в специальном доме для ритуальных трапез, остальные — просто на земле, перед забором, у входа в святилище. Садится солнце, скрывается за корявыми досками, из которых составлена священная ограда, последний луч его проскальзывает сквозь щели, — наконец, темно. Народ возвращается в поселок. Вскоре только луна освещает череп жертвенного коня, вздетый на кол, который напех воткнут в землю, да ночной ветер треплет шкуры убитых телят.

Конечно археолог один не может восстановить эту картину обрядового праздника древних болгарских племен. Но примерно так совершался праздник «ман

чук» — большое жертвоприношение у чувашей два-три столетия назад.

Пустынный степной ландшафт с одинокими ветряными мельницами, целые дни работы на древнем городище-святилище, полная оторванность от привычного городского быта — все это создавало острое ощущение времени и истории. Присмотришься к обыкновенному дому и вдруг увидишь знак глубокой древности: на коньке крыши прикреплены бараньи рога — древняя вера в обереги, которые охраняют от дурного взгляда, от злого духа.

*Как веет миром и язычеством
От этих дремлющих степей.*

Но почему язычеством? Ведь X в. — это время принятия ислама царем Алмушем. Ведь не напрасно же посылал он в Багдад посольство и не напрасно отправил халиф к нему целый караван строителей, богословов и ученых-правоведов. Почему в самый разгар мусульманизации страны здесь было огромное языческое святилище — центр религиозной жизни нескольких племен.

Тысяча лет отделяла археологов от объекта их исследования, и тысяча лет прошла с тех пор, как посольство халифа въезжало в Болгары. В составе посольства был человек, который все видел и записывал в свой журнал. Это был секретарь посольства — Ибн-Фадлан.

Тысяча лет прошла с того дня, как посольство покинуло стены Багдада, забыты все его участники, лишь специалисты знают имя самого халифа Джафара и царя Алмуша, забыто было и имя секретаря посольства. Только в начале прошлого века были опубликованы его записки. И с тех пор Ибн-Фадлан известен всем историкам, археологам, географам, этнографам как замечательный путешественник и писатель древности, оставивший нам увлекательные рассказы об истории и быте народов той отдаленной эпохи, от которой почти не сохранилось никаких известий.

Вряд ли Ибн-Фадлан думал, что его будут так внимательно читать через тысячу лет. Но случилось именно так. И только он один мог объяснить, что произошло с Тигашевским городищем. Как человек X в., он имеет перед археологами XX в., вооруженными всей современной наукой, одно бесспорное преимущество — он сам жил в X в.

Багдадское посольство должно было помочь болгарскому царю Алмушу упрочить мусульманскую религию в его государстве. Ислам нужен был болгарским царям для того же, для чего нужно было христианство киевскому князю Владимиру — для укрепления своей власти в стране, для укрепления власти только что родившегося класса феодалов, для того чтобы держать в повиновении общинников-крестьян. С принятием ислама Алмуш из вождя полуварварского племени на далекой северной окраине цивилизованного мира сразу становился в ряд просвещенных и могущественных эмиров — правителей земель той обширной территории, где господствовало учение Мухаммеда.

Но Алмуш столкнулся с нежеланием ряда племен принимать новую религию. И Ибн-Фадлан был свидетелем этого раскола в среде болгарских племен. Некоторые племена, среди которых играли заметную роль сувары, или сувазы, откочевали и отказались подчиниться Алмушу, признать его новую религию.

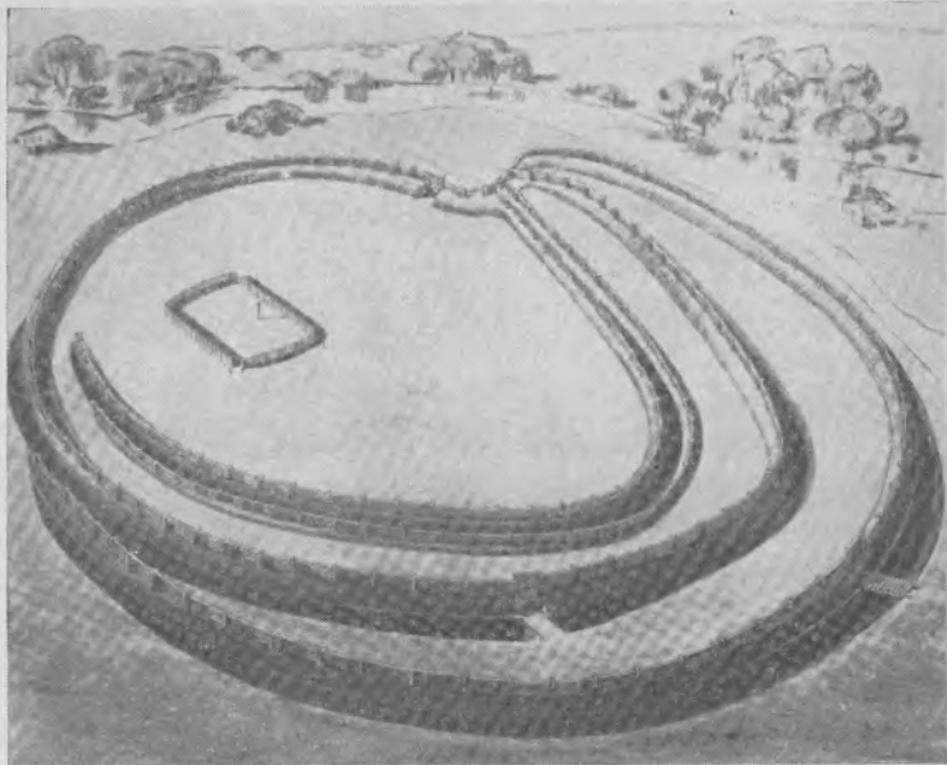
Ибн-Фадлан сообщает настолько туманно об этих событиях, что трудно понять из его рассказа, в какую сторону направились мятежники, непослушные Алмушу племена болгар, — на восток или на запад от слияния Волги и Камы, где был лагерь Алмуша, его столица город Болгар. Как правоверный мусульманин, Ибн-Фадлан не преминул обругать мятежную партию врагов ислама — они, дескать, связались со всяким отребьем, и во главе их стал самозванец, некто по имени Вырыг. Но лучше бы секретарь посольства не ругался, а сообщил конкретные сведения об этих непокорных болгарских племенах. Впрочем, жаловаться нельзя. Ибн-Фадлан и без этого рассказывает нам о болгарях больше, чем кто-либо другой из древних авторов.

Так вот, это «отребье» во главе с самозванцем отделилось от племен, верных Алмушу-мусульманину, и, очевидно, сохранило свое язычество. Должно быть, Тигашевское городище и было центром религиозной жизни этих племен, обособившихся от мусульманина Алмуша и откочевавших за Волгу. Смысл святилища становится понятным. Но какова дальнейшая его судьба?

Древнее святилище на Тигашевском городище имеет весьма характерную историю. В X в., а может быть, в начале XI в., оно было уничтожено, заборы сломаны, землянка засыпана, ямы выровнены. На месте святилища возник феодальный замок. Какой-то болгарский аристократ, князек или вождь, пришел на место племенного святилища, почитаемого культового центра, и построил здесь свою укрепленную усадьбу. По его распоряжению было сломано святилище, углублены кое-где старые рвы, насыпано три новых вала и выкопаны между ними новые глубокие рвы. И получился круглый замок с мощной фортификацией.

Оборонительная система была построена по определенному плану. Между валами было оставлено пространство свободной земли. Самые слабые места всякой крепости — это въезды. Их укрепляют специальными башнями, строят подъемные мосты, чтобы преградить путь противнику. Перед воротами Тигашевского замка не было ни подъемных мостов, ни башен, которые бы усиливали оборону входов. Но зато было три ряда валов с деревянными стенами на них. Если бы атакующие прорвались через первые ворота, то они попали бы в замкнутое пространство между стенами. Если бы они развернулись и пошли направо, они бы попали в тупик и погибли под градом стрел, которые сыпались бы на них с обеих сторон. Только повернув налево, противник мог дойти до вторых ворот во второй стене, но при этом воинам, атакующим замок, нужно было повернуться правым боком к защитникам, стоящим на второй стене замка. А щит висел на левой руке и защищал левый бок, так как правую руку нужно было освободить для меча. Но даже если ослабленный и понесший потери противник все же доходил до вторых ворот, то за ними его ждала та же западня. Повернув направо, воины попадали в тупик между второй и третьей стеной замка, повернув налево, они получали возможность дойти до третьих ворот, но опять поворачивались правым боком к защитникам, то есть оказывались в самом невыгодном положении.

Были, правда, еще ворота — в северной стене, где не было этого сложного лабиринта между стенами. Но

Реконструкция замка

северная стена выходила к реке. С той стороны нападения ждать не приходилось. Ворота были защищены самой природой.

Для всякого феодального замка характерно сочетание сильной оборонительной системы с очень небольшой жилой площадью. Классический замок эпохи феодализма — это башня-донжон, обнесенная стеной. Внутри — двор с хозяйственными службами, а в замке, в нижнем этаже, живет дружина, в верхнем этаже две-три комнаты и зала — для самого хозяина и его семьи. Все подчинено одной цели — сделать замок неприступным гнездом, где рыцарь чувствовал бы себя независимым и неуязвимым, где его не могли бы достать ни сосед, ни разбойник, ни король.

Раньше считали, что раз на Руси не осталось таких каменных замков, значит у нас не было феодализма такого, какой был в Западной Европе. Оказалось, что на Руси мало было каменных замков, но в X—XIII вв. было много деревянных. Эти деревянные замки с земляными валами, деревянными хоромами и стенами

ничем не отличались от западноевропейских. На Руси сохранились остатки и каменного замка — Боголюбово (близ Владимира) — замок князя Андрея Боголюбского, XII в.

В Волжской Болгарии находятся руины замка, сложенного из камня. Это так называемое Чертово городище близ Елабуги на Каме. Здесь долгое время было большое укрепленное убежище, куда окрестные племена, жившие в незащищенных, открытых поселениях, прятались вместе со своим скотом в минуту военной опасности. В X в. это общинное убежище захватил какой-то болгарский вождь или князь, и на нем построили замок с мощными каменными стенами и круглыми башнями. Площадь этого замка очень мала по сравнению со старым общинным убежищем. В нем мог находиться только сам феодал с небольшой свитой и дворней, а на городище-убежище могли укрыться от нападения сотни людей. Чертово городище — как бы иллюстрация той драматической эпохи, когда свободные общинники попали в зависимость от феодалов-князьков, дружинников и вождей. Крестьяне-общинники лишались своего убежища, жизненно важного для них. Теперь этим убежищем распоряжается феодал, а крестьяне оказываются в зависимости от него. Предполагалось, что он их будет защищать, но «защита» оборачивалась все чаще и чаще сбором дани, уводом скота, поборами и закабалением.

Тигашевский феодальный замок возник на месте племенного святилища. Феодал захватил культовый центр окрестного населения. Там, где собирались раньше свободные общинники, живет теперь князек со своей дружиной. Он присвоил себе не только право сбора налогов и дани, но и право распоряжаться священной землей бывшего мольбища. В своем замке он построил новое святилище, которое должно было заменить жителям уничтоженное им же старое. Теперь во власти феодала пускать или не пускать в это святилище. Он стал контролировать духовный мир своих крестьян, распоряжаться их религиозной жизнью.

Что это за святилище (второе тигашевское святилище), построенное внутри замка?

Оно намного меньше старого и имеет в плане вид более правильного прямоугольника. Оно построено так

же: это забор из вертикальных грубо обтесанных плах. В одном из углов этого забора сделан проход. Прямо против прохода возвышался большой деревянный столб с вырезанной на нем человеческой головой. Этот столб был более полуметра толщиной. Он найден был в первом же раскопе, заложенном на Тигашевском городище.

Идол — раньше в святилище его не было. Не было никакого идола и на керемети, которую описал в XVIII в. К. Милькович и которая так походит на первое тигашевское святилище. Что означал этот деревянный истукан? Оказывается, что для многих древних религий характерна вначале так называемая первобытная демонология. Люди верят в то, что все силы и явления природы окружающего мира воплощены в каких-нибудь демонах, божках. Эти духи живут и в лесу, и в ручьях, и под печью, и в колодцах, и за дровами, и на гумне, и на скотном дворе. Это лесные нимфы Греции, русалки и лешие русских мифов. Но постепенно среди божеств-духов появляются персонифицированные божества. На место нимф, домовых и вурдалаков приходят Зевс и Перун, Велес и Хорос, Один и Святovit. Эти боги обычно становятся в иерархический ряд, появляется главный бог и его подчиненные — совсем как на земле: в эпоху, когда происходит разложение родового строя, появляются классы и государство.

Большие святилища Восточной Европы в конце I — начале II тысячелетия обычно сооружены таким образом, что центром их оказывается главный идол в виде статуи или деревянного столба. Возьмем для примера святилище Перуна близ Новгорода, раскопанное археологами. Здесь был идол Перуна, окруженный маленьким рвом в виде восьмилепесткового цветка. Вокруг идола во рву разжигали огонь. Этого-то прокопченного бесчисленными кострами бога и свалили новгородцы в Волхов в 988 г., и он долго плыл вниз по реке.

Обратимся опять к нашему замечательному источнику. Вот как описывает святилище русов Ибн-Фадлан.

С приношениями в руках приходят молящиеся к длинному воткнутому в землю бревну, на котором вырезано лицо, похожее на человеческое. Позади его стоят такие же бревна, но поменьше. Подойдя к большому изображению, люди кланяются ему и просят о чем-нибудь.

Например, русский купец, приехавший в Волжскую Болгарию, молится:

«О мой господь!

Я приехал из отдаленной страны,

и со мною девушек столько и столько-то

и соболей столько-то и столько-то шкур.

Я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего
многочисленные динары и дирхемы.

Чтобы он покупал у меня в соответствии с тем,

что я пожелаю,

и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю».

Наверное, так же подходили к деревянному столбу с человеческим лицом, стоявшему посреди Тигашевского замка, крестьяне и общинники и молили его, чтобы он послал дождь и хлеб не сгорел на солнце или, наоборот, чтобы не было дождя и они смогли бы убрать хлеб; подходили дружинники и просили, чтобы бог послал богатого купца на проезжей дороге, а сам князь приходил и просил, чтобы соседний владелец замка заболел проказой, потому что у него было роскошное белое блюдо с красивой красной росписью и блестящей глазурью, привезенное из далекого и волшебного Самарканда, а у него — владельца Тигашевского замка — такого блюда нет.

Две очень интересные черты древнетюркских верований связаны с этим вторым Тигашевским святилищем: культ собаки и жертвоприношения коней. В двух местах под валами замка найдены разрубленные скелеты собак. Их клали сюда с какой-то колдовской, магической целью. Труп собаки с отрубленной головой был брошен в канаву, которую вырыли, чтобы поставить доски для забора святилища. Перед нами — остатки какого-то ритуала. Если мы возьмем сведения о религиозных верованиях древних тюрков, то окажется, что культ собаки и волка был очень широко распространен среди этих народов. Например, у чувашей в прошлом считалось, что услышать лай собаки на поминках означало, что покойный чем-то недоволен. В собаку переселялась его душа. Поэтому собаке давали пожирать оставленную на поминках для покойного пищу, и люди думали, что каким-то магическим образом эта пища поглощается умершим родичем. А у древних тюркских (болгарских, в частности) племен был особый обряд клятвы. Во время

Яма с костями коня

магических действий, скрепляющих клятву, приносили в жертву собаку. В русской летописи рассказывается о волховании половецкого князя Боняка, жившего в XII в. Когда половцы стали на ночлег, Боняк отъехал в полночь от рати и начал выть по-волчьи. И ответил ему волк, и понял Боняк, что победа в предстоящем бою будет на его стороне.

Рядом со святилищем была яма с костями коня. Но здесь были свалены не все кости, а только череп и кости четырех ног — именно те части, которые находят археологи в печенежских и торкских могилах и которые остаются от истлевшего чучела коня. Здесь чучела, наверное, не было. Просто после жертвоприношений шкуру с черепом и концами костей ног повесили на заборе, а потом ее зарыли. Жертва коня — это особенно частая жертва у тюрков. У чувашей раньше при общественных обрядах в поле закалывали белую лошадь, а при семейных жертвоприношениях — жеребенка. Лошадей закалывали и на поминках. Один из этнографов XIX в. писал, что каждый чувашин должен был принести в жертву керемети коня или жеребенка, иначе его ждет неурожай и голодная зима. Путешественники XVIII в. видели, как на деревьях, посвященных духу, и на керемети чувашаи развешивали шкуры жеребят. А этнограф В. Сбоев писал, что при шкуре оставались непременно все кости головы, грива, хвост и ноги лошади.

Принятие мусульманства

Мятежное «отребье», которое, как писал Ибн-Фадлан, не желало принимать ислам и откочевало на запад, не сохранило все же своей первобытной свободы. У них, так же как и у болгар-мусульман, развивались феодальные классовые отношения, князья закабалили общинников. Обычно это сопровождалось принятием новой религии — мусульманства или христианства. Но болгарские племена упорно цеплялись за свою старую религию. Так возникло очень редкое явление — феодальный замок с языческим святилищем внутри. Святилище в замке вскоре было уничтожено. Владелец замка принял мусульманство и сломал «поганого» идола.

О том, что ислам был принят, говорит, между прочим, то обстоятельство, что на городище не было найдено костей свиньи: мусульмане не едят свинины. Отсутствие костей этого животного среди пищевых отбросов — явление обычное для мусульманских городов.

Был уничтожен и внутренний вал. Его убрали, землю свалили в ров и заровняли место. В результате оборонительная система замка сильно ослабела — теперь он защищен не тремя стенами, а двумя. Внутренняя площадка замка стала намного больше.

В этот последний период своей истории замок сильно изменился. Раньше он был очень мало заселен. В одном конце замка было святилище, в другом — стоял деревянный дом самого князька — обширный сруб на кирпичном фундаменте. Теперь же на всей площади замка, которая к тому же значительно увеличилась после уничтожения внутренней оборонительной линии, были построены избы многочисленной дворни и челяди князя. Здесь теснилось множество домов. Археологи насчитали на раскопанной части их более десяти. Это были дома княжеской «администрации», которая управляла и скотным двором, и финансами, и полевыми работами. Здесь стояли избы слуг, хозяйственные постройки — амбары, сарай, здесь же жили и работали мастера-кузнецы, литейщики и т. п. В одном из раскопов обнаружена мастерская медника. Был найден горн, рядом валялось много обрезков медной проволоки, капель бронзы, шлаков, тиглей, заготовок и бракованных бронзовых и медных изделий. Медь

мастер покупал где-то в другом месте. Среди потерянных вещей в этой мастерской был найден слиток меди, части весов, на которых взвешивали металл, и гирьки.

Там, где раньше стоял идол, осталась только яма с обломком нижней части бревна, он остался в земле, когда по приказу князя выворачивали из земли этого развенчанного истукана. Теперь здесь поселился кузнец. В погребе его дома археологи нашли целый клад заготовленных для обработки кусков железа, выплавленного в горнах, так называемых криц. Кузнец занимался также и литьем бронзовых вещей. Отходы своего производства он выбрасывал в яму, в которой раньше был идол.

Замок разросся в большое хозяйство, в усадьбу, где сосредоточилось феодальное вотчинное ремесло, куда окрестные крестьяне свозили зерно, где выращивался скот, ковались плуги, изготовлялись украшения. И находки в той части культурного слоя замка, который относился к концу XI в. (то есть последним десятилетиям его истории), свидетельствуют о многочисленности населения усадьбы — обнаружено много пряслиц, ножей, замков, кресал, гребней, — весь этот инвентарь почти не встречался в более глубоких частях слоя, которые отложились в тот период, когда замок был святилищем и одновременно разбойничье-феодальным гнездом.

* * *

Такова судьба Тигашевского городища, которое сначала было святилищем, потом святилищем-замком, потом — просто замком. Рассказ о нем связан с судьбой и историей болгарских племен. Но, чтобы оно «заговорило», требуются не только тщательные поиски в земле. Нужны еще особо благоприятные условия для исследования.

Время идет, повинуюсь естественному закону своей необратимости. Но люди теряли его вдвойне, так как оно уходило, стирая их историю. Только сравнительно недавно и только самые передовые народы стали записывать события, чтобы хоть как-то удержать этот поток времени.

В XIX в. возникла наука, которая ставила своей целью вернуть людям это утраченное время, восстановить эти ушедшие, казалось, без следа события их истории. Археология занялась «поисками утраченного времени».

Когда исследуется прошлое, то нет возможности поставить эксперимент. В этом одно из глубочайших различий точных, естественных наук и наук общественных. Некоторые попытки поставить опыты в исторических науках, правда, делаются. Но возможности эксперимента в археологии и в истории очень ограничены. Мы не можем моделировать изучаемое общественное явление прошлого, не можем повторить его и тем самым проверить его механизм. Поэтому особое значение имеют совпадения сведений об этих событиях прошлого, почерпнутые из различных источников. Хорошо, когда два древних писателя независимо друг от друга сообщают одни и те же подробности. Значит, эти детали действительно имели место. Тогда среди нагромождений выдумок и преувеличений тенденциозного изложения, среди слухов, сказок, мифов и фантазий историк может выделить истинные сведения и восстановить то, что людьми давно забыто. Особенно важно, когда письменные сообщения подтверждаются археологическими фактами.

Именно такие совпадения письменных, этнографических и археологических данных и удалось установить при изучении Тигашевского городища.

Сотни тысяч лет первобытный человек жил без письменности. И только 5 тысяч лет назад появились первые записи. Всего 5 тысяч лет — время 100 человеческих жизней, если срок жизни взять в среднем по 50 лет. Конечно, в более ранних периодах археолог может рассчитывать только на то, что найдет в земле. Но, разбираясь в более поздних эпохах, мы время от времени чувствуем мощную и надежную опору — записки какого-нибудь наблюдательного и зоркого человека, жившего много веков назад.

ИДОЛЫ

«Остолбенеv до немоты...»

Сотрудник Таганрогского музея вывел меня на маленькое крыльцо, выходящее в заросший цветами и кустарником двор, где стояли древние каменные изваяния. Одни — прислонившись к стенам дома, другие, врытые в землю, — в ряд на газонах или под кустами; некоторые лежали.

Занимаясь историей половцев, я объездил в погоне за этими каменными статуями почти все краеведческие музеи нашего юга. Я искал их в Ростове, Новочеркасске, Азове, Краснодаре, Ставрополе. В какой бы южный город я ни заехал — во дворе местного музея меня уже ждали эти «бабы». Я так привык их искать, что, куда бы ни направлялся, делал нелепый крюк, лишь бы попасть в город, где, я знал, есть краеведческий музей, а значит, можно встретить моих старых каменных знакомых.

Много книг написано про остров Пасхи и его чудовищные статуи. Но у нас под боком, в нашей стране, доступные всем для обозрения и изучения, стоят сотни древних каменных статуй, не менее таинственных, не менее монументальных, с тем же выражением немой архаической загадки на стертых и сбитых лицах.

Каменные статуи Западной Европы и наших степей вызвали очень много споров — кому они принадлежали, кто их поставил и с какой целью. Вот некоторые высказывания:

Каменные статуи были оставлены скифами.

Они были сарматскими надгробными памятниками.

Каменное изваяние во дворе Таганрогского музея

Их оставили гунны.

Они относятся к племенам бронзового века.

Их сооружали монголы.

Их ставили финские племена.

Им поклонялись древние болгары.

Их высекали половцы.

Это были идолы кельтов.

Их делали геты.

Статуи были поставлены славянами.

Их сделали печенеги.

Эти многочисленные теории объединяло то, что различные ученые, их поддерживающие, или не пытались доказать свой тезис, или же были бессильны это сделать.

Каменные изваяния привлекали внимание еще древних русских людей. В XVIII в. их называли «человек камен» или «девка камня», а иногда «каменными бабами». Почему бабами? Ведь среди статуй встречаются мужские фигуры с усами. Возможно, это название произошло не от нашего слова «баба» — женщина, а от тюркского «баба» — отец.

Неясно было, являются ли «бабы» — надгробными сооружениями или это идолы; кого они изображают: одни утверждали — героя или бога, другие — умершего предка, третьи — убитого врага. Стояли эти каменные статуи сначала на курганах и сопках, затем на крестьянских межах и в помещичьих имениях, а потом перенесли их в музей или поместили на потеху празднующейся публики в провинциальных городских садах, — стояли и молчали. Некоторым посчастливилось: их поставили в больших залах Государственного Исторического музея или в Эрмитаже.

«Стоящая» каменная баба

Одна «баба» попала во двор Румянцевского музея, нынешней Библиотеки имени В. И. Ленина. Мимо нее много раз проходили равнодушные, всегда торопящиеся читатели, и редко кто останавливался, чтобы «полюбоваться» этой нелепой каменной громадой со вздутым животом, огромными ногами, плоским лицом, сутулыми тяжелыми плечами.

И стояли они молча, «окаменев до немоты», выдавшие своими каменными глазами то, что не суждено уже увидеть современному человеку.

В фольклоре каменные статуи часто обретают дар речи, чтобы произнести какую-либо сентенцию. Один немецкий писатель XVII в. — Гриммельсгаузен — так описывает встречу своего героя с каменным идолом:

«Однажды прогуливался я в лесу, склоняя свой слух к тщеславным помыслам, как наткнулся на каменного болвана, распростертого в натуральную величину, так, что казалось, то была какая-нибудь статуя древнего немецкого героя, ибо он был изображен в старинном одеянии и, по моему разумению, изваян с чрезвычайным искусством и верностью природе. Пришло мне на ум, что должно быть в этих горах в незапамятные времена стояло языческое капище и сей идол находился в нем. Того ради, сказал самому себе, а не сыщется ли еще что под его фундаментом, но нигде такового не приметил, а так как я нашел шест, который, верно, был брошен каким-нибудь дровосеком и мог послужить рычагом, то подошел к истукану, чтобы перевернуть его и поглядеть каков он со спины (пока все совершенно правильно с точки зрения археологической методики, но дальше. — Г. Ф.-Д.). Едва только завел я рычаг

«Сидящая» каменная баба

ему под шею и начал на него напирать, как он сам зашевелился и сказал: «Оставь меня в покое!..»

Потом каменный идол превращается в могучий дуб, в супоросую свинью, в сырую колбасу, в клеверный луг, в коровьи лепехи, в прекрасные цветы, в веточку тутового дерева, в шелковый ковер, а потом, словно исчерпав свою изобретательность,— в человека, чтобы сказать и написать какую-то нелепицу и, превратившись в птицу, улететь.

В начале нашего века жил человек, с которым эти каменные статуи также заговорили. Это был поэт Велемир Хлебников.

Одна черта в творчестве Хлебникова была особенно ярка — его интерес к языческой старине, к глубокой архаике, где ветер в лесу перекликается с лешим, где поет русалка и пьет березовый сок молодая колдунья, где к ночи загораются огоньки в траве.

Поэт хотел уйти в эту архаику от современных ему «железных» вещей, которые, казалось, восстали против человека. Красоты в мире нет больше, она в лесу, она в пещере монгола-шамана. И к этому хлебниковскому шаману приходит Венера и жалуется, что прежде Греция усердно возводила ей храмы, а теперь ее забыли художники, сетует, что все рушится, вьюга и снег кругом.

И вот для Велемира Хлебникова немые каменные глыбы оказались говорящими. Конечно, его интересовала не научная сторона вопроса: кто и когда воздвиг этих истуканов, с какой целью и т. п. Его поэтическое восприятие старины, язычества и древних культов оживило эти мертвые изваяния, и они, молчавшие столетия, заговорили с ним.

*Они зернистыми руками
К ногам суровым опускались.
И плоско-мертвенными глазами
Былых таинственных свиданий
Смотрели каменные бабы.
Смотрело
Каменное тело
На человеческое дело.*

А смотрели они на тяжелую войну, на интервенцию, на голод, на солдат в окопах, на степь, где разбросаны были люди без дома и уюта, как сам поэт. Хлебников хо-

Шлем и косы у каменной бабы

тел одухотворить это «семейство каменных пустынных», стороживших поле, хотел увидеть в них историю, живую связь людей со своим прошлым, сознание которой только и делает человека частью человечества.

О чем же говорят каменные статуи? Они спрашивают самих себя:

*Где тетива волос девичьих,
И гибкий лук в рост человека,
И стрелы длинные на перьях птичьих,
И девы бурные моего века?*

И вот эти фигуры стоят снова в молчании, и кружащийся над ними ястреб не понимает этого древнего камня, его сказок про дикого коня с темноволосой девой на спине:

*Ее развеянные косы,
Его молчание удил.*

Но это был разговор с поэтом, далекий от науки. Что сделать, чтобы «бабы» заговорили с учеными?

Методы

При исследовании древних каменных изваяний наших южных степей применяется несколько методов. Прежде всего используется типологический метод. Изваяния можно сгруппировать по типам: «стоящие» бабы, «сидящие» бабы и изваяния «стелообразные», у которых высечена только голова, а туловище представляет обтесанный четырехугольный каменный столб. Каждый из этих типов разделяется на два подтипа: мужские и женские статуи.

Но можно подвергнуть классификации не только сами изваяния, но и те предметы, которые на них изображены. Каменные «бабы» имеют набор самых разных вещей. Это детали одежды, оружия, пояса, сапоги, доспехи, косы и т. п. Составляется список так называемых реалий, то есть вещей и деталей одежды, высеченных на изваяниях. На женских статуях воспроизводились шляпы, налобные повязки, козырьки у шляп, гривны, ожерелья, серьги, медальоны на груди, зеркала, висящие сбоку на ремне.

На мужских статуях находим несколько типов изображений шлемов, нагрудные бляхи и бляхи на спине, соединенные системой ремней. Сбоку — луки, колчаны, сабли, кресала для высекания огня.

И на женских и на мужских статуях можно увидеть косы, сапоги со специальными ремнями и пряжками, чтобы кожаные голенища не опускались, сосуды, зажатые двумя руками у живота, гребни, ножи, мешочки у пояса. Часто статуи одеты в кафтан, передние полы которого и рукава богато украшены.

Что дает такая классификация деталей одежды и других мелочей? Прежде всего, возможность определить,

существенна или несущественна наша классификация типов статуй, основанная на их позе («стоящие», «стоящие» и «стелообразные» бабы). Нужно выяснить, с какими статуями какие типы изображенных на них реалий встречаются чаще всего. Можно подсчитать для каждой вещи (например, для шлемов), какой тип изображения этого предмета сколько раз встречается на мужских «стоящих» статуях, на таких же статуях, но женских, на мужских «сидящих» и на женских «сидящих» изваяниях и, наконец, на мужских или женских «стелообразных» статуях. Другими словами, мы должны исследовать, как распределяются детали среди шести типов статуй. В этом суть типологического метода.

Допустим, что для шлемов у нас получилось такое распределение:

Типы шлемов	«Стоящие»		«Сидящие»		«Стелообразные»	
	мужские	женские	мужские	женские	мужские	женские
I	28	3	32	—	5	3
II	4	—	6	—	3	—
III	1	—	—	—	—	—

Но как определить — велико или мало каждое из этих чисел, записанных в таблицу? Возьмем какой-нибудь многочисленный тип статуи и столь же многочисленный тип шлема. Ясно, что большое количество статуй этого типа с такими именно шлемами вполне естественно и ни о чем не говорит. Наоборот, возьмем редкий тип статуи и очень редкий тип шлема. Оба типа так редки, что и встретиться вместе у них нет почти никакой вероятности.

В таком случае даже одна статуя взятого типа с этим редким видом шлема говорит о многом. Она свидетельствует об особой связи между типом статуи и типом шлема. Нужно установить, для каких типов статуй какие типы реалий были характерны, то есть встречались чаще, чем на других.

Здесь применяется уже другой — математический — метод, основанный на теории статистики. Он исходит из того факта, что если два события или явления независимы друг от друга, то доля первого события среди всех случаев, при которых это событие могло бы наступить, равна доле этого события среди тех случаев, при которых наступило второе событие. Если между этими долями есть различие, то это значит, что первое событие среди случаев, когда имеет место второе событие, происходит реже или чаще, чем в обычных условиях. Следовательно, можно говорить о какой-то связи (отрицательной или положительной) между двумя явлениями. Но это расхождение может быть случайно, ведь нам известны не все события, а лишь часть их (как говорят математики — выборка). И хотя эта выборка отражает всю совокупность, как часть отражает целое, в ней все же возможны случайные отклонения. Поэтому вводится особый критерий. Если разница между двумя полученными долями превысит этот критерий, значит можно говорить (с определенной уверенностью) о какой-то связи между двумя изучаемыми нами событиями.

Положения статистики и теории вероятности можно использовать при изучении каменных изваяний. Это позволяет выявить существенные связи между некоторыми типами изображенных на статуях вещей с определенными типами самих статуй. Но связи, выявленные методом математической статистики, могут быть различными. Другими словами, разные причины заставляли древних скульпторов для одних статуй выбирать один вид одежды, прически или оружия, для других — другой. Это могут быть связи, вызванные полом изображенного человека. Например, шлемы закономерно не встречаются на женских статуях. Но среди мужских статуй они также распределяются неравномерно. Если шлемы I типа одинаково часто встречаются и на «стоящих», и на «сидящих», и на «стелообразных» изваяниях, то шлемы II типа — значительно чаще на «сидящих» и «стелообразных». Эта неравномерность объясняется тем, что разные типы статуй были сделаны в разное время.

В течение времени один вид статуй выходил из моды, его заменяли другим. А параллельно этому процессу менялись и изображаемые на изваяниях детали, менялась манера их изображений, хотя сам набор этих вещей

оставался прежним. Каменные «бабы» как бы одевали модные шляпы, требовали модные шлемы, они хотели, чтобы число их кос тоже соответствовало моде. И вот по этим «модным» вещам можно уловить время «жизни» этих «баб».

Здесь мы касаемся интереснейшего вопроса о моде. Что это такое? В математической статистике тоже есть «мода» — это наивысшая точка кривой, показывающей случайные колебания какого-либо признака, то есть тот момент, когда этот признак был «самым модным».

Археология в большей своей части — это наука о вещах. Вещи живут своей жизнью. У них в этой жизни есть свои законы. Есть вещи, равномерно входящие в моду и столь же равномерно уходящие из быта. Есть типы вещей, входящие в жизнь сразу; подобно эпидемии, набрасываются они на людей, подчиняют их себе и долго потом не уходят со сцены. Есть предметы, живущие десятилетиями, есть вещи, которые остаются неизменными в течение веков.

Можно построить математическую теорию жизни вещей как части общественного быта людей. Одни формы приходят, другие уходят. Этот процесс иногда течет спокойно, смена мод в одежде и мебели сочетается с устойчивым консерватизмом в других областях. Но есть периоды, когда все вещи бунтуют, волнуются, требуют новых для себя типов.

*«Дайте нам новые формы!» —
Несется вопль по вещам...—*

писал В. Маяковский в 1921 г. И эти эпохи обычно связаны с социальными потрясениями. Но как, в какой степени, каков характер этой связи, в чем механизм этих явлений? Какая наука ответит на эти вопросы? Археология, социология, а может быть, статистическое вещеведение или археологическая социология?..

Типологический метод и математическая обработка подсчетов позволила установить существенные различия между типами статуй. А различия следует отнести за счет разновременности статуй. Это уже серьезный успех в нашей попытке заставить заговорить этих окаменевших истуканов. Было установлено, что статуи («сидящие», «стоящие» и «стелообразные») относятся к разному времени. Теперь нужно выяснить, какие статуи более

древние, а какие более поздние (или, как выражаются археологи, более «молодые»). Здесь может быть использован метод выявления «рудиментов».

Биологи рудиментом называют остатки какого-либо органа, утратившего свое значение в организме, но функционировавшего на более ранних ступенях эволюции. Понятно, что рудимент — всегда явление более позднее, чем функционирующий орган. На каменных статуях тоже есть своего рода «рудименты». Например, на «сидящих» и «стоящих» статуях часто изображался на груди медальон, висящий на ремнях. Такие медальоны есть и на «стелообразных» статуях, но без ремней — просто кружок или квадратик, совершенно бессмысленный, если учесть, что у этих статуй не было ни рук, ни ног, ни талии, просто одна голова, высеченная на каменной стеле. То же самое можно сказать и об изображениях сосудов на этих примитивных изваяниях. Рук нет, но сосуд, прижатый к животу, воспроизведен. На «стелообразных» статуях встречаются изображения блях и ремней, бессмысленных на четырехугольном каменном столбе, у которого высечена только голова. Очевидно, что эти детали — «рудименты» тех вещей и деталей, которые мы находим на «сидящих» и «стоящих» реалистических изваяниях, где они были полны смысла, выполняли функциональную роль. Ну, а если это так, то можно заключить, что «стелообразные» статуи — это поздние варианты «баб», то есть более молодые типы каменных изваяний.

Сравнивая «сидящие» статуи со «стелообразными», выясняем, что в изображении деталей между «стелообразными» статуями и «сидящими» есть ряд общих черт. Между «сидящими» и «стелообразными» бабами и между «стоящими» бабами — много различий. Отсюда логический вывод: по времени «стоящие» каменные изваяния более ранние, а «сидящие» и «стелообразные» — более поздние.

Мы уже многого добились от наших молчаливых.

Современные археологические методы датировок используют физику и химию, биологию и геологию, применяют свойства изотопов и учитывают годовые кольца на деревьях. Но для каменных «баб» все эти методы пока неприменимы. И остаются старые традиционные археологические приемы, разработанные еще в XIX в. замечательным шведским археологом О. Монтелиусом, которо-

го называли самым «геометрическим» умом в археологии, подчеркивая этим логическую безупречность и «математическое» остроумие его построений. Сейчас в эти типологические методы введен новый существенный элемент — математическая статистика, основанная на теории вероятности.

Выяснено, какие статуи старше, а какие младше, то есть «относительная датировка» изваяний. А теперь последний шаг в нашей работе: установление «абсолютной» датировки. Так археологи называют датировки, которые выясняют время, когда та или иная вещь была в обиходе. Применим здесь метод аналогий.

Нужно среди археологических предметов той или иной эпохи найти такие, которые имели бы близкое сходство с изображенными на статуях деталями одежды, вооружения или украшений. И если знать, к какому времени можно отнести эти археологические культуры, то можно сказать, когда соорудили наши каменные статуи.

Шлем на некоторых статуях очень походит на шлемы, бывшие в употреблении на Руси и в степях Восточной Европы XII — начала XIII в.

Так называемые «роговидные украшения» на головах статуй, у висков, изображали, очевидно, венчики из войлока с металлическими пластинами. Такие венчики археологи находят на черепахах покойников в кочевнических погребениях, например, на Киевщине; датируются эти могилы XII в.

Серьги на статуях имеют вид кольца с напускной бусиной. Такие серьги были в моде в XI—XII вв. у кочевников южнорусских степей.

Аналогий можно провести много. Предметы, изображенные на статуях, соответствуют тем вещам, которые были в употреблении у кочевников нашего юга в конце XI, в XII и в начале XIII в.

Значит абсолютная дата каменных изваяний — это XI—XIII вв. Конечно, колебания во времени могут быть. Отдельные статуи более ранние, другие — более поздние и выходят за эти границы. Это неизбежно. Но важна датировка основной массы «баб», и она установлена.

Теперь нужно проверить эту дату. Здесь на помощь приходит другой метод — стратиграфический. Стратиграфией в археологии и геологии называют чередование слоев — отложений каких-либо эпох. Если один слой

лежит выше, а другой — ниже, то, значит, и эпохи одна была раньше, а другая — позже.

Но как применить к нашим статуям этот метод? Оказывается, что в некоторых курганах обнаружены погребения, которые перекрыты каменными изваяниями. Изваяния лежат стратиграфически так, что не остается никакого сомнения в том, что они были положены уже после того, как могила была вырыта, а покойник в ней погребен. Если датировать это погребение, то можно сказать, что статуя стояла до такого-то времени, а потом была повалена, стесана и использована как простая каменная плита. И оказалось, что во всех случаях, когда можно было датировать такие погребения, они относились к золотоордынской эпохе (XIII—XIV вв.).

В других случаях статуи стоят нетронутыми на вершинах курганов. Есть основания предполагать, что они стояли там и в древности. Если определить, когда насыпан курган, то можно сказать, что изваяние поставлено было не раньше такого-то времени. Во всех случаях насыпи таких курганов, на которых стоят статуи, оказались возведенными не позднее XI—XII вв.

Метод, основанный на изучении стратиграфии курганной насыпи и положения статуи внутри кургана или на кургане, подтверждает полученные нами даты: XI—XIII вв.

И, наконец, последняя проверка. Поищем, нет ли среди исторических хроник, путешествий, актов или древних поэм описаний наших статуй? Оказывается, есть.

Азербайджанский поэт XII в. Низами писал в поэме «Искандер-намэ» (Искандером он называл Александра Македонского), что в далеких степях жили кыпчаки-половцы, у которых женщины имеют обычай не закрывать лицо. Искандер убеждал их отказаться от этого обычая, но они ни за что не хотели согласиться с ним. Тогда, отчаявшись решить этот вопрос сам, Искандер обратился, как полагается в восточной поэме, к мудрецам. Один мудрец сделал каменную бабу с чадрой. Как увидели ее женщины кыпчакской степи, стало им стыдно, и они выполнили желание Искандера. Низами добавляет, что каменные статуи до сих пор стоят в степях и кочевники им поклоняются:

«Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде стату-

ей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклонятся ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, приносит ей овец».

Это сообщение Низами полно легендарных деталей. Понятно, что Александр Македонский не мог иметь никакого отношения к кыпчакам-половцам, которые жили в начале II тысячелетия н. э. в степях Казахстана и Восточной Европы. Но все же тот факт, что эти племена ставили каменные статуи, Низами отметил очень четко.

В середине XIII в. западноевропейский монах Вильгельм Рубрук отправился к монгольскому хану в Центральную Монголию. Вернувшись в Европу, он написал путевые записки, которые стали замечательным источником сведений о половцах-кыпчаках и монголах.

В числе прочих фактов Рубрук сообщает нам: «Команы (так он называл половцев-кыпчаков.— Г. Ф.-Д.) насыпают большой холм над усопшими и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу».

Эти два древних свидетельства не только подтверждают дату, полученную в итоге целой цепи логических построений, но и указывают, какой народ ставил этих истуканов и им поклонялся. Это команы-половцы. И действительно, в XI—XIII вв., в то время, когда ставились в южнорусской степи каменные статуи, там кочевали коварные враги древней Руси — половцы. Западноевропейские писатели и хроникеры называют их команам, а восточные — кыпчаками.

Путь на запад

Кроме половецких изваяний, в степях встречаются скифские статуи, а может быть, и еще более ранние скульптуры, которые оставили нам племена бронзового века. Они совсем другие по виду и не имеют к половецким «бабам» никакого отношения. Половцы пришли с Востока, и на Востоке, в Азии, надо искать родину их каменных статуй. В степях Казахстана, Алтая, Монголии, Тувы у половецких «баб» были родственники: такие же каменные люди, только более древние и примитивные. На них нет такого разнообразия одежды и украшений, они и меньше по размерам. Это были почти исключительно статуи

мужчин, часто с длинными отвислыми усами и насупленными тяжелыми бровями. Их лица и туловища были плоскими; часто это были просто каменные столбы с вырезанными на них лицами и руками. Восточные каменные «бабы» держали сосуд обычно только одной рукой, а другую руку клали на эфес сабли или кинжала.

Восточные изваяния относятся к более раннему времени — VII—IX вв. В это время в степях Монголии, Тувы и Алтая были мощные объединения тюрков. Несколько позднее эти статуи появились в Средней Азии, в районе современной Киргизии. И здесь-то, в толпе архаических примитивных изваяний, появились первые женские фигуры и первые статуи, у которых обе руки сжимали сосуды. Затем стали встречаться пока еще очень редкие изваяния с реалистически переданными объемами тела, что было совершенно необычно для плоских столпообразных восточных каменных фигур.

По соседству жили кыпчаки. Где-то на Иртыше, на северных границах Киргизских степей, в восточном Казахстане, были их первоначальные кочевья. В начале II тысячелетия половцы прорвались на запад. Быстрым маршем прошли они Казахстан, а в середине XI в. появились на Волге. С ужасом увидели печенеги и гузы, которые хозяйничали до половцев в степях Восточной Европы, что на восточных границах их пастбищ появился грозный враг. И действительно, половцы очень быстро вытеснили печенегов и торков, а вскоре Киев, которому казалось, что «страшнее печенега зверя нет», столкнулся с еще более опасным врагом — половчанином. Началась долгая борьба Руси с Половецкой степью. Это были годы, полные драматизма и крови, когда успешные походы в степь чередовались с горькими поражениями.

Попадая в Половецкую степь, туда, где жили бесчисленные «поганые» половецкие ханы, русский человек видел этих постылых каменных чудовищ, этих «каменных девок», которые, казалось, были символами господства половцев над степями.

На западе, в восточноевропейских степях, каменные «бабы» совсем другие. У них изменилась поза: они держат сосуд обеими руками. Их общий облик стал иным: более реалистически высечено лицо, руки, ноги, детали одежды. Среди каменных изваяний появилось много изображений женщин. Так, например, среди наиболее

ранних западных половецких статуй более 70% составляют женские статуи.

Перед нами загадка, на которую мы ответить пока не в силах. Что заставило мужчин потесниться, дать место женщине? Ее особая, более значительная роль в обществе кочевников Восточной Европы, по сравнению с той, какая отводилась женщине в обществе восточных тюрков? Или это традиции мифических амазонок, которые жили, по мнению греков, именно где-то в южнорусских степях? Может быть, у половцев было какое-то женское божество, которому посвящали они свои статуи? Низами писал, что вначале поставлена была именно женская статуя и кыпчаки-половцы стали ей поклоняться. Но его сообщения полны сказочных деталей, и им верить очень трудно.

Другой вопрос возникнет, если мы сравним долю мужских и женских статуй среди ранних «стоящих» половецких изваяний и более поздних «сидящих». Оказывается, что сначала половцы ставили больше женских статуй, а потом стали чаще ставить мужские. Что произошло у половцев? Почему опять предпочтение отдается мужчинам? Куда же делись славные традиции амазонок?

Умерший предок или убитый враг!

У всех тюркских каменных изваяний, где бы они ни были — в Сибири или на Украине, — имеется одна характерная деталь — обязательный сосуд на животе. У статуй некоторых других народов, например у некоторых скифских «баб», также имеется в руках прижатый к животу сосуд, чаша или рог. Зачем нужны были нашим неуклюжим каменным людям эти чаши?

Разрешить этот вопрос можно, только установив, кого изображали каменные фигуры?

Существует две теории. Некоторые ученые считают, что каменные бабы олицетворяют убитых врагов. Сами «бабы» — это главные враги, а простые каменные столбы, так называемые балбалы, которые на Востоке часто сопровождают каменную фигуру, — простые воины.

Древние тюрки верили, что убитые враги на том свете станут служить их убийце, а главный убитый враг, тот,

кто представлен в виде каменного идола,— станет главным вассалом.

Поддерживающие другую теорию считают, что каменное изваяние изображало самого умершего витязя или его жену, а простые камни — балбалы — убитых врагов.

Недавно разгорелась ожесточенная дискуссия между археологами А. Д. Грачем и Л. Р. Кызласовым. Сторонник второй теории, более правильной, с нашей точки зрения, Кызласов располагает целой серией мощных аргументов и довольно удачно «расстреливает» ими теорию о «главном убитом враге».

Если изваяния — это убитые враги, то почему у восточноевропейских половцев было так много женских изваяний? Неужели враги половцев состояли на 60—70% из женщин?

Как объяснить, спрашивают сторонники второй теории, что такие свидетели и очевидцы, как Рубрук и некоторые другие, писали о том, что тюрки ставят каменные изваяния, на которых изображают своих умерших.

Л. Р. Кызласов, споря с А. Д. Грачем, указал ему на одну статую, найденную им самим в Туве. Это было изваяние мужчины, у которого под мышками были головы убитых врагов. Уж это-то никак не мог быть убитый враг, торжествовал Л. Р. Кызласов.

И, наконец, как объяснить чаши у живота, которые есть почти у всех тюркских «баб», спрашивали сторонники второй теории у тех, кто считал изваяния изображением убитого врага. Последние отвечали — это пока нам неясно, а сторонники теории «умершего предка» радовались: нам-то ясно, потому что мы правильно понимаем, что такое древнетюркские каменные изваяния.

И действительно, у многих тюркских народов — чувашей, казахов, киргизов — в прошлом существовал обычай заменять покойника на поминках деревянной куклой. Куклу в одежде умершего сажали среди гостей, угощали ее едой и питьем, а потом ей приносили жертвы.

Чтобы участвовать в пире со своими родственниками и друзьями, эта кукла-покойник должна была иметь сосуд. Вот именно потому у всех каменных «баб» имеется чаша. Статуи изображали умершего. Около них усаживались родственники, поминали покойника обильной едой и питьем и делились своей трапезой с каменным истуканом. Ведь он был их любимым и почитаемым пред-

ком. А потом перед статуей приносили жертву, убивали скот, а может быть, и человека.

Арабский писатель Абу ль-Фида писал, что у половцев были человеческие жертвоприношения. Есть ли какие-нибудь археологические подтверждения этому сообщению или это просто выдумка?

В 1901 г. в Сальских степях археолог И. М. Сулин раскопал очень интересный курган. Под насыпью он нашел маленькую могилу девочки и над ней четыре деревянные статуи, совершенно такие же, как каменные половецкие «бабы», которые он хорошо знал. Эти большие деревянные фигуры стояли в ряд на краю могилы, а за ними была яма, в которой валялись обломки горшков, остатки пиршества и череп овцы. Что это? Простое погребение? Или жертвоприношение в угоду этим четверем деревянным «болванам»? Некоторые особенности кургана заставляют нас предположить, что перед нами следы человеческого жертвоприношения.

Странно, что в честь одной маленькой девочки поставили четыре большие статуи, изображавшие, несомненно, членов племенной аристократии. Кроме того, статуи вообще почти никогда не ставились над могилами. Каменные изваяния помещали в местах, отведенных для культа умерших. В степях Восточной Европы специально раскапывали курганы с каменными изваяниями. Оказалось, что почти все погребения под такими курганами относились к другим, более ранним эпохам, чем те, когда устанавливали статуи. Следовательно, каменные изваяния ставили не над могилой, а отдельно, просто на возвышенном месте, на старом кургане или на холме. И, наконец, откуда взялась яма со следами пиршества, тризны? В обычных курганах половцев таких ям нет. А перед каменными статуями половецких предков они иногда попадаются. В Крыму археолог П. Н. Шульц раскопал курган со статуей в насыпи. Погребения там перед статуей не было, но была большая яма со следами жертвоприношений животных и культового пира.

В истории половецких каменных статуй еще очень много непонятого. С XII в. прошло восемь веков. После такого долгого молчания «бабам» трудно заговорить. Хлебников заставил их говорить в своих стихах. Для поэта статуя — единый образ, целостный и чувственно неповторимый; это сосредоточение ассоциаций и намеков,

из которых рождается у человека ощущение того, что он коснулся истории, которая принимает его и его время как необходимую и закономерную составную часть.

Но послушаем ученых-историков: «Изучая чужую цивилизацию, стараясь ощутить ее оригинальность, историк делает это не для абсурдного удовольствия воскликнуть: есть люди не такие, как я,— а для того, чтобы завязать с этой иной цивилизацией диалог, помогающий понять собственные особенности»,— так говорил француз Морру на одной конференции историков и социологов в 1961 г.

Возьмем книги — не сборники стихов — научные книги. Русский историк В. О. Ключевский в конце прошлого века писал: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то капризу».

Итак — общая цель, быть может одна из самых важных в человеческой культуре. Но какие разные подходы, разные методы! Наука разлагает на элементы, анализирует по частям свой предмет; поэзия синтезирует отдельный чувственно неповторимый образ, который продолжает жить в своей оригинальности, тогда как частные научные результаты и достижения уже забыты, они вошли составной частью в новое, более высокое научное открытие.

3.

ВЕЩИ

*...Вост зоопарк вещей
По умчавшимся векам —
Как слониха по лесам!*

А. Вознесенский

Могила воина

Вещи живут по своим законам. Только изучив эти законы, можно разобраться в путанице множества извлеченных из земли древних предметов, отнести их к тем или иным эпохам, изучить по ним историю людей. Вещей много, и случайные отклонения форм теряются в их многочисленности. Но есть такие отклонения, которые говорят о своей эпохе больше, чем сотни «правильных», «модных», обычных вещей.

Собственно даже не сама вещь должна быть какой-то резкой аномалией. Могут быть совершенно особыми условия ее находки. Свинцовая пуля, найденная в скифском погребении, означала бы, что скифы знали пулеметы. Правда, в этом примере аномалия слишком велика, и легко найти ей объяснение — в могилу пулю затащил суслик.

В 1894 г. один крестьянин из окрестностей деревни Таганча у города Канева в Киевской губернии решил скрыть курган, мешавший ему пахать поле. В кургане крестьянин неожиданно натолкнулся на истлевший дубовый ящик, сколоченный большими железными костылями. Рядом лежал скелет коня и черепки разбитой посуды. Естественно, крестьянин решил, что нашел клад. Но в ящике оказалось не золото, а нечто другое, что заставило крестьянина несколько раз испуганно перекреститься: там лежал костяк воина в шлеме, украшенном серебром, и в кольчуге. Поверх доспехов была надета пурпурная

Византийский сосуд из Таганчи

мантя. На руке воина когда-то лежал лук, но он истлел; осталось только углубление на рукаве кольчуги, облегавшей тело и сохранившей его формы. Тут же был сафьяновый колчан и серебряные бляхи. На груди богатыря лежал золотой шейный обруч, в руках — скипетр с серебряным набалдашником на палке из грушевого дерева. Рядом — сабля в ножнах, украшенных серебром, серебряные пуговицы, разломанная серебряная застежка, позолоченный византийский медальон с изображением Христа, большая серебряная чаша византийской работы, серебряные бляхи от щита, золотые бляхи от налучья, медный кистень и масса простых железных вещей — стремяна, удила и даже серп.

Каневский крестьянин не знал, сколько споров вызовет его находка.

Это печенег, утверждал киевский археолог И. Хойновский, впервые опубликовавший вещи из кургана у Таганчи.

Это венгр, говорил австрийский ученый Хампель.

В Таганче похоронен викинг, писал швед Арендт.

Здесь был зарыт славянин, писал чех Нидерле.

Вещи из Таганчи попали в Варшаву, здесь ими заинтересовалась польский археолог В. Сарновская. Это кости

князя Ярополка Святославича, решила она, измерив череп и датировав вещи X в., как раз тем временем, когда летопись сообщает о погребении Ярополка где-то на Днепре.

Советский исследователь С. А. Плетнева с этим не согласилась. Погребение нельзя датировать X в. — удила и стремена явно более поздние. А кроме того, в 1044 г. кости Ярополка Святославича были вырыты, их окрестили и похоронили снова, но уже в церкви. Летописное сообщение об этом категорически опровергает теорию Сарновской. Да и здравый смысл подсказывает, что такое точное определение, кому принадлежало погребение, — дело рискованное.

Опровергнув мнение Сарновской, С. А. Плетнева предложила свой вариант решения: погребение относится к XII—XIII вв. Длинноголовый европеоид — значит, не тюрк, а, вероятно, славянин. Более того, христианин, судя по медальону с Христом. Но можно ли было в XII в. похоронить крещеного русского с конем, то есть по языческому половецкому обычаю? Вряд ли. Значит, это бродник, то есть русский витязь, который присоединился к половцам, кочевал и воевал с ними. Может быть, это даже предводитель отряда бродников — кошевой. Ведь при нем был серебряный жезл — знак власти.

Окончательное ли это решение загадки, которую дал курган у Таганчи? Нет, не окончательное, вероятно, точного ответа мы никогда не узнаем. Среди вещей этого кургана особенно интересна большая чаша, образец и застежка. Эти вещи необычны для кочевой степи. Они были сделаны в Византии. В Константинополе, Никее или Коринфе на них никто не обратил бы внимания. Это довольно типичные для византийских горожан вещи. Но здесь, на севере, в днепровских степях, подобные вещи — то самое исключение, которое заставляет обратиться к более внимательному изучению эпохи.

Вещи из Таганчи не единственные свидетельства связи кочевников с Византией. В хазарской крепости Саркел был найден роскошный костяной гребень византийской работы. В музее в Коринфе есть похожие гребни из слоновой кости. Время от времени попадаются в степных курганах золотые византийские монеты. Хотя таких вещей немного, они очень красноречивы именно своей исключительностью.

Кочевники и Византия

Стремитесь к миру с печенегами, и на севере никто не потревожит спокойствия империи, завещал Константин Багрянородный, византийский император X в. Как было опасно не следовать этому совету, говорит случай с киевским князем Святославом, для которого Византия оказалась менее грозным врагом, чем печенеги. Известно, что печенежский хан подстерег Святослава и убил его.

Но печенеги как союзники империи были хороши до тех пор, пока их отделяла от Византии Дунайская Болгария. Василий Болгаробойца сокрушил ее, но одновременно уничтожил эту преграду. Последствия сказались уже в XI в. Печенеги хлынули в северные провинции Византии. Их напор был тем сильнее, что с востока на них самих наседали другие кочевники — гузы-торки.

У печенегов появилось два соперничавших хана. Один из них — Кеген — ушел в Византию и оттуда нападал на владения Тираха — другого печенежского хана, оставшегося в Причерноморье. В 1048 г. Тирах сам вторгся в Подунавье и стал грабить богатые болгарские и македонские села. Но судьба была против Тираха. Византийские писатели не без злорадства сообщают, что варвары были столь невоздержаны и так злоупотребляли славянским медом и вином, что у них открылись страшные болезни и они превратились в толпу

Образок и кистень из Таганчи

обезумевших от боли, совершенно разложившихся людей.

Кеген убедил греков напасть на отряд Тираха. Византийские армии одержали полную победу. Тирах со своими воинами попал в плен. Но уничтожить их, как советовал Кеген, император не захотел. Наоборот, Тирах и его люди были доставлены в столицу, крещены, одарены щедро и взяты на службу. Император решил сделать из печенегов послушных воинов и поселить их на свободных землях где-нибудь на севере. Но печенеги плохо понимали, да и не хотели понимать, что от них требовали.

Таким образом оба соперника оказались на службе у византийского императора. Тирах попытался отделаться от ненавистного Кегена и подослал к нему наемных убийц. Кеген был ранен, но не убит. Он хорошо понимал, кто был организатором заговора, и решил воспользоваться моментом. На телеге, за которой волочились пойманные убийцы, в сопровождении огромной орды печенегов проехал он по людным улицам столицы, обнажив свои раны. Собрал большую толпу, он остановился перед Влахернским дворцом. Император Константин Мономах принял сына Кегена, успокоил его и обещал наказать виновных, а Кегену предложил для лечения лучших медиков и поселил его в богатых апартаментах. Но, осыпав милостями Кегена Константин тайно отпустил убийцу: ссориться с Тирахом ему не хотелось. В Константинополе Кеген оказался в роскошном, но строгом заточении. Вскоре

Византийское украшение
из Таганчи

император попытался разоружить его людей. Тогда Кеген в одну ночь собрал свой отряд и бежал на север, где предался самому разнузданному мародерству. Вскоре сюда же перекочевали и печенеги Тираха. Они тоже были рады вырваться из душного Константинополя под предлогом, что они сумеют утихомирить своих соплеменников. Но, оказавшись вдали от столицы, они забыли все свои обещания.

В 1064 г. толпы новых кочевников — торков — переправились через Дунай. В Константинополе день и ночь служили молебны, чтобы бог спас Византию от этой новой опасности. Мало было того, что северные провинции опустошали печенеги. Теперь к ним присоединились торки. А в Малой Азии турки-сельджуки, племена, родственные торкам, тревожили византийские города. Казалось, из азиатских степей, из коренных гузских степей Приаралья, протянулись две огромные клешни и грозили, сомкнувшись, раздавить Византию.

Печенеги вначале встретили торков враждебно и даже помогли грекам расправиться с ними. Но вскоре они вместе стали совершать набеги на македонские, болгарские, фракийские деревни, шантажировать Константинополь, интриговать против императора, разлагать и расшатывать, как только было можно, и без того дряхлый и слабый государственный аппарат Византии.

Появились и новые варвары. До Дуная докатилась третья волна кочевников. Это были половцы-команы.

«Их набег — удар молнии, — писал о печенегах византиец Феофилакт Болгарский в XI в., — их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда имеют удобный случай для войны или когда надсмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Половцы показались грекам ничуть не лучше печенегов. Византийские писатели не скупались на эпитеты,

когда писали о северных варварах. Евстафий Солунский, автор XII в., вставил в свою речь, обращенную к императору Исааку Ангелу, такую характеристику половцев: «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный; таковы разве грифы, которых благодетельная природа удалила в места необитаемы. Волчьи обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый волк легко обращается в бегство, когда появится кто-нибудь страшнее. Точно так же и этот народ».

В конце XII в. угроза с севера, со стороны кочевников, усилилась настолько, что Византия была на краю пропасти. Эти тревожные годы выпали на долю императора Алексея Комнина.

Трудное царствование Алексея Комнина

С благоговением и любовью писала Анна Комнина книгу о деяниях своего отца, византийского императора Алексея Комнина. И книга получилась очень интересная. Жизнь Алексея была непрерывной борьбой со множеством опасностей, которые угрожали его царствованию. Он метался по стране, то отражая угрозы турков в Малой Азии, то подавляя внутренние мятежи. Среди других забот особенно тревожили императора северные варвары — печенеги, — которые становились все смелее и наглее. Нужно было во что бы то ни стало обуздать этих хищников. Неожиданно Алексею предложили свою помощь половецкие ханы, жившие в степях Приднепровья. Но императору не хотелось связываться с этими ненадежными союзниками. Отпустив половецких послов с щедрыми подарками, он заверил их, что пока нет нужды в помощи, но, как только такая необходимость появиться, он будет иметь в виду это предложение. Но успокоить половцев было нелегко: если нельзя воевать с печенегами в союзе с Византией, то, может быть, сразиться с Византией в союзе с печенегами? С большим трудом византийская дипломатия сумела расстроить назревавший союз двух варварских народов — печенегов и половцев.

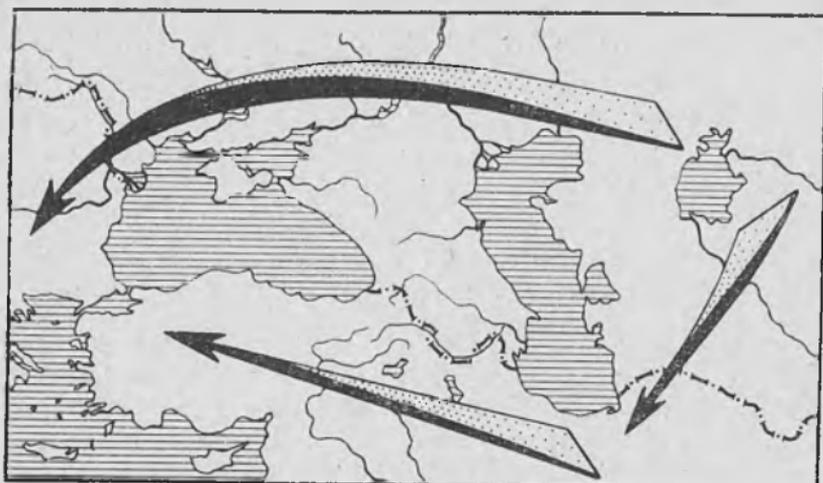
В 1090 г. империя попала в особенно тяжелое положение. В Малой Азии угрожали турки-сельджуки, на

море действовал энергичный пират Чаха, который даже провозгласил себя императором, печенеги установили какие-то весьма неприятные для Алексея связи и с этим самозванцем и с сельджуками. Алексею пришлось все-таки обратиться за помощью к половцам. Он послал посольство в половецкие вежи и стал с замиранием сердца ждать, чем это обернется, спасением или окончательной гибелью под ударами печенегов, к которым могли присоединиться и половцы, увидевшие в грамотах Алексея признак слабости империи.

Одновременно Алексей обратился к христианскому рыцарству и папе. Он звал их спасти Византию от неверных и поганых варваров. «Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам», — убеждал их Алексей Комнин. Это соображение было хорошим дополнением к легендам о богатствах мусульманского Востока и идеям о спасении «гроба Господня». Но прежде чем основные силы крестоносцев появились на Босфоре, сюда явились половецкие ханы — герои многих русских летописей — «шелудивый», «поганый», неверный Боняк и свирепый, хищный Тугорхан.

Этих ханов, ничего не смысливших в тонком придворном этикете, Алексею пришлось потчевать в своих роскошных покоях, дарить им золото и пурпурные одежды, льстить им, целовать их в жирные губы. Половцы заявили, что им нужна полная свобода действий и три дня, чтобы покончить с печенегами. С пьяной щедростью предложили они грекам половину захваченной у печенегов добычи. Алексей от доли в добыче отказался, но постарался затянуть дело, боясь решительного столкновения с печенегами. Он оттягивал развязку, пока половцы не заявили: «Знай, что мы не будем ждать более. Завтра с восходом солнца мы будем есть либо волчье мясо, либо баранье». Эта изысканная фраза означала, что половцы решили сражаться, если не с печенегами, то с греками.

И с восходом солнца начался бой. Он был выигран половцами и византийцами. Огромные толпы печенегов были захвачены в плен. В ночь после боя греки перерезали значительную часть пленных, проявив такую жестокость, что даже половцы содрогнулись, увидев наутро лагерь союзных войск, забитый трупами печенегов. Но греки ликовали. «Из-за одного дня печенеги не уви-

Направление движения торков и сельджуков

дели мая», — пели мальчишки на улицах Константинополя про эту битву, которая произошла 29 апреля 1091 г.

Вскоре половцы снова пришли на Балканы, но уже как враги Алексея. Их привел самозванец, некий Лжедиоген, претендент на константинопольский престол. Он обратился к половцам, и те с радостью воспользовались случаем, чтобы вновь побывать и пограбить за Дунаем. Алексей с большим трудом отразил эту новую опасность и отогнал половцев.

Не все печенеги ушли, некоторые оставались на службе у императора и после всех этих событий. Они неплохо служили империи. Отрядами печенегов время от времени пользовался Алексей, чтобы обуздывать крестоносцев, которые легко забывали о своей святой цели в богатом царственном городе на Босфоре.

Анна Комнина взяла за образец «Историю» Фукидида, где описаны сотни людей и десятки событий, а объектом своей книги она выбрала жизнь одного человека. Но она описала ее так, что вся история последних веков Византии как бы сосредоточилась в этой жизни. Алексей умер рано от болезни сердца — казалось беспокойное время. Анна с болью описывает в конце своей книги, как страдал, умирая, ее отец. И, читая эти страницы, нам кажется, что в предсмертной тоске металась сама империя, дряхлая, с ослабевшим, глухо бьющимся сердцем. Империя сумела справиться с печенегами и половцами,

использовав их вражду друг к другу. Ей удалось кое-как устоять против жадной своры крестоносцев. Но, наконец, совсем обессилив, она пала под ударами турок из Малой Азии. Думал ли Алексей в последние свои дни, что лет через восемьдесят на алтаре святой Софии пьяные крестоносцы заставят плясать голых уличных девок, а через 300 с лишним лет в этот же храм въедет по трупам на белом коне султан Махмуд II, а через 800 лет безразличные гиды будут показывать под потолком красное пятно на мраморе и рассказывать туристам, что трупов на полу Святой Софии было так много, что Махмуд II мог дотянуться почти до верха колонны и от его прикосновения остался на мраморе этот кровавый след...

Турки-кочевники и Византия — вот какая большая тема встает перед нами, когда мы берем в руки византийские вещи из Таганчи. Конкретные, осязаемые вещественные свидетели этих взаимоотношений, они являются хорошим дополнением к рассказам Кедрина и Никиты Хониата, Анны Комниной и Евстафия Солунского о печенегах, половцах и о тяжелых днях империи, осаждаемой этими варварами.

Нет нужды придумывать искусственные теории о том, кем был неизвестный воин в Таганче — бродник или киевский князь, швед или венгр. Присутствие в могиле византийских вещей легко можно объяснить, вспомнив рассказы греческих писателей о половецких и печенежских нашествиях. Конь, погребенный рядом с витязем под курганом в XII в., мог принадлежать скорее всего половцу, одному из тех знатных половцев, которые так часто совершали набеги в Византию.

* * *

Нет ничего красивее Стамбула утром, если смотреть на него со стороны Босфора. Впереди Принцезы острова, за ними Мраморное море, и вас ждет путь в Грецию. К морю спускаются сотни белых дворцов и мечетей. Золотой Рог постепенно охватывает со всех сторон паромы, и он причаливает, протискиваясь среди других кораблей. Можно в ожидании прогулки по Стамбулу развлекаться чтением надписей на пароходах или отыскивать по плану города, в развернувшейся перед вами

Вооружение воина, найденное у села Ковали

Вид Стамбула

панораме Константинополя, Голубую мечеть и Айя-Софию. Да, нет ничего красивее Стамбула с моря. С этим согласны все путешественники.

«Нет города прекраснее, если смотреть на Константинополь с якорной стоянки или с Босфора, когда добрая миля отделяет вас от него,— писал Марк Твен и добавлял: — Но, кроме живописности, он не радует ничем. С той минуты, когда покидаешь корабль, и до самого возвращения не устаешь проклинать этот город...»

Писателю Стамбул явно не понравился. Посетив бани, писатель распростился и со своей мечтой о восточном блаженстве, которым там должен упиваться смертный. «Это злостное надувательство. Человек, способный наслаждаться этим, способен наслаждаться всякой мерзостью: и тот, кто окружает это ореолом очарования и поэзии, не постесняется воспеть все, что есть в мире скучного, дрянного, унылого и тошнотворного».

Знаменитый американец не поспешил на эпитеты, чтобы обругать старую «феодальную» Европу с ее средневековьем, с ее воспоминаниями и традициями. А заодно и старую Азию. И, чтобы сделать это, Марк Твен выбрал очень удачно Стамбул — Константинополь... Та-

кой концентрации древностей европейских, азиатских, такого острого сочетания Востока и Запада, античности и средневековья, такого разнообразия древних вещей не найдешь в другом месте. В Стамбуле они в строгом порядке разложены на витринах десятков музеев и в беспорядке навалены на прилавках антикварных лавок под сводами Большого Базара. Старый город, полный воспоминаниями, «засорен» этим мусором истории.

Вещи живут дольше человека, и в них — память о нем и о его веке. Не будь этих старых вещей, старых зданий, бесполезных руин, каждое новое поколение чувствовало бы себя одиноким на необжитой земле под враждебными холодными звездами.

Среди современных нам вещей есть много безвкусовых, аляповатых, которые нас раздражают. Среди древних вещей таких нет, хотя, конечно, и среди них есть рядовые предметы, вещи, сделанные плохо, и есть образцы, в которые мастер вложил все свое умение. Но нет раздражающих, пошлых вещей потому, что все в них сглажено и смягчено временем, потому что время придало им нечто такое, что заставляет эти вещи уважать, хотя они для нас сейчас и бесполезны.

КУРГАНЫ

*Вокруг земля, свист суслика, нора, и —
Курганный день течет скорее.*

В. Хлебников

Что такое «обряд погребения»

Различные племена, люди разных религий хоронят своих умерших по-разному. Для археологии те обычаи, по которым хоронят мертвых, весь тот ритуал, которым сопровождаются похороны, очень важны. Древние погребения — один из главных видов археологических памятников. И по тому, как были совершены погребения, можно определить, какому народу, каким племенам они принадлежали.

Под сухим археологическим термином «обряд погребения» скрываются часто очень живописные и яркие подробности древних верований и ритуалов. Ибн-Фадлан так описывал погребение знатного руса X в. Когда умрет рус, то его семья предлагает отрокам и девушкам покойного (очевидно, его рабам) такой вопрос: «Кто умрет из вас вместе с ним?» Как ни странно, но находилась девушка, изъявлявшая желание уйти в иной мир со своим хозяином. Ее поручают заботам двух других девушек, которые во всем прислуживают обреченной. Все семейство готовит необходимое для погребения, а обреченная на смерть проводит время в пении и веселье, насколько это возможно в ее положении. Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, писал Ибн-Фадлан, я прибыл к реке, на которой находился его корабль. И вот он уже вытасчен на берег, и для него поставлены четыре устоя, и вокруг них сооружено также нечто вроде больших помостов и дерева.

В середину корабля ставят шалаш, покрывают его разными тканями. Потом приносят скамью, устилают ее драгоценными коврами. Потом приходит старуха, которую называют «ангелом смерти». Это старуха — «богатырка, здоровая, мрачная», рассказывает наш путешественник. Она руководит всей церемонией. Ей предстоит убить обреченную девушку-рабыню. Умершего руса, роскошно одетого, извлекают из временной могилы, сажают на скамью, установленную на корабле, украшают цветами и плодами, ставят перед ним хлеб, лук, мясо. Приводят собаку, разрубают ее пополам и тоже бросают перед покойником на корабль. Убивают также двух коров, петуха и курицу. Кругом собирается толпа родственников и любопытных.

Только через несколько дней Ибн-Фадлан дождался погребения. Девушка произнесла какие-то заклинания. Так делала трижды. Ибн-Фадлан спросил переводчика, что это значит и что говорит девушка. «Она, — отвечал переводчик, — сказала в первый раз: «Вот я вижу своего отца и свою мать», — и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие», — и сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же меня к нему».

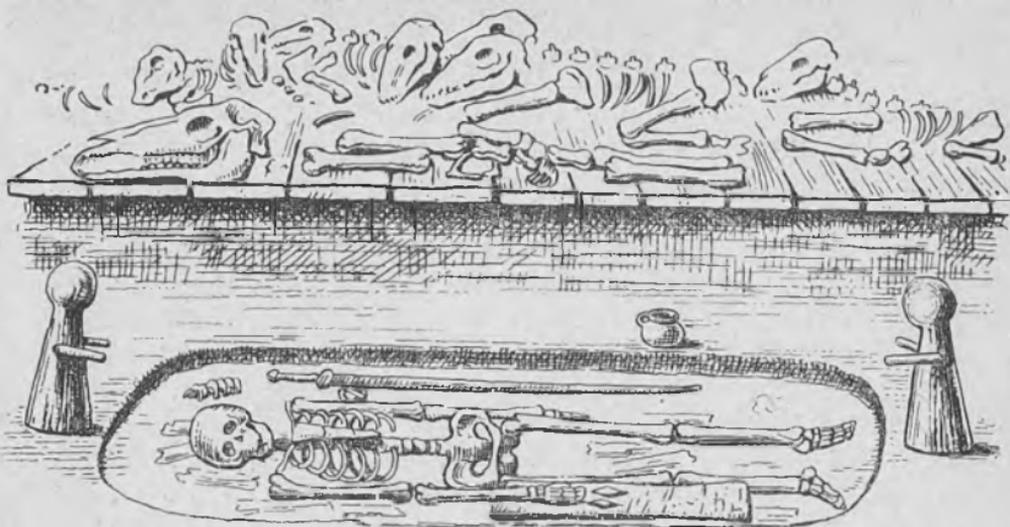
Ибн-Фадлан был не только очень наблюдательным человеком, но и прекрасным писателем. Он с большим драматизмом описывает последовавшие затем события. Девушка прошла по ладоням мужчин, которые образовали как бы живой помост. Она вступила на корабль, где уже лежал ее мертвый господин. Ей подносят кубок, она выпивает его в знак того, что прощается с подругами, ей дают второй — она берет его и долго тянет из него напиток, а старуха стоит рядом и торопит ее войти в шалаш к мертвецу, чтобы умереть там. Наступает решительный момент. Она должна войти, но не может заставить себя сделать последний шаг — неуклюжее движение, рывок в сторону. Но старуха вталкивает ее в шалаш. Здесь, в этой тесной гробнице, перед трупом господина, рассказывает Ибн-Фадлан, двое мужчин возьмут ее за руки, двое за ноги, двое будут душить веревочной петлей, а старуха вонзит кинжал ей в грудь. Стоящие вокруг ладьи родственники будут яростно стучать по щитам, чтобы заглушить последние крики жертвы.

Вечером на закате солнца Ибн-Фадлан видел, как на берегу огромной реки запылал костер. Огонь охватил корабль, а потом и шалаш, где лежали господин и рабыня его. «Потом подул ветер, большой, ужасающий, и усилилось пламя огня, и разгорелось его пылание. Всего час пылал костер — и это было добрым знаком — душа умершего быстро перешла в загробный мир. Над остатками корабля насыпали курган и разошлись». Кто-то из зевак, стоявших рядом с Ибн-Фадланом, очевидно, из числа русов, пожалел его: «Вы, арабы, глупы. Вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его в мгновение ока, так что он немедленно и тотчас же входит в рай»

Уже давно обратили внимание на этот рассказ Ибн-Фадлана. Имеются аналогии и среди раскопанных древнерусских курганов.

Под Черниговом еще в прошлом веке было раскопано несколько курганов, насыпанных над сожженными костями древнерусских князей и их дружинников. Особенно знамениты княжеский курган Черная могила и курган какого-то великана с огромным мечом, носящий сейчас название «Гульбище». Оказалось, что погребения эти совершены именно так, как описал Ибн-Фадлан. Конечно, таких подробностей, как церемония последнего кубка перед ударом жертвенного ножа, ритуальные песни и заклинания, те мистические фразы, которые перед смертью произносит обреченная девушка, — археолог восстановить не может. Но в других деталях погребальный обряд этих курганов совпадает с описанием, которое дал нам секретарь багдадского посольства в Волжской Болгарии.

Когда хоронили князя под Черниговом, на месте будущей Черной могилы построили дом. Там лежал князь. Рядом с ним — женщина, коготорой суждено было последовать за своим господином в «красивый зеленый сад». Здесь же было оружие, сбруя его коня и несколько сосудов с пищей. От всего этого осталось только кострище, в котором можно найти металлические вещи, сосуды и останки сгоревших людей. Над кострищем был возведен огромный курган. Когда ок был наполовину насыпан, устроили тризну-пиршество. Остатки тризны, а также два турьих рога с серебряной оковкой были положены

Погребение торна (реконструкция по В. А. Городцову)

наверху кургана. Затем курган был досыпан, и вещи эти оказались в насыпи кургана. Найденные Д. Я. Самоквасовым туры рога стали знаменитыми; изображения их можно найти в любой книге о древней Руси. Толкованию сцен, изображенных на оковке одного из них, посвящено несколько статей, и каждый студент-историк знает об этих турьих рогах — образце русского искусства X в.

Но где же ладья? В другом месте, в Гнездове, под Смоленском, нашли погребение с ладьей. Здесь было в X в. кладбище дружинников. Их хоронили примерно так же, как того руса, чьи похороны наблюдал Ибн-Фадлан, так же, как черниговского князя в Черной могиле, то есть по обряду трупосожжения. Надо сказать, что до принятия христианства, да и долго еще после крещения Руси этот обряд похорон был у славян главным. Среди русских курганов было найдено кострище с особыми железными заклепками и скобами. Располагались они на плане по характерному овалу, напоминавшему след ладьи. Если вспомнить описание Ибн-Фадлана, то станет ясно, что здесь покойный витязь был сожжен в ладье.

Ибн-Фадлан умел видеть, подмечать мелочи быта, у него был какой-то специфический интерес к погребальному обряду тех племен, с которыми он встречался. Приведем еще один пример совпадения его описания с археологическими данными.

Недалеко от города Торска в Донецких степях на Украине в самом начале нашего столетия археолог А. В. Городцов раскопал очень интересный курган. Погребение в нем датировалось началом II тысячелетия и было оставлено кочевниками: печенегами или торками-гузами. Эти кочевники в X—XI вв. наводнили степи на южных границах Руси. Над могилой был деревянный настил. На настиле лежали скелеты шести баранов — бараны предназначались в пищу покойнику на том свете. Рядом — череп и отрубленные четыре ноги коня, причем в таком порядке, в каком им полагалось бы лежать, если зарыть в могилу полный остов коня. Рядом со скелетом человека стоял сосуд. Над гробом в головах и ногах были две деревянные куклы с грубо вырезанными чертами лица и двумя палками, вставленными вместо рук. В могиле А. В. Городцов нашел саблю, колчан, стремяна, удила.

А теперь посмотрим, что писал Ибн-Фадлан, когда проезжал через земли торков-гузов:

«Если умрет человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, поставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом, и соорудят над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей, и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову, и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста». Потом, пишет наш автор, они делают чучело и говорят: «Вот его лошади, на которых он поедет в рай». Если человек убил в своей жизни врагов, то они вырезают из дерева статуэтки, и ставят на могилу, и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю».

Найденные А. В. Городцовым куклы — это фигурки убитых врагов, которые должны служить покойнику в загробном мире. Странно, что эти пузатые деревянные куклы с торчащими руками олицетворяли когда-то свирепого врага, убить которого большая честь для степного удалого витязя. Трудно представить, что кто-нибудь захотел иметь слугами даже в загробном мире этих неуклюжих человечков из обрезков дерева. Но тем не

менее древние вкладывали в них именно этот смысл. Найденные же в могиле остатки шести баранов — это пища для покойного богатыря. В погребении археолог нашел и все то, что Ибн-Фадлан видел в открытой могиле какого-то торка, которого хоронили в его присутствии: остатки одежды, колчан и другое оружие и т. п. И, наконец, самое разительное совпадение. Ибн-Фадлан писал, что для путешествий в загробном мире покойнику дают не коня (его съедают неутешные родственники и друзья), а чучело. От чучела в земле остается только череп и кости, и лежать эти кости должны не кучей, а анатомически повторяя скелет лошади. В таком положении и были найдены А. В. Городцовым остатки конского скелета в погребении.

Письменные источники отметили очень важную черту погребального обряда гузов-торков — обычай хоронить конское чучело. Археологи нашли немало погребений кочевников с разложенными в правильном порядке черепом и костями ног лошади. Оказалось, что, используя наблюдения Ибн-Фадлана, можно выделить из огромной массы безликих погребений в кочевых степях нашего Юга погребения именно торков-гузов и родственных им печенегов.

Артиллерист Бранденбург и «черные клубуки»

Один из первых, кто раскопал курганы кочевых племен южной Киевщины, был основатель артиллерийского музея в Петербурге, знаток старинного оружия генерал от артиллерии Н. Е. Бранденбург. Он стал археологом из-за своего увлечения старым оружием. Бранденбург предпринимал раскопки древних могил, чтобы найти там мечи, сабли, булавы, луки и стрелы. Он исследовал курганы и в Молдавии, и в Приладожье; успешными были его раскопки курганов, разбросанных по реке Роси, южнее Киева.

Здесь Бранденбургу попадались особенно часто могилы, где вместе с умершим, положенным головой на запад, находили остатки коня, ноги и череп, разложенные почти всегда слева от человека, и так, что они повторяли анатомически скелет лошади.

Мы уже знаем, что это — остатки чучела коня. Обряд захоронения такого чучела с покойником у гузов-торков

описал Ибн-Фадлан в X в. В X—XI вв. так хоронили своих мертвых кочевые племена печенегов и торков, жившие на южных окраинах Руси, в степях от Волги и до Дуная.

Но почему их так много оказалось в Поросье? Дело в том, что в середине XI в. с востока пришли половцы и вытеснили печенегов и торков. У половцев был другой обряд погребения. В XII в. старый обычай хоронить в одной могиле человека и чучело коня исчез и сохранился только в Поросье, куда бежали разбитые половцами печенежские и торские племена. Здесь они надеялись найти защиту у киевского князя. И они ее нашли. Киеву было выгодно поселить на южных своих границах печенегов и торков, смертельно ненавидевших половцев, новых хозяев степей. Это означало обзавестись хорошим союзником в борьбе с половецкой опасностью, создать прекрасный заслон на южных подступах к столице. Киевские князья надеялись использовать отряды печенежско-торкских племен и в других целях — для укрепления своей власти в борьбе с усобицей. Долгое время эти племена в Поросье называли разными именами. Часть их сохранила название печенегов, другая часть — торков, значительная масса поросского кочевого народа именовала себя берендеями. В середине XII в. русские стали звать их «черными клобуками».

Раскопанные Н. Е. Бранденбургом (а вскоре и другими археологами) курганы не сразу были приняты за курганы «черных клобуков». Их считали славянскими или половецкими. Но летописи утверждали, что в Поросье, на южных окраинах Киевщины, жили «черные клобуки», то есть разбитые половцами печенеги, торки и берендеи. Это заставило признать, что поросские курганы оставили именно эти племена.

В некоторых курганах были очень интересные вещи. Например, у села Ковали был найден скелет воина в полном вооружении с железной маской на лице. Маска была сделана очень реалистично и передавала, очевидно, портретные черты усопшего воина. На левой стороне маски было припаяно бронзовое ухо с золотой серьгой. Обнаружен был также бронзовый казан, топорик, гвозди от гроба.

Вторая такая же маска была найдена недалеко от Ковалей, в кургане у села Липовца, а третья — тоже

Железная маска (со следами позолоты), найденная близ Ротмистровки

на южной Киевщине у деревни Ротмистровка крестьянами, копавшими яму на кургане. Четвертая маска от шлема была найдена в Крыму, в развалинах одного из домов средневекового Херсонеса. Когда-то приехал сюда по делам обитатель степей Поросья, захватив с собой шлем и маску. Но он приехал не в добрый час. В Херсонесе его застала война. Дом был разрушен. Воин выбежал из него, захватив шлем, а маску он, наверное, надеть не успел.

На железных масках из Ковалей и Липовца изображен горбоносый усатый воин. А маска из Ротмистровки передает черты круглого скуластого лица монголоидного богатыря с узкими глазами.

С течением времени «черные клобуки» немного изменили свой способ погребения. Они стали вместо чучела хоронить иногда настоящего коня. Но клали его по строгому правилу, которое выработалось уже несколько веков назад,— всегда слева от покойника и так, чтобы человек и лошадь лежали головой на запад.

Русские привыкли к «черным клобукам», называли их ласково «свои поганые». Князья и предводители этих

«своих поганых», вроде Тудора Сатмазовича или Кракоза Мнюзовича, все время ездили к русскому князю, жаловались на половцев, просили заступиться, хотя иногда сами вели переговоры с половцами за спиной князя. Словом, бывшие когда-то врагами печенеги и торки стали союзниками Киева, и если исключить естественное недоверие русских горожан и крестьян к непоседливым степнякам-язычникам, то можно сказать, что этот союз удался.

Куда исчезли «черные клобуки» в XIII в.!

Русские летописи, упоминавшие довольно часто в XII — начале XIII в. «черных клобуков», почти совсем перестают писать о них после середины XIII в. В 30—40-х годах XIII в. монголы завоевали причерноморские и нижневолжские степи, разорили, подчинили народ «черных шапок». И с этой поры «черные клобуки» исчезли со страниц древних хроник.

Историки строили различные догадки: куда исчезли «черные клобуки» после монгольского завоевания Восточной Европы? Одни считали, что «черные клобуки» откочевали в Приаралье и превратились в каракалпаков (по-тюркски это значит «черные шапки»). Другие считали, что «черные клобуки» остались на своих старых местах в Поросье. Наконец, была теория о том, что татары «вытянули» «черных клобуков» в причерноморские степи и в степное Поволжье и там обратили их в своих рабов.

Но пока историки основывали свои мнения на письменных сообщениях, эти теории оставались только догадками — ведь свидетельств древних авторов о «черных клобуках», относящихся к монгольской эпохе, не было.

Оставался неиспользованным другой исторический источник — археологические памятники, многочисленные курганы «черных клобуков». Действительно, летописец, древний путешественник или писатель мог ошибиться, мог нарочито неправильно описать события, стремясь оправдать что-либо или очернить кого-либо в памяти людей. Даже когда несколько сообщений различных исторических источников совпадают, все равно остается опасность, что мы приняли за истину одинаково тенденциозно искаженную версию событий, поскольку и лето-

писцы и путешественники обычно принадлежали к высшему классу общества и ему служили своим пером.

Археологические памятники, как непосредственные остатки жизни людей, обладают достоинством объективности. Конечно, археологический памятник нельзя прочитать так легко, как сообщение древнего писателя. Археологический предмет становится историческим источником только после длительной предварительной работы над ним. Нужно установить даты вещей, классифицировать их по типам, разместить на карте места, где обнаружены те или иные вещи, сопоставить группы находок и т. п. Эти трудности иногда вызывают раздражение — уж очень много приходится возиться с этими мертвыми вещами, чтобы как-то оживить их. Больше всего археологи любят, когда среди вещей на каком-нибудь городище вдруг попадает надпись на сосуде, или деревянные дощечки с записями из хозяйственного архива, или что-нибудь вроде этого, то есть живое слово.

У археологических памятников еще одно преимущество — количество их практически неограниченно. Ничто не исчезает бесследно — нужно найти только его следы. А это зависит от нас. Количество археологических памятников, во всяком случае в нашей стране, также практически неограниченно. Есть надежда, что по любой спорной исторической проблеме древних веков можно будет накопить со временем настолько большой археологический материал, что эта проблема окажется решенной. Дело лишь во времени и средствах.

Сейчас раскопано несколько сотен курганов «черных клобуков», и сама эта массовость материала исключает случайные выводы.

Чтобы решить поставленный вопрос об истории «черных клобуков» после татарского завоевания, нужно проделать такие операции с раскопанными курганами: во-первых, датировать каждый курган определенным периодом; во-вторых, нанести на карту отдельно по каждому периоду места всех этих курганов; в-третьих, сравнить количество погребений в разные периоды в различных районах степи.

Курганы степных кочевников можно разделить на три группы. Курганы первой группы были датированы X—XI вв. — эпохой, когда в степях господствовали печенеги и торки. Вторая группа курганов была отнесена

к XII— началу XIII в. — периоду господства в степях половцев. И, наконец, третью группу курганов можно было считать памятниками эпохи монгольского ига, то есть XIII—XIV вв.

Теперь нужно было взять среди всех степных кочевнических курганов, которых оказалось более тысячи, несколько сотен тех погребений, которые имели совершенно определенную и весьма характерную черту: покойники в них лежали головой на запад, а слева от них, тоже на запад головой, были разложены кости коня — череп и кости ног — в подражание анатомическому порядку этих костей. Такие погребения видел Ибн-Фадлан у гузов-торков. В первый, печенежско-торческий, период (X—XI вв.) погребения такого типа встречаются во всей степи от Волги и Урала до Молдавии и Дуная. Они с наиболее характерным обрядом погребения у печенегов и родственных им торков. «Черные клобуки» в XII в. были потомками именно печенежских и торческих групп, разгромленных половцами и бежавших в Поросье под защиту Киева. Следовало бы ожидать, что именно здесь во второй период (XII — начало XIII в.) будут сосредоточены погребения интересующего нас вида. Действительно, только на южной Киевщине и кое-где в причерноморских и приазовских степях таких погребений встречается множество. К этим погребениям можно отнести и более поздние, где части коня заменены целой тушей лошади. В других местах их очень мало, ведь степь в это время была занята половцами, у которых был другой способ хоронить покойников. Почти совсем не встречается в половецкий период печенежских-черноклобуцких могил в Поволжье. Степи в низовьях Волги вообще в это время заселены были очень мало.

Но вот мы обращаемся к третьему периоду — золотоордынскому, периоду монгольского ига — и видим на карте перемены. Поволжье, почти пустынное в предшествующую эпоху, заполняется точками, обозначающими находку погребения. И среди этих погребений значительный процент составляют могилы с конем или костями коня, разложенными именно так и с такой же ориентировкой, как это было принято у печенегов, торков и племен черноклобуцкого союза.

Судьба «черных клобуков» после татарского завоевания стала проясняться. Часть их переселилась в степи

Перекочевка половцев. Древнерусская миниатюра

Поволжья, а часть осталась на прежних кочевьях в южной Киевщине. Но что это было за переселение — насильственное или добровольное, какую роль стали играть переселившиеся на Волгу племена среди других кочевых народностей, как сложились их взаимоотношения с победителями — татарскими ханами и найонами?

Монгольское завоевание было событием огромного исторического масштаба. На него так или иначе откликнулся весь мир. Эта страница истории повествует о горестных сетованиях летописцев и писателей, современников этих кровавых десятилетий, и проклятиях уводимых в рабство людей; о самоотверженной борьбе народов против татар и трусливых заигрываниях князей с новой властью; об уничтожении многих ремесел и превращении полей в степные пустыни. Для оседлых стран татарское завоевание было особенно тяжело. Монголы не несли для этих областей нового общественного уклада — все по сути дела оставалось по-старому, но помимо гнета своих бояр и князей, эмиров и визирей жители испытывали теперь постоянный страх перед грозным отрядом татарского баскака, после наездов которого оставались сожженные избы и зарубленные саблями люди; пугали их татарские переписи и связанные с ними новые налоги,

от которых некуда было спастись; внушали ужас неожиданные, ничем не вызванные набеги татар, единственной целью которых было пограбить, увезти женщин, захватить детей, чтобы продать их в рабство, угнать в плен ремесленников.

Иначе сложились обстоятельства в кочевой степи. Монголы сами были кочевниками, и их интересовал прежде всего скот и пастухи, которых они могли заставить пасти свой скот. Если на оседлых землях они грабили, выколачивали из людей деньги и вывозили товары, но общественной структуры, сложившейся там раньше, не меняли, то в степи монголы сами стали хозяйничать, вытеснив старую аристократическую верхушку кочевых племен, стали руководить хозяйственной жизнью покоренных кочевников Восточной Европы.

Вполне понятно, что наиболее легко было подчинить себе именно «черных клобуков», у которых привычка к вассальной зависимости выработалась в течение столетий. Теперь, когда Киев был разгромлен и потерял всякую силу, татары заняли его место. Племенам черноклобуцкого союза ничего не оставалось делать, как подчиниться монголам, кочевать по тем маршрутам, которые татарские ханы им предписывали, пасти скот какого-нибудь монгольского вельможи, служить ему, поставлять в его ставку мясо и кумыс и присылать юношей для его отрядов. Это была зависимость всего племени. Весь кочевой коллектив попадал под власть монгольского кочевго феодала. Самое яркое выражение этой зависимости заключалось в том, что племена были не свободны в выборе своих кочевий. Традиционные маршруты и пастбища были перераспределены между новыми хозяевами степи — между монгольскими беками и царевичами, нукерами и найонами. «Черные клобуки» были вынуждены кочевать там, где было удобно и выгодно хозяевам степи.

Центром нового государства стало Нижнее Поволжье. Там возникла столица Золотой Орды — Сарай. Здесь было больше всего знатных кочевых монгольских «сеньоров». Вполне понятно, что «черные клобуки», попавшие под власть татарских ханов, вынуждены были, повинаясь их указаниям, перекочевать именно в волжские степи, где они превратились в вассалов кочевой золотоордынской аристократии. Но некоторая часть племен «черных клобуков» осталась на своих старых пастбищах в Поросье.

Монгольское нашествие

Слух о приближении монгольских орд летел впереди чингизхановых коней. Он вселял ужас в сердца людей. Ждали насилий и погромов, пожаров и убийств, разорения и голода. В Восточной Европе монголы появились в 1222 г. Под командованием Субедея и Джебе армии Чингизхана из Ирана через Дербент вышли в степи Северного Кавказа. Первыми, с кем столкнулись они, были местные оседлые племена аланов — исконные жители предгорий Кавказа. Первый бой с аланами не принес победы монголам. Аланам помогали половцы, и поэтому монголы не смогли их одолеть.

Тогда монголы пошли на хитрость. Они послали к половцам парламентеров. «Мы и вы — один народ, из одного племени, аланы же нам чужие, мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте алан нам», — говорили парламентарии в лагере половецких вождей.

Дипломатические хитрости монгольских послов увенчались успехом. Половцы ушли в степь, бросили своих союзников. Монголы напали на аланов и нанесли им решительное поражение. Путь на север был открыт. Вскоре половцы пожалели о своей доверчивости. Монголы внезапно напали на их вежи, убивая всех, кто там находился. Награбили они у половцев намного больше того, что привезли в качестве подарков монгольские послы. Монголы решили, что на этом можно пока остановиться, и зазимовали в степях Предкавказья, а разбитые половецкие вожди, проклиная себя за доверчивость, хитрых татар — за коварство, отправились на Русь искать поддержки у своих старых соперников.

Первую весть о смертельной монгольской опасности принесли русским именно половцы. Половецкий хан Котян поспешил сообщить своему тестю галицкому князю Мстиславу Удалому об исходе боев на Северном Кавказе и попросил у него помощи. На призыв Мстислава Удалого откликнулись три князя: Мстислав Святославович из Черниговской земли, Мстислав Романович Киевский и Мстислав Немой Пересопницкий. К ним присоединился молодой волынский князь Даниил. Русские войска выступили на юг против монголов. Как реагировала

монгольская армия на эти события? Джебей и Субедей послали послов к русским и предложили им выдать половцев. Они заверяли, что не тронут ни городов, ни сел Руси — оставьте только им «поганых» половцев на растерзание. Те, кто год назад был «одного племени», стали теперь — «погаными». Половцы же, которые еще прошлым летом пошли на стовор с татарами и выдали своих союзников, теперь были настроены очень решительно. Они видели в татарах злейшего своего врага и всячески толкали русских на войну с ними.

Конечно, монгольское завоевание не было для половцев столь страшным бедствием, каким оно явилось для оседлых народов. Их кочевой и скотоводческий быт не изменился. В степи разрушать-то было нечего, кроме легких лагерей — веж, сооруженных из повозок. А их-то уж не очень трудно было бы и восстановить. Скотоводческому хозяйству не грозила опасность полного подрыва экономической базы, что было страшно для городов и сел древней Руси, для оазисов Средней Азии и Ирана.

Половцы дали обмануть себя иллюзорной общностью своих интересов и интересов кочевников монголов. Но вскоре они осознали, что монголы для них — враг еще более опасный, чем старые соседи, оседлые народности — русские и аланы, с кем уже несколько веков у половцев не прекращались взаимные столкновения. Да и сами монголы очень скоро дали понять, что вовсе не мира и не союза ищут они в половецких степях.

Процессы общественного развития у половцев начала XIII в. зашли очень далеко. У них появились вожди — князья из племенной аристократии; этим князьям подчинялись целые округа половецкой степи. Князья враждовали между собой, стремясь распространить свою власть как можно дальше. Вместе с тем у половцев образовалось сложное скотоводческо-оседлое хозяйство. Основная часть населения пасла скот, остальные, главным образом представители обедневших половецких родов, оставались на зимних стоянках и сеяли хлеб. Иногда половцы весной засеивали поле, потом уходили кочевать со скотом и только осенью, возвращаясь на зимнюю стоянку, узнавали, что же выросло на этом поле, и если там что-нибудь было, то собирали урожай. На Донце из таких зимних стоянок возникли городки половцев — Шарукань, Сугров и Балин.

Половцы использовали выгоды торговли, которая шла через их степи. Мощные торговые города Причерноморья со смешанным разнородным населением, такие, как Тмутаракань или Судак, были подчинены половецким ханам, которые всячески эксплуатировали их. И купцам ничего не оставалось делать, как смириться с этими поборами, — ведь им, чтобы достичь Руси, нужно было двигаться с товарами на север через степи, плыть вверх по Днепру или Дону.

Монгольское завоевание грозило разрушить весь этот сложный уклад хозяйства. Татары грозили уничтожить родовые и племенные членения половцев, подорвать власть племенной и родовой аристократии. Монголы в случае победы сами стали бы во главе кочевнических групп половцев, оттеснив их старую аристократию.

Именно это имели в виду татары, когда они говорили русским, чтобы те не вмешивались в их отношения с половцами. «Это наши рабы, самой судьбой предназначенные служить нам», — заявляли монголы. Они хотели, чтобы новые подданные пасли их скот, кочевали там, где нужно этим «сеньорам», выставляли для них военные отряды. И именно половцы были нужны монголам. В оседлых землях монголы могли грабить и жечь, уводить скот и ремесленников. Но в сельскохозяйственных районах им самим было делать нечего. Оставив вооруженные гарнизоны и обложив данью население, монголы ушли бы отсюда, передав свою власть послушным им князьям. В половецкой степи монголы хотели вытеснить половецкую знать и хозяйничать сами.

Так произошло с «черными клобуками».

С половцами монголам не удалось справиться так просто, как с «черными клобуками», небольшой группой населения, всегда зависимой от чужой власти. Половцы после завоевания оставались самым многочисленным населением степи. Но их ханы и предводители исчезли, уступив место монгольским ханам. Половцы перестали сооружать идолов. Ведь каменные скульптуры ставили половцы в честь половецкой племенной верхушки. Теперь уже в летописях фигурируют не бесчисленные Кобяковичи или Шаруканиды — половецкие князья, а имена потомков Джучи — сына Чингизхана, которому была передана вся эта широкая степь. Ее так и называли Дешт-и-Кыпчак (кыпчаками восточные авторы называли

половцев), что значит Половецкая степь. Дешт-и-Кыпчак стала основной территорией образовавшегося в середине XIII в. нового монгольского государства Золотой Орды.

Весной 1223 г., накануне решительной битвы с монголами, половецкая аристократия особенно остро ощущала всю опасность монгольского вторжения.

Как же развивались события?

Монгольские послы, предлагавшие русским уйти и оставить на растерзание половцев, были русскими убиты. Татары вновь послали послов. Во второй раз русские послов отпустили, но заявили, что решение князей твердо и они будут драться вместе с половцами.

Когда русские полки столкнулись с монголами, то первый успех оказался на стороне русских. Мстислав Удалой и Даниил Волынский вырвались вперед, переправились через Днепр и кинулись преследовать монголов. Особенно азартен был Даниил. Новая стычка с монголами, и снова победа русских. Русские зашли уже далеко в степь, оставив за собой приднепровские поля, отделявшие их от родной земли. Но в июне 1223 г. наступила трагическая развязка. На реке Калке в Северном Приазовье татары сразились с половцами и русскими. Русские князья действовали несогласованно. Мстислав Удалой и Даниил бросились на монгольские армии, а вместе с ними и половцы. Даниил был ранен, но геройски сражался. Татары усилили натиск — половцы дрогнули и бежали, опрокинув на пути те русские отряды, которые спешили им же на помощь. Исход боя был решен в пользу монголов. Киевский Мстислав на зло Мстиславу Удалому решил не вмешиваться в ход событий. «Сам ввязался в историю, не посоветовавшись со мной, сам и расплачивайся», — так, наверное, думал этот князь, недолюбливавший галицкого князя — Мстислава Удалого. Но вскоре ему пришлось пожалеть о своем бездействии. Монголы напали на его лагерь. Три дня Мстислав Киевский выдерживал их натиск, но наконец сдался. Мстислав Удалой ушел за Днепр. Монголы гнались за русскими до Днепра, но потом повернули на восток.

Была ли битва на Калке случайностью? Может быть, если бы князья договорились, они победили бы? Может быть, роковая драма на Калке разыграна была бы по-другому?

Русь и половцы были раздираемы противоречиями и усобицей. Не только между этими вчерашними соперниками и врагами не было единства. Среди князей на Руси шли непрерывная борьба и распри, которые не остановились даже после Калки,—урока, который должен был бы, казалось, хоть чему-то научить всех этих удалых и неудалых князей.

«Рыдающие числа»

1227 г.— умер Чингизхан, дикий жестокий полководец, один из самых страшных героев истории. Рассказывали, что когда он родился, в его младенческой руке был зажат кусок запекшейся крови. Чингизхан боялся болезней, и ему не хотелось умирать. Он выписывал себе даосских монахов, чтобы те научили его дыхательным упражнениям, сохраняющим силу и дающим долголетие. Человек, способный перебить за одну ночь тысячи покоренных людей, а наутро кинуться в самую гущу боя, был мнителен и дорожил своим здоровьем.

Летом 1235 г. в Каракоруме собрался совет чингизидов во главе с сыном Чингизхана Угедеем.

Было решено завоевать весь Запад. Новый поход был задуман как общее дело всех потомков Чингизхана. Несколько десятков царевичей-чингизидов отправились в этот поход, а вместе с ними знатные витязи и, конечно, Субедей-бахадур — герой войны 1222—1223 гг. — настоящий специалист в монгольской армии по западным походам. Одним из главных руководителей новой войны был Бату — сын Джучи, внук Чингизхана — будущий хан Золотой Орды.

В августе 1236 г. было затмение солнца. В ту же осень пришли снова татары и разорили столицу Волжских Болгар. К зиме монголы вышли к Рязани.

В декабре 1237 г. Бату взял и разорил Рязань.

В феврале 1238 г. монголы овладели Владимиром и Суздалем.

В марте 1238 г. монголы встретились с войсками владимирского князя Юрия Всеволодовича, сына Всеволода Большое Гнездо. В свое время Юрий не захотел принять участие в походе на Калку, организованном Мстиславом Удалым. Узнав о поражении русских на Калке, он

радовался своей предусмотрительности. Теперь татары добрались и до него. Русские войска были разбиты на реке Сити.

До Новгорода татары не дошли. Город спасла весенняя распутица.

На обратном пути в степь Бату задержался у города Козельска. Русские показали здесь невероятную смелость и упорство. Осада Козельска длилась семь недель, и, только перебив всех защитников, татары овладели городом.

Одновременно с действиями Бату в русских землях, его двоюродный брат Менгу умирнял половцев. Их хан Бачман, собрав большие силы кочевников, не желавших покориться монголам, засел на островке где-то в нижнем течении Волги. Монголы шли облавой по обоим берегам реки, но нигде не могли найти Бачмана. Наконец они разыскали остатки его лагеря и среди них большую старуху. Она-то и указала остров, где засел Бачман. Персидский историк, рассказывая об этом событии, пишет: «За отсутствием судов нельзя было переправиться через Итиль (то есть Волгу.— Г. Ф.-Д.). Вдруг поднялся сильный ветер, вода взбушевалась и ушла в другую сторону с того места, где переправлялись на остров». Менгу со своими войсками перешел реку и уничтожил лагерь Бачмана. Бачман просил, чтобы царевич Менгу собственной рукой убил его, но ему было отказано в этом последнем желании. Менгу приказал своему брату разрубить Бачмана на части.

В 1239 г. татары осадили Чернигов. Они применили какие-то орудия, метавшие такие большие камни, которые не могли бы поднять и четверо силачей. Чернигов сопротивлялся очень долго.

В 1240 г. пал Киев. Киев увидел у своих стен море коней и повозок, был оглушен скрипом телег, ржанием лошадей и криками верблюдов. Видавший виды город, который не раз осаждали и печенег и половцы, содрогнулся. Последние защитники Киева засели в Десятинной церкви. Но своды рухнули и погребли искавших здесь спасения людей.

Перед монголами открылся путь на Запад, к Средиземному морю, к богатым городам Польши и Венгрии.

Кровавые числа, роковые даты пронесли над разтерзанным миром. Европейские рыцари срочно собирали

отряды, цари и императоры сколачивали армии. Монголы уже были в Польше, Чехии, грабили в Венгрии, рвались к Адриатике. Но татары устали и не могли развить уже ту страшную силу, которая пробивала любые укрепления, разрушала города и распыляла враждебные войска. Битвы под Козельском и Черниговом, осада Киева, кровопролитные бои на русских землях, столкновения с половцами дали себя знать. В 1241 г. умер монгольский каан Удегей. На горизонте всплыли тучи близких династических войн из-за верховной власти, и войска Бату повернули на восток, уклонившись от решительных сражений с западноевропейскими рыцарями.

В Средней Азии многие города, например Мерв, погибли совсем и не заселялись больше. По опустошенной Рязани ходили волки. Русь, вынесшая всю тяжесть напора завоевателей и спасшая от них Западную Европу, истекала кровью и корчилась под хлыстами баскаков. А в Англии коммерсанты больше всего боялись, что подешевеет сельдь, потому что купцы из Голландии и Фрисланда не решались, как сообщает хронист Метью Парижский, плыть в английские порты покупать рыбу: так напугали татары европейцев даже в самой западной части материка.

Казалось, что какая-то огромная пружина, закрученная в самом центре Азии чей-то мощной рукой, со свистом стремительно раскручивалась и наконец, исчерпав свою энергию, звеня от напряжения, распрямилась. Один ее конец дошел до Дуная, другой — до Желтого моря. На Японию у монголов сил уже не хватило: в 1274 г. флот великого каана был потоплен у мыса Цусима.

Европейская дипломатия на Востоке в середине XIII в.

Средневековый летописец Альберик в начале XIII в. писал о монголах с ужасом: «Голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги, и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ничему не поклоняются».

Летописец сообщил массу сведений о нашествии татар. Он ошибался и в датах, и в указании мест сражения. Он писал по слухам, преувеличенным и фантастическим.

Одним из заблуждений хрониста было мнение, что во главе одной из групп этих ужасных монголов стоит некий христианин, священник Иоанн.

Однако этому заблуждению предстояло сыграть большую роль в истории дипломатии европейских государств — светских и духовных — в середине XIII в. Слух о попе Иоанне, обладавшем огромной властью где-то на Востоке, был вызван тем, что в Азии действительно были распространены некоторые разновидности христианства.

Навязчивая идея христианского рыцарства — гроб господен в Палестине — породила и другую навязчивую идею — о Иоанне. Терпя одну неудачу за другой в борьбе с сарацинами, крестоносцы начала XIII в. стали возлагать особые надежды на помощь со стороны этого фантастического владыки. Они спугали грузинского царя, который действительно обещал свою помощь крестоносцам Антиохии, с этим попом Иоанном, а когда до них дошли слухи о монгольском вторжении в Среднюю Азию и Иран и битве на Калке, то крестоносная Европа возликовала. Было решено, что войска Чингизхана — это и есть армия Иоанна, которая с востока, с тыла сокрушит мусульман. Уже говорили, что в войске этом 40 христианских царей и 60 епископов. Но вскоре пришло разочарование.

Легкомысленные рыцари приветствовали в 1223 г. монголов как воинство священника Иоанна. Нападению ведь подверглись не их королевства и герцогства, а Русь да «неверные» половцы. А через двадцать лет монголы оказались у стен Регенсбурга, у берегов Адриатики, грабили в Венгрии и Чехии.

Но когда волна нашествия откатилась назад, идея о священнике Иоанне снова воскресла. Если в самом центре Монголии живут христиане, да еще имеют своим правителем могущественного священника, то нельзя ли использовать это обстоятельство и превратить самого монгольского императора в христианина — так рассуждали в Риме при дворе Иннокентия IV, избранного в 1243 г. кардиналами на место умершего папы Григория IX.

Этот вопрос был слишком серьезен, чтобы остаться только пустым прожектерством. Нужно было послать в далекий Каракорум посла, который был бы одновремен-

по и разведчиком. Во главе такой миссии папа решил поставить монаха-францисканца ПIANO Карпини, Джiovанни дель Пьяно-Карпини, как его звали в миру, итальянца по происхождению, образованного и хитрого дипломата, выполнившего с успехом уже не одно дипломатическое поручение церкви в Германии и Испании, друга самого Франциска Ассизского — основателя монашеского ордена францисканцев. В апреле 1245 г. Карпини выехал из Лиона вместе с небольшой группой монахов. Морем он добрался до Крыма, высадился в Судакe и продолжал путь далее по степям, верхом или в кибитке. После трудного и утомительного путешествия Карпини прибыл в ставку Бату, но тот направил его дальше, к великому каану. Через Среднюю Азию и Центральную Монголию лежал путь кучки францисканцев.

Наконец они приехали в Каракорум, где были приняты великим ханом Гуюком, занявшим место Утедея. Гуюк познакомился с письмом папы. Узнав, что тот приглашает его принять христианство и признать приоритет Рима, монгольский каан пришел в ярость. Он вручил Карпини ответное письмо папе и отправил его обратно в Европу. Через два года после своего отъезда из Лиона, Карпини вновь прибыл в этот город с письмом Гуюка. Оно долгое время считалось потерянным, пока его не нашли в 1920 г., спустя 673 года, в архиве замка Святого Ангела в Ватикане. Ответ Гуюка был высокомерен: «Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам... Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказаниям, то вы станете нашими врагами». Эти слова писал в ноябре 1246 г. хан Гуюк в далеком восточном Каракоруме, а в октябре 1247 г. в Лионе их читал наместник бога на земле папа Иннокентий IV.

Даже удивительные рассказы Карпини о том, что он видел за эти два года, не могли развлечь и улучшить настроение оскорбленного папы. Но он оказался достаточно справедливым человеком. Он не только не выместил свое раздражение на Карпини, но всячески одарил его, назначил архиепископом и отпустил с миром.

А видел Карпини удивительные вещи. Он рассказывал изумленным слушателям о безбрежных степных океанах, где бывают такие бури, что почти нельзя ездить верхом и люди ложатся на землю, а от поднявшейся пыли не могут смотреть. Град бывает там такой, добавлял рассказчик, что когда однажды выпал град, а потом растаял, то утонуло более 160 человек. А жен, оживлялся Карпини, каждый имеет сколько угодно, и после смерти отца сын женится на его жене, кроме матери, конечно, а на женах умершего брата даже обязательно надо жениться. Жилища у степняков круглые, и при кочевках ставят их на колеса, а в телегу запрягают волов или быков.

С замиранием сердца слушали лионцы о том, как татары на одной из повозок своего кочующего лагеря ставят идола в честь императора и закалывают перед ним лошадей. Рассказывал Карпини и о трагической судьбе русского князя Михаила Черниговского, которого татары убили за его отказ поклониться идолу.

Мужчины же у них ничего не делают, говорил почтенный францисканец, за исключением стрел, да еще смотрят за стадами; они только охотятся да упражняются в стрельбе. Но зато они великолепные стрелки, а дети их ездят на лошадях уже с двух или трех лет. Когда они чуть подрастут, им уже дают лук. Женщины могут ездить верхом так же хорошо и долго без всякой усталости, как и мужчины. Они мало покупают, почти все делают сами, причем работы выполняют женщины: полушубки, платья, сапоги из кожи — все это мастерят татарские женщины, они же выучат верблюдов и чинят палатки. Все они носят штаны, заключал рассказчик.

Карпини, наверное, до смерти надоел обитателям архиепископского дворца в Антиваре, куда был назначен после своей поездки к монголам, рассказами о том, как принял его сам император Гуюк. Для Гуюка был сооружен шатер, который называли «Золотой Ордой». Он стоял на столбах, покрытых золотыми листьями, и прибит к столбу золотыми гвоздями и весь был убран бесценными тканями. Гуюк воссел на престол, и все склоняли перед ним колени — «за исключением нас, — не забывал повторять Карпини, — которые не были ему подчинены». А среди собравшихся (а их было несколько тысяч) присутствовали представители самых разных покоренных

народов. Карпини видел здесь вождей китаев и солангов, встретил русского князя из Суздаля, двух сыновей грузинского царя, посла багдадского халифа и не менее десяти представителей других правителей мусульманских стран.

Потом началась попойка. Наконец францисканцев записали на прием, потом вызвали и ввели внутрь шатра, предварительно обыскав, и сказали, чтобы они не коснулись порога, за что у монголов полагается смерть. Над императором держали зонтик, весь убранный жемчугом (кажется, Карпини был первым европейцем, увидевшим зонтик). Там послы спросили, как насчет подарков императору, указали на одну половину шатра, всю заваленную и заставленную подарками. Карпини пустился в путаные объяснения, из которых следовало, что в длительном и тяжелом пути они все потратили и ему нечего дать императору.

Как отнесся Гуюк к этому сообщению — об этом архиепископ предпочитал умалчивать, но зато любил каждый раз повторять, что рядом с палаткой Гуюка стояло 500 повозок, набитых доверху золотом и серебром, и эти богатства были распределены между императором и вождями.

Потом францисканских монахов повели в другой шатер весь из пламенно-красного пурпура. Напоив предварительно пивом и накормив вареным мясом, их ввели внутрь. Стоило отказаться от многих зрелищ, чтобы посмотреть на то, что увидел Карпини. Первым бросался в глаза трон Гуюка из слоновой кости, жемчуга, золота и драгоценных камней. Кругом стояли скамьи для жен, которые в этот день все были в сборе, еще ниже были поставлены лавки для вельмож. Здесь Карпини был свидетелем суда над теткой Гуюка, которая обвинялась в том, что отравила своего брата, отца Гуюка.

Встретили францисканцы в Каракоруме и христиан. Один русский по имени Кузьма поддержал их материально. Помощь явилась очень кстати. Растратившие все деньги в дороге монахи нуждались даже в еде. Кузьма — золотых дел мастер — рассказал им, что трон императора сделал он, он же вырезал печать Гуюка. Та ли это была печать, которой скреплено письмо Гуюка папе, найденное в Ватикане в 1920 г., или это была другая — остается неизвестным.

Все свои рассказы о путешествии Карпини изложил в книге, которую назвал «История монголов, именуемая нами татарами».

Одним из последних энтузиастов крестовых походов был французский король Людовик IX. Во время VI крестового похода в битве при Мансуре в 1248 г. он был разбит и попал в плен к неверным. Но даже после длительного пребывания в плену Людовик не успокоился. Этот король скупал со всего света мощи и реликвии, собрал массу всяких христовых пеленок и гвоздей креста Спасителя. Король, который отдал тысячи мар за свирель, обломок черепа Иоанна Крестителя и за новый венец Христа, не мог отказаться от освобождения гроба Господня. И вот Людовику IX пришла счастливая мысль. Ведь в это время монголы, прорвавшиеся в Иран, вели наступление на Сирию и Палестину с востока, желая подчинить весь мусульманский мир до Средиземного моря. Людовик IX задался целью превратить монголов в своих союзников и с их помощью отомстить сарацинам за поражение и плен.

Нужна была новая миссия в Каракорум, и на этот раз во главе ее стал монах — минорит Гильом Рубрук. Мужественный, закаленный в боях и вместе с тем широко образованный человек, он легко мог перенести все тяжести путешествия в Монголию и выполнить поручение короля. Большую помощь Рубруку могло оказать знакомство с рассказами Карпини. Рубрук участвовал в крестовых походах своего короля, был в прекрасных отношениях с королевой-матерью, хорошо знал все тайные каналы европейских интриг. Он знал о миссии в Монголию, посланной в 1249 г., во главе которой стоял Андре Лонжюмо. Знал он и о рыцаре-крестоносце императора Балдуи, на II, гордом аристократе Филиппе де Туси, который женился на скуластой половчанке и отправился в Азию с целью разведать настроения при дворе каана. Теперь пришла его очередь отправиться на восток.

Рубрук начал путешествие в 1253 г. из палестинского города Аккона, где сел на корабль, шедший в Крым. Из Солдаи он отправился на восток. Так же, как в свое время Карпини, он прибыл сначала к золотоордынскому хану Бату. Но тот не захотел вести переговоры и посоветовал Рубруку ехать в Каракорум к Менгу, ставшему монгольским императором после Гююка. Бату, хотя и

питался старейшим и уважаемым среди чингизхановских потомков, но не захотел стать кааном и переехать в Саракорум. Он сделал все, для того чтобы посадить на ингизхановский престол хана Менгу, с которым у него был прочный контакт еще со времени походов на Русь и ыпчаков в конце 30-х годов XIII в. Бату решил не вмешиваться в деликатный вопрос о взаимоотношениях великого каана с Западом, тем более что Рубрук был уже первым миссионером, а Бату, наверное, хорошо знал о неудачных попытках Запада завязать отношения с Монголией на почве религиозного союза. Рубрук хотел и много ни мало как разрешения проповедовать католичество среди подданных монгольских царевичей.

В столицу монголов Рубрук попал только летом 1254 г. И опять попытка Западной Европы склонить монголов к принятию христианства не увенчалась успехом.

Оба посольства, и Карпини и Рубрука, были неудачными. С точки зрения папы и французского короля, это были пустые затеи и неудавшиеся мероприятия. Но в истории это были замечательные события, и главный результат обеих поездок заключался в том, что Европа получила великолепные книги. Об одной — книге Карпини — уже говорилось. Вторая, написанная Рубруком, содержала еще больше сведений о Востоке, еще больше увлекательных деталей, описаний замечательных встреч в далекой Монголии, удивительных обрядов и обычаев неведомых стран.

Талантливый и наблюдательный писатель Рубрук создал книгу, которая читается и сейчас, с высот современных знаний и техники, с таким же захватывающим любопытством, с каким слушали и читали ее семь столетий назад жители европейских городов и аббатств. Особенно интересно читать эту книгу археологам. Когда советские и монгольские археологи раскапывали Саракорум, они все время сверялись с описаниями Рубрука и находили удивительно точные совпадения.

Половецкие степи, Дешт-и-Кыпчак, были похожи на огромную трубу, где глухо выл ветер, затягивая, как песчинки, то монахов-послов, то купцов, то миссионеров. Он гнал их, беспомощных и растерянных, оторванных от родной земли, на самый край света. Но человеческий дух не захватило этими страшными порывами степного ветра. Эти беспомощные миссионеры и неудачливые послы

впервые открыли Европе, что есть другой мир, есть неведомые моря и степи, цветущие острова и отмели, полные жемчуга.

На венецианских карнавалах много столетий пользовалась успехом маска «Марко Поло», которая рассказывала праздничной толпе небылицы о разных странах. Когда же венецианцы поняли, что смеются над самым замечательным своим соотечественником, они отремонтировали дом семьи Поло и стали показывать его туристам. А Марко Поло был вместе с Карпини и Рубруком первым человеком, кто открыл для Европы Восток. К описаниям Монголии, ставки великого каана и тех стран, через которые лежал к ним путь, Марко Поло добавил романтические повествования о Китае и Японии, островах Южной Азии, о теплых морях, омывающих Индию, о Цейлоне, Суматре... И когда повеяли совсем новые ветра и наполнили паруса Колумба, книга Марко Поло сыграла свою роль. Великий генуэзец усердно читал ее, делал на ней пометки. Он взял ее с собой в плавание и, наверное, искал в ней силы в долгие ночи, пока не увидел на западе новую землю.

Много ли монголов пришло в половецкие степи?

Но вернемся к нашим степным кочевническим курганам. Сопоставляя раскопанные курганы и сведения путешественников XIII в. об обычаях кочевников, можно решить один из важных исторических вопросов — много ли монголов переселилось в завоеванные их войсками половецкие степи? Было ли половецкое население уничтожено совсем и заменено монгольским или же оно сохранилось и только незначительное число монголов, монгольской аристократии переселилось в западные степи, захватив все ключевые позиции и в экономике и в политике.

Этот вопрос ставился не раз. Было обращено внимание на то, что монголы, судя по описаниям Плано Карпини, хоронят умерших, знатных монголов, тайно, чтобы никто не знал о месте их погребения, а если кто обнаружит его, писал Карпини, то этого человека избивают плетью или убивают. Только положение иностранного

посла спасло самого Карпини и его монахов, когда они по неведению пришли на монгольское кладбище. То же писал и Рубрук. Это подтверждает и Марко Поло. При похоронах великого монгольского каана Менгу было убито ни много ни мало 10 000 человек. Даже если допустить, что это преувеличение, все равно не слишком ли много, для того чтобы выполнить требование древнего обряда и сохранить в секрете место погребения царя? Зполне понятно, что курганный обряд погребений противоречит по самой своей идее этому обычаю тайного погребения монгольской знати. Ведь курган — это своеобразный памятник над могилой, знак, по которому погребение можно заметить. А монголы специально гоняли над свежей могилой лошадей, чтобы скрыть место погребения, маскировали его травой и т. п.

Следовательно, многочисленные курганы золотоордынского времени были насыпаны не монголами, а каким-то другим народом. Этим народом могли быть только те племена, которые жили здесь до монгольского завоевания. И действительно, обряд погребений в этих курганах ничем существенно не отличается от обрядов, которые зафиксированы в курганах домонгольского периода. Те же ориентировки покойников, те же выступы в могилах, те же положения коней или частей коня. Произошли, правда, некоторые перемещения масс кочевников, как мы это видели на примере «черных клобуков», но само население осталось прежним. В степях Причерноморья продолжали кочевать половцы, на южной Киевщине все еще оставались «черные клобуки».

Проезжая через половецкие степи, Рубрук наблюдал, как хоронили покойников. Он прямо противопоставляет тайные могилы у монголов и явные погребальные сооружения у команов-половцев. Половцы насыпают большой курган над усопшим, пишет брат Гильом. Проезжая по пустынным степям Северного Кавказа, Рубрук не видел никаких поселений. Кругом была голая степь. Время от времени на горизонте показывались курганы половцев, под которыми они хоронили своих покойников. О каком тайном погребении у половцев может идти речь, если их могилы видны на далеком расстоянии?

Рубрук, подобно Ибн-Фадлану, был прекрасным наблюдателем. У половцев Северного Кавказа он подметил обычай коллективных усыпальниц. Раскопки половецких

курганов у Новороссийска и по нижнему течению Кубани открыли курганы, где в одной яме лежало несколько человек, иногда с конями, иногда без коней. Наблюдается подобный обычай только у половцев Северо-Западного Кавказа, и Рубрук совершенно точно отметил эту этнографическую особенность, проезжая по этим местам.

Но нет ли все-таки каких-нибудь таких особенностей в устройстве курганов Восточной Европы или каких-нибудь особых вещей в их инвентаре, которые можно было приписать монголам? Ведь должны же были оставить какой-то след эти завоеватели?

Внимательно читая книги Карпини и Рубрука, можно отметить две интересные особенности монголов: устройство подбоев при сооружении могил и монгольский национальный женский убор, так называемую бокку.

Вот как рассказывает Карпини о похоронах знатного монгольского витязя. Делают большую яму и сбоку роют нишу. В нишу кладут мертвеца, а под него раба, которого считают любимцем покойного. Когда раб начинает задыхаться, пролежав под своим мертвым хозяином несколько часов, его оттуда вытаскивают и дают отдышаться. Как только он приходит в себя, его снова запикивают в могилу и с любопытством смотрят, выдержит ли он на этот раз. И так три раза. Если раб окажется крепким и не умрет во время этих церемоний, его отпускают на свободу, оказывают ему почести, дают ему все, что он пожелает. Самого же покойника кладут в нишу, ставят в могилу котел, полный мяса, чашу с молоком, иногда кладут убитую лошадь, приносят мертвецу всякую утварь и украшения и, наконец, засыпают яму. Часто в яме остается много золота и серебра, с сожалением писал Карпини (его-то финансы были в весьма плачевном состоянии в это время).

Карпини сообщает об очень важной детали, которая должна сохраниться в могилах,— о подбоях, то есть нишах, сделанных в стенах погребальной ямы, куда клали покойников. Подбои в могилах встречаются очень часто у самых разных племен. Встречаются они и в средневековых курганах восточноевропейских степей. Можно ли считать, что этот обычай принесен монголами и является тем самым признаком, по которому можно судить о присутствии монгольских завоевателей в южнорусских степях?

Оказывается, что могилы с подбоями в тех случаях, когда их дату можно определить, все относятся к XIII—XIV вв. Если это был половецкий обряд погребения, то подбои должны встречаться у половцев и до золотоордынского завоевания и после него. Но в домонгольское время подбоев не было, а в золотоордынскую эпоху, как только пришли татары,— подбои появились.

Поэтому, конечно, предположительно — всякая наука имеет свои допущения — можно «связать» (так любят говорить археологи) погребения в нишах-подбоях с приходом монголов.

Но есть еще одна особенность, по которой можно узнать погребения монголов,— это монгольский женский головной убор, который Карпини и Рубрук называли боккой. Бокка настолько поразила обоих путешественников, что они подробно ее описали в своих книгах.

Бокка — это шапочка с отверстием наверху, в которое пропускали косу. К шапочке прикрепляли вертикальную трубку из бересты или какого-либо другого подходящего материала. Косу пропускали в трубку. Заканчивалась эта довольно длинная трубка четырехугольной пластиной, которую Рубрук сравнивает с капителью колонны. На пластине укреплялся «прутик» из стебельков, перьев или тонких тростинок. Все это покрывали тканями и украшали перьями павлина или, на худой конец, перьями из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Когда Рубрук увидел много монгольских женщин на конях, издали ему показалось, что это едет отряд воинов со шлемами и поднятыми копьями. Бокку он принял за шлемы, а прутики наверху — за копья.

Остатки берестяных шапочек с трубками встречаются среди кочевнических погребений в степях Восточной Европы. Это еще один признак, по которому можно из моря кочевнических курганов найти именно те, которые так или иначе связаны с пришельцами из Центральной Азии — завоевателями монголами.

Казалось бы, что бокка должна встречаться чаще в погребениях с подбоями, чем в обычных. Ведь естественно предположить, что обладательницу бокки — знатную монгольскую даму — хоронили так, как принято было у монголов, т. е. в нише, в подбое. Но оказывается, что могилы с подбоем встречаются среди могил с боккой так же редко, как и среди всех могил поздних кочевников.

Значит никакой связи, никакой сопряженности между двумя признаками, говорящими о принадлежности монголам этих погребений, нет.

Можно предположить, что монголы хоронили женщин не так, как мужчин. Ведь описывал Карпини захоронения в нише после того, как он был свидетелем похорон знатного монгола. Но тогда среди погребений с боккой должен был бы выделяться, как наиболее часто употребляемый, какой-то другой способ погребения. Но оказывается, что с боккой людей хоронили совершенно так же, как и без бокки, в таких же погребениях, в каких хоронили половцы своих мертвецов в то счастливое для них время, когда монголов еще не было и в помине.

Из этого следует, что монголы, придя в половецкие степи, быстро смешались с местным кочевым населением, передали им свои обычаи и переняли их. Монголы в западных окраинах огромной империи Чингизхана, в половецких степях, не образовали компактного массива населения, в котором сохранились бы их традиции, их обычаи и их нравы. Рассредоточенные в половецкой степи, члены правящего дома и их вассалы из числа монгольской аристократии быстро теряли свои этнографические черты. Вот что писал об этом египетский писатель XIV в. ал-Омари: «Кыпчаки сделались подданными монголов. Потом они смешались и породнились с ними, земля одержала верх над природными и расовыми качествами их. Все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили с ними в брак и остались жить на их земле».

Вполне понятно, что если бы монголов было очень много, то этого не произошло. Пришельцев-завоевателей, по сравнению с половцами, было мало, и они быстро смешались с местными кочевниками. Только самая высокая аристократия, ханский дом, сами ханы, царевичи и крупные кочевые феодалы продолжали неизменно подчеркивать, что они монголы, а не какие-нибудь кыпчаки. Они строили хитроумные генеалогические схемы, часто совершенно фантастические, возводя свой род или к самому Чингизхану, что, конечно, было предпочтительнее всего, или к древним монгольским героям и вождям.

Применим излюбленный археологами метод картографирования археологических памятников разных ви-

дов. Нанесем на карту тепогребения, в которых есть бокка и ниши-подбои. Получается, что почти все эти погребения располагаются в районе Нижнего Поволжья. На запад они доходят до Дона, на юг — до Северного Кавказа. Западнее Дона таких погребений почти не встречается.

Монголов в половецкой степи было мало, но и та область, в которой они выбирали себе кочевья, была ограничена. Хотя монголы стали господами над половцами, они предпочитали оставаться в поволжских степях. На запад уходили лишь некоторые царевичи-ханы и найоны. Там они составили ничтожный процент населения, только самую верхушку кочевого общества. Рядовое монгольское население, попавшее в Золотую Орду, все осталось в Поволжье. Вот почему только там можно найти погребения с теми особенностями, которые, пусть предположительно, но все же можно связать с монголами.

Степи Нижнего Поволжья стали центром Золотой Орды. Здесь возникли основные города, в том числе столица государства. Здесь было больше всего монголов, сюда монголы насильно переселили часть старого кочевого населения степей. Остальные районы степей как были половецкими, так половецкими и остались.

Рассеялись по всему свету...

Монгольское завоевание раскидало половцев по разным странам и землям. Хотя основная масса осталась в степях Восточной Европы, большие орды половцев перекочевали в другие места, ища спасения от монгольских захватчиков. Группа половцев во главе с ханом Котяном в 1241 г. ушла в Венгрию. Здесь их хорошо принял венгерский король. Он позволил им кочевать по степям Паннонии. Бату был крайне раздражен такой деятельностью венгерского правительства по отношению к половцам. Как в свое время перед битвой на Калке, монголы заявили, что волей самой судьбы половцы должны быть их рабами и брать половцев под защиту означает проявлять враждебность по отношению к монголам. Бату послал разгневанное письмо венгерскому королю, полное угроз:

«Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством... Приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе,— предупреждает Бату,— так как они, кочуя без домов, в шатрах, может быть, и в состоянии убежать, ты же, живя в домах, имеешь земли и города. Как же тебе избежать руки моей». Письмо не отличалось вежливостью.

Лаврентьевская летопись под 1229 г. сообщает, что половцы Поволжья (летописец называет их саксины) бежали от татар на север в Волжскую Болгарию. На Руси, которая сама была истерзана татарскими ордами, а также в Польше и Литве в конце XIII в. появилось очень много половцев. Когда-то надменные степные аристократы, все эти беглые половецкие князья вели себя теперь очень смиренно. О потомках одного такого беглого половецкого князя узнаем из грамоты киевского князя XIV в. Владимира Ольгердовича, выданной князю Юрию Ивановичу Половцу-Рожиновскому. Удел предков его, говорится в грамоте, был на реке Роси.

Некоторое количество половцев попало на Дальний Восток, в Монголию и Китай. Еще при Чингизхане и Джучи несколько половецких князьков было вывезено для службы при дворе монгольского императора, где они должны были держать зонтики над его священной особой, следить за конюшнями или прислуживать во время пиршества.

Половцев массами стали продавать в рабство. Половецкие юноши высоко ценились как прекрасные воины для дворцовой гвардии мусульманских правителей.

XIII в. вызвал оживление работорговли. После страшных войн оказалось огромное количество людей, оторванных от родины, превращенных в невольников, которых можно было продавать и покупать. Сами монгольские войска были отягощены массами рабов. Монголы низко ценили рабов, достававшихся им очень дешево во время войн и грабежей. Они заставили пленных нести самые тяжелые военные работы — рыть рвы, возить повозки, строить лагеря, иногда гнали их перед собой, когда шли на штурм города, чтобы первый удар защитников пал на этих несчастных.

Когда войны стали стихать, пленные превратились в источник наживы, в объект купли и продажи. Оживлен-

ными рабскими рынками сделались города Причерноморья. Очень деятельное участие в скупке живого товара приняли византийцы. Сам византийский император разрешил официально работорговлю. Но больше всего суежились итальянские купцы, боясь упустить выгодные дела. Множество рабов и рабынь — половцев и славян, черкешенок, хорезмиек — появилось в домах знатных сеньоров во Флоренции, Венеции, Анконе, Лукке. По всей Европе прокатилась волна работорговли, а следом за ней шли эдикты и законы, разрешающие торговлю людьми.

В семье Марко Поло был какой-то раб-татарин по имени Петр. Очевидно, это был половчанин; татарами называли европейцы, а потом и русские всех кочевников в степях. На рынках Каффы, где продаваемые рабы стояли голыми, в войлочных туфлях и колпаках, а покупатели смотрели им в зубы и щупали их мускулы, татарские рабы ценились очень высоко, потому что, как заверял писатель XV в. испанец Петро Тафкар, «можно с уверенностью сказать, что ни один татарин (имелся в виду половец.— Г. Ф.-Д.) никогда не предавал своего хозяина».

Огромное количество рабов из половецких степей было продано монголами и мусульманскими купцами в Европу, в Сирию, северо-западную Африку, но особенно много попало их в Египет. Александрия, где в течение года продавалось не менее двух тысяч рабынь, была крупнейшим центром работорговли на Средиземном море.

У каждого уважающего себя мусульманского правителя должна была быть личная гвардия гулямов или мамлюков. Она пополнялась рабами, купленными еще юношами, обученными и воспитанными при дворце. Эти воины были преданы своему господину, независимы от государственного аппарата, от визиря и его чиновников. Гулямы подчинялись только самому правителю. Лучшими гулямами и мамлюками считались тюркские рабы. В Египте, куда было продано очень много рабов половецкого происхождения, дворцовая гвардия оказалась уже в XIII в. почти сплошь состоящей из половцев. И вот эта половецкая дворцовая гвардия в 1250 г. захватила власть в свои руки и стала во главе всего Египта. Половецкие мамлюки сумели в Египте создать армию,

отличавшуюся очень высокими боевыми качествами. А в хорошей армии Египет нуждался очень остро. Действительно, Египет и Сирия — центры мусульманской культуры и арабской образованности, искусства и литературы — были зажаты врагами с двух сторон. С одной стороны, с востока, двигался дикий смерч монгольского завоевания; с другой, с запада, нависла опасность крестоносцев, которые, несмотря на поражения, нанесенные им при Саладине в XII в., все еще пытались подчинить себе Ближний Восток. Как уже упоминалось, Людовик IX лелеял мечту о создании союза с монголами, вел с ними переговоры и даже послал к ним Рубрука. Но мамлюки, быстро создав прекрасную армию, отразили обе эти опасности. Они защитили Сирию от войск Халугу — монгольского царевича, завоевавшего Иран и в 1258 г. взявшего Багдад. Они изгнали крестоносцев из Сирии. В 1291 г. пала Акка — последний оплот рыцарей на Востоке.

Так, половцы, изгнанные из своих родных степей, проданные в рабство, оказались правителями огромной, мощной, богатой и культурной арабской страны, сделались одной из главных сил в международных отношениях и в мировой политике XIII—XIV вв.

Став правителями, мамлюкские султаны продолжали покупать в половецких степях и юношей-воинов, и девушек-наложниц. Многих половцев приняли к себе знатные вельможи султанского двора, которые сами были половцами и происходили из южнорусских степей. В Каире возникли районы, заселенные татарами-половцами. Один такой квартал носил название Орда.

Половецкие рабыни попали в арабские богатые дома. Мамлюкские султаны из половцев брали к себе во дворец черных невольниц. Половецкая кровь смешивалась с кровью всех народов Египта и Северной Африки, а в Европе, как пишет американский востоковед Харт, в результате работорговли в кровь любого народа от Северного моря до Средиземного влилась обильная струя русской, татарской, черкесской, турецкой и африканской крови.

Египетский чиновник XIV в. ал-Омари, который составил огромную географическую и политическую энциклопедию о современных ему народах Востока, не мог скрыть своего презрения, презрения горожанина и ара-

ба-мусульманина, к этим «диким» кочевым племенам половцев. Он писал, что половцы живут в нищете, что у них нет посевов, а стужа губит их скот. Это «тупоумный и жалкий народ», который не знает ни веры, ни привязанности, ни ума, ни проникательности. Случается, рассказывает писатель, что кто-либо найдет кусок мяса, он варит его, но не доваривает, выпивает отвар, мясо откладывает на другой раз, потом собирает кости, когда мясо съедят, и снова из них варит бульон. Ал-Омари писал очень раздраженно о такой экономности половцев, усматривая в этом особую дикость и некультурность. Он обвинял их в том, что они одеваются в недубленные шкуры животных, не разбирая, заколоты они были или издохли, продают детей в рабство и совершают еще массу всяких отвратительных поступков. Но тут же, на тех же страницах, можно встретить совершенно другой отзыв о половцах. Автор вспоминает, что ведь из среды половцев вышли сами султаны и их вельможи, и, резко меняя тон, пишет: «Тюрки этих стран (половецкой степи — Г. Ф.-Д.) — один из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станок, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Цари из них (т. е. султаны Египта. — Г. Ф.-Д.) чувствуют склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так как Египет заселился и стал охраняемым ими со всех сторон. Из них были светила государственного совета, председатели собраний и предводители земли Египта».

В Египте при мамлюкских султанах утвердилось много черт общественного и частного бытаполовецкой степи и золотоордынского государства. Мамлюки недоблюбили арабские обычаи. Им хотелось ввести новые свои правила, которые представляли причудливое сочетаниеполовецких обрядов и монгольских положений обычного права — ясы. Жители Каира с удивлением наблюдали, как мамлюкский вельможа, предки которого были половцами, при выходе из дома посылал перед собой 300 всадников с музыкантами впереди, одетыми пополовецки и играющими на татарских музыкальных инструментах. По берегам Нила мамлюкские вельможи разъезжали на таких же повозках, которые видел и описал Плато Карпини и которые можно увидеть на миниатюрах русских летописей. Как когда-то в степях

пировали их предки, так и здесь, в арабском Египте, к столу знатных мамлюкских чиновников и самих султанов закалывали нескольких лошадей. Ели конину, пили кумыс. Кумыс подавали к столу на приемах султана Бейбарса, выходца из половецкого племени бурдж-оглы (оно было известно и русским летописцам под именем бурчевичей).

Мамлюки пренебрегали даже шариатом — религиозной юридической догмой мусульманских стран. Они заставляли судить по ясе Чингизхана. В Египте и половецких колониях переводили произведения персидской и арабской поэзии и прозы на кыпчакский язык. Многие из мамлюкской среды и из семей старых арабских чиновников и купцов говорили на половецком языке. Знать этот язык было полезно политическим деятелям и коммерсантам.

МОНЕТЫ

Первые монеты в Золотой Орде

Золотоордынский хан Берке, брат Бату, пользовался среди мусульман славой покровителя ислама и заслужил своим благочестием множество комплиментов со стороны мусульманских историков и писателей. Он так и вошел в историю как первый мусульманский хан в Золотой Орде. Когда умер Бату, то его место хотел занять его сын, христианин Сартак, враг ислама. Но желание Сартака натолкнулось на противодействие Берке, которого поддерживали мусульманские города и купечество. Сартак поехал к великому каану Менгу в Каракорум, чтобы тот утвердил за ним престол отца. Берке же, как рассказывали сочувствовавшие ему жители среднеазиатских городов, когда узнал об этом, вошел в шатер, обмотал шею свою веревкой, прикрепил к ней цепь и стал плакать и вздыхать, говоря: «Господи, если вера Мухаммедова и закон мусульманский истинны, то докажи мою правоту относительно Сартака». Так рыдал и стонал Берке три дня и три ночи, выпрашивая у аллаха знаменье, которое показало бы, что на золотоордынский престол должен сесть именно он, благочестивый Берке, а не христианская собака Сартак. Бог, наконец, послушался и послал на Сартака болезнь желудка, от которой он и умер. Так писал историк XIII в. Джузджани со слов мусульманских купцов, приезжавших из Самарканда и Бухары.

Ставленник торгово-купеческого сословия мусульманских городов, заинтересованного в упорядочении экономики и торговли, Берке стал первый чеканить в Золотой Орде монеты. Первые деньги были выпущены в конце 50-х годов XIV в. в Болгаре, вошедшем в состав Золотой Орды как один из главных ее экономических центров.

После погромов 30-х годов XIII в., которые учинили здесь монгольские завоеватели, город быстро был восстановлен и занял среди городов Золотой Орды одно из главных мест.

Эти первые золотоордынские монеты очень интересны. Они долгое время были нумизматической загадкой. Дело в том, что точно определить дату их выпуска было невозможно, так как на этих монетах еще не помещали дату чеканки. Но зато на некоторых из них было имя города — Болгар, — и это не оставляло сомнений в том, где они чеканились.

Знаменитый востоковед Х. М. Френ колебался в определении даты этих монет. Сначала он считал их домонгольскими, выпущенными в Болгаре в самом начале XIII в., потом изменил свое мнение и стал утверждать, что это первые джудические, то есть золотоордынские, монеты и чеканены они в последнем десятилетии XIII в., а может быть, и в начале XIV в.

Что заставило Френа менять свои определения? Оказывается, на этих загадочных болгарских монетах, кроме места чеканки, помещено еще имя багдадского халифа Ан-Насир-лид-Дин Аллаха, жившего в 1180—1225 гг. Если признать, что они выбиты были при жизни этого халифа, то нужно принять первую точку зрения Френа. Но оказалось, что это имя встречается довольно часто на датированных монетах как имя восстановителя былой славы и мощи Багдада. Хотя новый подъем халифата был иллюзорным и недолгим, слава самого халифа оказалась очень устойчивой. Его имя сделалось как бы символом мусульманского благочестия и усердия. В смутные годы монгольского завоевания многочисленные эмиры, покорившиеся татарам, пользуются этим именем, как флагом, помещают его на своих монетах, заявляя тем самым, что, подчиняясь грубой силе монгольского завоевания, они остаются мусульманами; они хотели показать, что сохраняют традиции и культуру славного прошлого халифата.

Ревнитель ислама, покровитель мусульманского ремесла и купечества, хан Берке также использовал это имя как политический лозунг, помещая его на монетах. Монеты, обращавшиеся среди народа, были прекрасным средством агитации в ту эпоху, когда не было ни газет, ни листовок, ни радио.

Когда же все-таки чеканились эти монеты?

Советский нумизмат С. А. Янина обратила внимание на то, что болгарские монеты с именем арабского халифа Ан-Насира часто оказываются перечеканенными новым штемпелем с именем великого каана монголов Менгу. Берке вступил на престол в 1256 г., а Менгу умер в 1259 г. Следовательно, монеты с именем Ан-Насира, чеканенные Берке, но при жизни Менгу, могли быть выпущены только в этот промежуток времени.

Но по каким причинам Менгу оказался недовольным действиями Берке? Почему приказал он ему, пользуясь верховной властью своей среди всех чингизидских отпрысков, прекратить мусульманскую агитацию и пустить монеты с именем Ан-Насира в перечеканку?

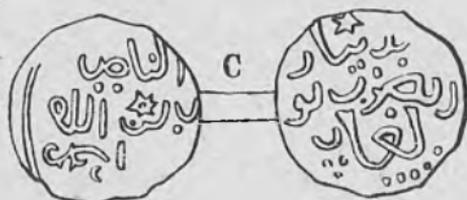
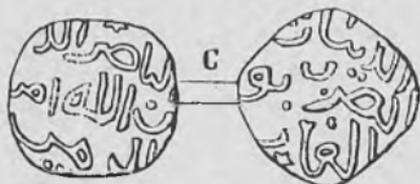
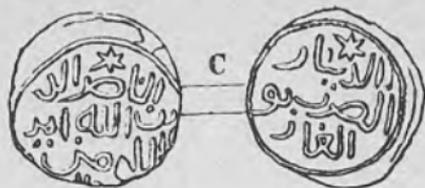
Клад золотых монет из Ташкента

В 1956 г. в Государственный Исторический музей поступил клад золотых монет, найденный случайно при земляных работах близ Ташкента. Мне предложили разобрать этот клад, и я с удовольствием принялся за дело.

Среднеазиатские золотые монеты XIII в. и до находки этого клада были известны нумизматам. Монеты из клада были довольно плохой чеканки и сильно стертые. Клад был зарыт в конце 60-х годов XIII в. и содержал, главным образом, монеты 50—60-х годов XIII в. Две монеты там были с именем великого каана Менгу. Несколько монет имели даты чеканки. На монетах были выбиты имена среднеазиатских городов, где они чеканились: Бухара, Самарканд, Ходжент, Отрар, Герат, Алмалык. Были здесь монеты, чеканенные и в кочевой ставке Орда ал-Аззам (то есть в Орде Высочайшей).

И вот оказалось, что на золотых монетах, выпущенных до 1258 г., нигде нет имени покойного благочтимого халифа Ан-Насира, а после 1258 г. это имя появляется, но не на всех среднеазиатских золотых монетах, а только на тех, которые были чеканены в восточных городах — Алмалыке, Ходженте, Орде ал-Аззам.

Это была определенная закономерность. Ее можно было проверить по сохранившимся золотым среднеазиатским монетам в Историческом музее и в Эрмитаже, а затем по литературе. В фондах Ташкентского, Бухарского

Монеты халифа Ан-Насира,
чеканенные в Болгаре

и Самаркандского музеев не осталось золотых монет с именем халифа Ан-Насира, битых после монгольского завоевания, но до 1258 г. Не было также золотых монет с именем этого халифа, чеканенных в Самарканде и Бухаре во второй половине XIII в.

Попадалось довольно много медных монет с именем халифа, но хорошо известно, что право чеканить от своего имени золотую монету в древности принадлежало на Востоке только самым высоким властям. Поэтому-то помещение какого бы ни было имени на золотом динаре означало серьезную политическую акцию.

Число вопросов, которые возникали вокруг монет с именем халифа Ан-Насира, множилось, и, чтобы решить их, нужно было обратиться к той эпохе, от которой дошли до нас все эти монеты. А самым громким и значительным событием середины XIII в. было взятие монголами столицы арабского халифата, «города мира» — Багдада.

Падение Багдада

1258 г. — последний год аббасидского дома, в течение пяти с лишним столетий худо или хорошо удерживавшего власть в Багдадском халифате. Последний халиф из этой династии Мустасим делал все, чтобы власть халифа потеряла всякое уважение среди правоверных. Беспомощный и слабовольный, он совершенно растерялся, когда в Иран вступили войска монгольского царевича Хулагу, посланного великим кааном Менгу для окончательного завоевания Ирана и всего Переднего Востока вплоть до Средиземного моря.

Однако и для Хулагу поход на Багдад не был простой, обычной военной акцией. Он прекрасно понимал, что захватить Багдад и покончить с халифом — дело очень опасное. Это могло вызвать резкую и нежелательную реакцию во всех мусульманских странах. Хулагу долго совещался со своими командирами, звездочетами и советниками перед походом на столицу ислама. Наконец, в 1257 г. его эмиры сказали: «Поход на Багдад — благое дело», — а другие советники на вопрос, что же случится после этого похода, ответили: «Вместо халифа будет Хулагу». Приближенные постарались заглушить тревоги Хулагу, указывая ему, что в истории не раз было так, что аббасидские халифы оказывались жертвами заговоров и дворцовых убийств, но ничего страшного не случалось; ничего не случится, мол, и на этот раз. Хулагу, наконец, решился на штурм «города мира».

Один хорезмиец в войске Хулагу послал перед самым штурмом своему знакомому половчанину Карасонкуру, оказавшемуся в войсках багдадского халифа, такое

Золотые монеты Ташкентского клада

письмо: «Мы с тобой одной породы. Я после долгой беготни по немощи и нужде подчинился, примкнул к служению его высочеству Хулагу, и меня жалуют. Пожалейте и вы свою жизнь, сжальтесь над своими детьми и покоритесь, дабы ваши семьи, и жизнь, и достояние были бы пощажены». Старая песня о том, что плетью обуха не перешибешь... Половчанин оказался героем, но героем, не сумевшим трезво оценить положение. Он ответил гордым отказом, причем говорил за себя и за все халифское войско. «Какие имеются основания у монголов, чтобы покушаться на род самих Аббасидов?» — спрашивал он. А основания были — стремительное движение войск Хулагу, почти не знавших поражения, разложение и коррупция среди аббасидского чиновничества, почти полная небоеспособность багдадских войск. Все это не оставляло сомнений в исходе штурма Багдада, если халиф не пойдет на поклон к монгольскому царевичу. В ответ на эти благоразумные советы Карасонкур ответил: «То, что ты приглашаешь меня к молодому монгольскому деревцу, далеко от благоразумия». Хулагу, которому показали этот наивный ответ Карасонкура, только рассмеялся. «Если халиф покорится, пусть выйдет, а не то пусть ждет войны», — сказал он. И война не заставила себя ждать. 22 января 1258 г. монголы, словно муравьи или саранча, подступили со всех сторон к городу и сомкнули кольцо вокруг его стен. 29 января начался генеральный штурм Багдада. Камнеметы делали проломы в стенах, воины Хулагу бросались в них, лезли на стены, врывались в город. Халиф и визири испугались, выслали парламентариев, но Хулагу заявил, что поздно, что он предлагал условия мира раньше, а теперь уже взволновалось море смятения и монголы не удовлетворятся только частью успеха. Выше и ниже по течению Тигра были наведены мосты и поставлены монгольские суда с камнеметами и бутылками с горючей смесью. Эти кордоны не давали бежать из Багдада. Наконец, халиф сказал: «Я покоряюсь». Город, уже почти захваченный, был не способен сопротивляться. Багдадское войско капитулировало, его разделили среди монгольских воинов и всех перебили. Те, кто остался в городе, разбежались или попрятались в подземелья и банные печи. Жителей вывозили из города для продажи в рабство, начались казни. Звездочета Сулемана-шаха спросили, почему он не

предсказал халифу поражения и не склонил его к миру с монголами. «Халиф был своевластен и не слушал меня», — так отвечал этот высокопоставленный халифский советник. Его и его подчиненных казнили, и головы их выставили на всеобщее обозрение, воздев на колья.

Наконец вышел из укрытия и сам халиф. Хулагу принял его довольно милостиво и велел ему объявить, чтобы все горожане Багдада сложили оружие. Жители послушали халифа, но монголы все равно их всех уничтожили.

Ласковое обхождение Хулагу с последним багдадским халифом было обманчиво. В городе шли поголовные грабежи и убийства. В халифский дворец въехал сам Хулагу. Он позвал Мустасима и сказал: «Ты хозяин, а мы гости. Покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего». Перепуганный халиф не мог вспомнить, где лежат ключи от сокровищницы. Сломали несколько кладовых и выволокли две тысячи халатов, десять тысяч динаров и невероятное количество украшений из жемчуга и драгоценных камней. Но Хулагу даже не посмотрел на все эти богатства, отдал их своим эмирам, а халифу заявил, что знает о существовании зарытых во дворце кладов. Халиф сознался, что во дворе есть засыпанный землей водоем, где спрятано золото, и указал место этого водоема. Его разрыли и нашли полным золота, в слитках по сто мискалей (примерно по полкилограмма в слитке). Все, что собирали халифы более 500 лет, было нагромождено вокруг палаток в лагере Хулагу.

Начали осматривать гарем. Сердце халифа разрывалось на части. Он взмолился. «Хоть обитательниц гарема, на которых не взирали ни луна, ни солнце, оставь мне». Хулагу объявил, что халиф может оставить себе сто девушек, а с остальными женщинами, которых было 600 человек, пусть распрощается навсегда. Халиф отобрал сто своих жен. Но они были ему уже не нужны. Дни его были сочтены. 20 февраля Хулагу приказал казнить его вместе со старшим сыном.

Так пала древняя династия правителей правоверных. Размышляя над кладом золотых динаров из Ташкента, нельзя не вспомнить о том, какой отклик получило во всем восточном мусульманском мире взятие Багдада монгольскими войсками Хулагу и казнь последнего багдадского халифа. Советники Хулагу приводили прецеденты, которые показывали, что ничего страшного не

случится, если Аббасид будет убит, что история знает такие случаи и не раз убийцам священной особы представителя дома Аббасидов сходило это с рук. Но все же Хулагу, предпринимая штурм Багдада, опасался последствий своих поступков. И действительно, события 1258 г. вызвали раскол в лагере потомков Чингизхана, раскол, который уже давно назревал. Нужен был только резкий толчок, чтобы трещина прошла через всю возведенную великим завоевателем громоздкую и сложную политическую и династическую систему.

Образовалось два лагеря Чингизидов, занявших противоположные позиции по отношению к убийству правителя правоверных и к штурму и разорению Багдада — столицы всех мусульман.

Каракорум, где сидел великий каан Менгу, отнесся к действиям Хулагу одобрительно. Он сам послал Хулагу на завоевание Ирана и Месопотамии и сам напутствовал уезжавшего в дальний поход Хулагу такими словами: «Если халиф возгордится и сердце и язык не приведет в соответствие с нами, то и его присовокупи к прочим врагам». Хулагу, казнив халифа, буквально выполнил наказ каана и «присовокупил» его к прочим врагам.

Берке, хан Золотой Орды, ярый мусульманин, выступил очень резко против действий Хулагу. Еще при жизни своего брата Бату Берке поддерживал связи с покойным халифом. Рассказывали, что он получил от халифа почетные одежды — милость, которая для мусульманина означала очень много.

Поэтому чеканку монеты с именем Ан-Насир-лид-Дина, которая явно выражала мусульманские благочестивые намерения Берке, можно рассматривать, кроме того, как некую политическую и религиозную демонстрацию против действий Хулагу, покусившегося на святыню ислама — трон халифата.

Выпустив монеты с именем почитаемого всеми мусульманами покойного халифа Ан-Насира, Берке поступил очень умно. Он использовал это ставшее уже каким-то символом имя для того, чтобы заявить о верности идеям ислама и халифата. Но вместе с тем он и не уронил своего достоинства и не нарушил собственного суверенитета как джудического правителя. Ведь если бы Берке выпустил монеты с именем самого убитого халифа Мустасима, он бы подчеркнул свою зависимость от Баг-

дада. Кроме того, ничтожество этого халифа как личности могло только унижить Берке. Имя же халифа Ан-Насира было скорее привычным символом верности исламу, чем признанием вассалитета по отношению к Багдаду. Одновременно это был бы чувствительный удар по самолюбию Хулагу, который, сидя в Багдаде, считал, что его импозантная фигура вполне заменяет правоверным убитого халифа. Вот потому-то из Каракорума вскоре последовал приказ Менгу, поддерживавшего Хулагу, перечеканить эти монеты и заменить на них имя Ан-Насира именем самого каана Менгу.

Что же происходит в это время в Средней Азии?

Берке, собственно, использовал среднеазиатские традиции чеканки монет послемонгольского периода, где имя Ан-Насира употреблялось для выражения мусульманского благочестия, в пику язычникам монголам. Но на золоте в Средней Азии до рокового 1258 г. это имя чеканить не осмеливались.

Великий каан Менгу умер в 1259 г. Хулагу в Иране и Месопотамии оказался без поддержки Каракорума. На престол великого каана заявили претензии два брата Менгу — Кубилай и Ариг-Буга. Кубилай, относившийся доброжелательно к Хулагу, был далеко. Он решил перенести свою столицу из Каракорума в Китай и перестал активно вмешиваться в ближневосточные дела Чингизидской империи. Ариг-Бугу судьба столкнула с среднеазиатским правителем ханом Алгуем, который еще в 1258 г. захватил весь Мавераннахр и не без поддержки Хулагу выгнал всю администрацию хана Берке из среднеазиатских городов. Алгуй пытался подчинить и восточные районы Средней Азии, где значительное влияние имели родственники и близкие Ариг-Буга, но не сумел это сделать. Таким образом, Алгуй и Хулагу с одной стороны, Ариг-Буга и Берке — с другой — вот два лагеря в доме чингизидовых ханов, которые образовались в конце 50-х годов XIII в.

Средняя Азия оказалась в эти годы расчлененной между Алгуем, сторонником и союзником Хулагу (ему подчинялись Самарканд и Бухара), и Ариг-Бугой, противником Хулагу (ему были верны восточные районы страны).

Вспомним теперь, что имя халифа Ан-Насира имеется только на тех среднеазиатских золотых монетах, которые

чеканены были в восточных городах — Ортаре, Ходжен-те, Алмалыке, а на бухарских и самаркандских золотых монетах этого имени нет.

Итак, в землях Берке и Ариг-Буги чеканятся монеты с именем почитаемого халифа (у Берке на меди и серебре, у Ариг-Буги на золотых динарах), а в землях, подвластных Алгую, на золотых монетах это имя не встречается.

Берке чеканкой монет выразил свое отношение к исламу и халифату. Ариг-Буга его поддержал, Алгуй занял противоположную позицию, став союзником Хулагу.

Так скромный и малоприметный клад из Ташкента оказался свидетелем напряженной и бурной политической борьбы середины XIII в.

Но политическая борьба, связанная с событиями 1258 г., вышла далеко за рамки империи Чингизидов. Мы знаем, что благочестивый мусульманский Египет, где власть захватили в это время выходцы из половецких степей — мамлюкские султаны, — ведет борьбу на два фронта — против христиан-крестоносцев и против наступающих с Востока на Сирию языческих войск Хулагу. Берке старался быть самым «мусульманским» ханом из потомков великого монгольского завоевателя. Враждебность Берке по отношению к Хулагу была очень выгодна мамлюкам. Они поспешили укрепить свои политические и религиозные связи с Золотой Ордой. С другой стороны, Менгу в свое время оказал поддержку сыну Бату — христианину Сартаку, с которым соперничал Берке. Это не могло не вызвать в мусульманских кругах раздражения против Каракорума. Тем более, что всюду ходили какие-то неясные слухи о том, что Менгу ведет переговоры с христианами и крестоносцами; ведь совсем недавно послалось посольство Рубрука в Каракорум. К тому же Менгу поддержал Хулагу, разрушавшего Багдад. В эти годы наметился союз Золотой Орды с мамлюкским Египтом против Ирана, где власть прочно захватила династия Хулагу. Главным объектом спора Золотой Орды и Ирана стало Закавказье. «Зимой 1263 г., — писал один персидский историк, — когда ювелир судьбы (то есть мороз — Г. Ф.-Д.) превратил реку Дербедскую как бы в слиток серебра, когда закрыщик зимней шубы скроил горностаевую одежду сразмерно длине и ширине покатоств холмов и долин и когда гладь речной поверхности

на один дротик вглубь затвердела, как части камня, войско монгольское, которое было отвратительнее злых духов и бесов, многочисленнее дождевых капель, по приказанию Берке, точно огонь и ветер, прошло по этой замерзшей реке. Распалив огонь гнева, они дошли до реки Куры». Так началась война Золотой Орды и Ирана из-за Азербайджана, которая не раз потом вспыхивала вновь в течение всего XIV в.

Кем и как управлялись оседлые земли при монголах

Когда нумизматы изучают монеты, а тем более монетный клад, они стараются исследовать все детали монеты, все ее изображения, надписи, вес монеты. Но есть скрытые свойства монеты, не видимые глазом, которые нельзя обнаружить ни лупой, ни весами,— это состав металла в монете. А это свойство монеты очень важно, ведь древние металлические деньги представляют собой кусочек драгоценного металла с клеймом, удостоверяющим от имени выпустившего его правительства, что металл имеет положенную чистоту и определенный вес.

Когда исследовался Ташкентский клад, специалисты определили, что все монеты имеют примерно одну и ту же пробу, то есть одинаковое процентное содержание золота. Во всех монетах золота было примерно 50—58%, оставшиеся проценты приходились на лигатуру — малоценные примеси. Стали искать, нет ли где сведений о составе динаров XIII в. из Средней Азии. В делах бывшей Императорской археологической комиссии, хранящихся в Ленинграде, среди бесчисленных папок с описаниями случайных находок и раскопок, с перепиской относительно выплаты крестьянам копеечных вознаграждений за найденные ими клады, нашлись сведения о находке в 1899 г. клада таких же золотых монет из селения Янги-Ера в Средней Азии. Клад был определен учеными-нумизматами Эрмитажа, а потом переплавлен на золото. При переплавке была определена проба золота. Оказалось, что в этих динарах золота было 57,2%, то есть почти столько же, сколько в монетах Ташкентского клада.

Этот факт оказался очень существенным. Он означал, что среди хаоса политических событий этого

тревожного времени, когда Средняя Азия была разделена между несколькими группами враждующих потомков Чингизхана, когда сохранялось много местных правителей и династий, основанных еще до монголов, нашлась власть, которая установила строго определенную норму содержания золота в динарах Бухары, Самарканда, Герата, Отрара, Ходжента и Алмалыка.

Монгольские царевицы — кочевые аристократы — интересовались оседлыми землями только как объектом грабежа и источником дани. Однажды Чингизхан спросил у одного своего найона, какое самое большое удовольствие в жизни. «Отправиться на охоту в хороший весенний день на хорошем коне с ястребом или соколом на руке и смотреть, как он бьет свою добычу», — был ответ. Чингизхан повторил вопрос другим найонам. Те ответили примерно так же. Ни у кого ни на что другое фантазии не хватило. Тогда Чингизхан сказал: «Величайшее наслаждение человека в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собой, отнять у них все, чем они владеют, видеть лица дорогих им людей в слезах, ездить на их лошадях, сжимать в объятиях их дочерей и жен».

И монголы старательно выполняли программу своего вождя. Но, когда прошел угар кровавых войн, монгольская аристократия увидела, что так дальше продолжаться не может.

Менгу и поддерживавшая его группа монгольской знати руководствовались сознанием того факта, что если не оградить оседлые земли от грабежей и произвола кочевых монгольских орд, то все это огромное достояние дома Чингизхана в скором времени будет уничтожено, земли будут превращены в пустыни, торговля замрет, города будут покинуты. Выдающийся политик, Менгу ясно видел, что нужно от грабежей и набегов перейти к систематической эксплуатации занятых земель в хорошо организованном государстве.

Проводником его политики в Средней Азии было купечество, тесно связанное с Каракорумом. Таким всемогущим правителем в Средней Азии был купец-откупщик Махмуд Яловач и его сын Масуд-Бек. Именно их властью, простиравшейся на все города Средней Азии, на все оседлые оазисы, и была установлена строго определенная и долгое время неизменная норма золота в динарах. Это способствовало устойчивости денег, приводи-

ло к нивелировке и упорядочению денежного обращения. Динары, бывшие средством обращения в сфере крупной междугородной караванной торговли, благодаря этому стали авторитетными деньгами с устойчивым курсом.

В Иране всеми делами городов и оседлых оазисов распоряжались присланные из Монголии баскаки, среди которых был главный баскак Аргун. Эти же каракорумские баскаки с преданными им вооруженными отрядами хозяйничали и в русских землях, наблюдали за деятельностью князей, собирали налоги и отправляли их в имперскую столицу, и только часть этой дани доставалась золотоордынскому хану. Баскаки и даруги, подчинявшиеся Каракоруму, проводили переписи населения, следили за денежным делом и состоянием торговых путей, сбором и распространением налогов.

Кочевые степи были отданы в уделы, стали улусами монгольских царевичей. Они непосредственно распоряжались всей жизнью в этих степях, руководили перекочевками подвластных им племен, собирали с них налоги, использовали их для всякого рода работ в своем кочевом хозяйстве. Оседлые земли и города были в ином положении. Они управлялись чиновниками, присланными из Каракорума — центральной столицы Монгольской империи, — и все доходы с этих земель делились между Каракорумом и царевичами из разных ответвлений дома Чингизхана. Таким образом, тот хан, на территории которого был расположен город или сельскохозяйственный округ, не получал всего дохода, всей дани с этого города или района, а должен был довольствоваться только частью его.

Вот, например, как обстояли дела в Бухаре по сообщению персидского историка Вассафа. Здесь по приказу Кубилая было сосчитано все население. Оказалось, что податью можно обложить 16 тысяч человек. 5 тысяч из них, пишет Вассаф, принадлежали Бату, 3 тысячи — матери Хулагу Куруй, а остальные принадлежали «великому центру» — то есть каракорумскому великому каану. Здесь речь идет явно о долях поступления подушной подати. Эта подать распределяется между Золотой Ордой, Хулагу и Каракорумом в соответствии с числом людей, записанных за теми или иными членами семьи Чингизхана.

Возьмем другой пример. Доходы с Судака — крымского города, который был расположен в землях улуса Джучи, то есть в Золотой Орде, — делились между четырьмя монгольскими царевичами. При этом золотоордынский хан получал только одну четвертую часть доходов этого богатого торгового порта. Оседлые земли стали как бы оазисом в бушующем море кочевых степей, где полновластными хозяевами была монгольская кочевая вольница, все эти ханы, их нуккеры и найоны.

Монгольские царевичи, кочевая аристократия были оттеснены каракорумскими администраторами и чиновниками от управления оседлыми территориями. Это положение в завоеванных областях поддерживал центр империи, Каракорум, и больше всего хлопотал о сохранении такого статуса городов и сельскохозяйственных районов знакомый уже нам великий каан Менгу. Но постепенно это положение меняется. Отдельные монгольские улусы (Джучидов — в Золотой Орде, Хулагидов — в Иране, Джагатаидов — в Средней Азии) становятся полностью независимыми государствами. Это особенно хорошо видно на монетах Золотой Орды. Берке вынужден был перечеканить монеты, выпущенные им с именем Ан-Насира, штемпелем, содержащим имя верховного каана Менгу. Тем самым Берке выразил свою зависимость от Каракорума. После этого монеты чеканились с именем Ариг-Буги, севшего на престол великого каана после смерти Менгу. Но, когда Кубилай перенес столицу в Китай, монгольская империя, созданная Чингизханом, окончательно распалась. Золотоордынские ханы стали чеканить монету от своего имени, а это мог делать только суверенный государь.

В конце XIII в. изменилось и положение каракорумского чиновничества в оседлых землях Золотой Орды. Они почти совершенно прекратили свою деятельность на Руси, предоставив управление местным князьям, а надзор за их действиями целиком взяли сами ханы Золотой Орды. Теперь очень мало средств уходит в Монголию; все оседает в ханской казне.

Нумизматический материал дает нам возможность выяснить, как разваливались города Золотой Орды. Оказывается, что в середине XIII в. главными центрами ремесла и торговли были старые города, развивавшиеся и процветавшие еще до монголов. Самые первые монеты

были в Болгаре. Этот город раньше всего оправился от той катастрофы, которую он пережил во время завоевательных походов татар. Очевидно в 50—60-х годах XIII в. это был главный экономический центр Золотой Орды, и только здесь чеканили серебряные и медные монеты.

В 70-х годах XIV в. начинается чеканка монет в Крыму. В конце 1379 г. стал чеканить монеты Хорезм, и только в 1382 г. была выбита первая монета Сарая.

С начала XIV в. сарайские монеты, чеканившиеся раньше в очень малом числе, вытесняют все другие монеты. Их чеканят в XIV в. огромное количество. На рынках Волжской Болгарии, Крыма, в городах золотоордынской Молдавии и на Северном Кавказе — всюду столичный сарайский чекан заглушил местное денежное производство, вытеснил с рынков местные серебряные монеты. Почему же вначале сарайский чекан был таким слабым, почему сам город Сарай стал крупным центром только в конце XIII в. и уступал в течение почти 50 лет первенство старым городам Крыма, Хорезма и Волжской Болгарии?

Сарай возник на «пустом месте», в степях, где до золотоордынских ханов были очень слабые традиции оседлости, очень мало было поселений. В Нижнем Поволжье когда-то был хазарский город Итиль, но он заглох еще в X в. Другой город, известный нам по письменным источникам, — Саксин — был не столько городом, сколько ханской ставкой, окруженной кочевниками. Настоящей, длительной оседлости, сельскохозяйственного и ремесленного населения в Нижнем Поволжье до монголов не было.

Старые города, где хозяйственная жизнь была только приостановлена монгольскими завоеваниями, быстро возродились и стали первое время главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. Хань, кочевая аристократия мало вмешивались в дела оседлых земель своей державы, предоставляя управление ими каракорумской администрации. Но вскоре сами золотоордынские ханы стали интересоваться городской жизнью, организовывать ремесленные мастерские, вступать в компании крупнейших торговцев, снаряжать торговые караваны.

Став полноправными правителями в своих улусах, отделившись от власти Каракорума и его администрации, золотоордынские ханы с лихорадочной поспешностью строят свои новые города в Нижнем Поволжье, там, где раньше была кочевая степь. Они сгоняют сюда тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгар, и те в быстрые сроки возводят большие города на Ахтубе и в дельте Волги. Столицей Золотой Орды становится Сарай, что значит «дворец».

Но почему же все-таки золотоордынские ханы строят новые города? Не выгоднее ли для них было сохранить мощь старых городов Волжской Болгарии или Крыма и сделать столицей старый город, чем строить на пустом месте новые города?

Во-первых, Нижняя Волга представляла собой удивительно удачное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. А вместе с тем, расположившись здесь, золотоордынские ханы могли держать в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы — Волгу. Здесь перекрещивались торговые пути с севера на юг по Волге, идущие далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, с караванными путями, которые вели из городов Причерноморья и из Азова на восток, через степи Казахстана и пустыни Приаралья.

Во-вторых, для джучидов было живо воспоминание того оскорбительного положения, когда они не могли распоряжаться делами старых городов и были вынуждены довольствоваться только частью налогов с населения всех этих оседлых земель. Даже освободившись от опеки Каракорума, ханы Золотой Орды с досадой вспоминали об этом времени, и старые города казались им поэтому ненадежным местом. Им хотелось построить новые ханские города, где власть не надо было делить ни с какими баскаками или даругами, присланными из каракорумского дворца великого каана, где они были бы спокойны и единовластны в своих действиях. Поэтому-то и строят они эти новые, именно ханские города в степях, где не могло быть и речи о деятельности имперских чиновников.

6.

ГОРОДА

*На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает,
По бритым тем головам,
По синим плешам.*

Из старинной русской песни

*Сарай — родник благополучия,
убежище науки.*

Из арабских летописей

Первая столица золотоордынских ханов

Когда знаменитый арабский путешественник и писатель Ибн-Баттута приехал в 1333 г. в золотоордынскую столицу, ему было 29 лет, но за его спиной было уже восемь лет непрерывных странствий по мусульманскому миру. Он проехал всю Северную Африку, плывал по Нилу, был в славном городе Каире и в Ассуане. Он посетил Палестину, объездил все города Сирии, хорошо изучил Дамаск с его знаменитой мечетью Омейядов, совершил хадж (паломничество) в Мекку и Медину и поклонялся шиитским святыням в Аравии. Через морской порт Басру, в нижнем течении Тигра, он переправился на корабле в Иран, а оттуда опять в Месопотамию. Он жил в Багдаде, в котором не было уже халифа, потом совершил

второй хадж в Мекку, где из-за болезни прожил очень долго, знакомясь с местными учеными и дервишами. Оттуда Ибн-Баттута поплыл в Восточную Африку, побывал в арабских торговых колониях на африканских берегах Индийского океана, посетил Кильву и Софалу, где встречался с чернокожими купцами из Мономотапы, африканской империи, расположенной по течению рек Замбези и Лимпопо. Потом судьба его бросила в Йемен — южную оконечность Аравийского полуострова, потом снова Африка, затем посетил он опять морские города Ирана, Мекку и Египет.

Казалось, этих путешествий хватило бы для одного человека, но Ибн-Баттута был одержим страстью менять места и видеть новые страны. Теперь ему захотелось познакомиться с севером. Он поехал в Сирию, уже хорошо ему знакомую, потом в Малую Азию, а затем, переплыв на корабле Черное море, появился в Крыму. В Каффе он впервые в своей жизни услышал звон колоколов — там было христианское генуэзское торговое население. После странствий по половецким степям он присоединился к каравану, идущему в Константинополь, посетил этот город, где мог наслушаться колокольного звона вдоволь. Потом, решив, что недостаточно хорошо познакомился с Золотой Ордой, Ибн-Баттута поехал в Сарай. И вот, наконец, летом 1333 г. Ибн-Баттута прибыл в столицу Золотой Орды.

После всего того, что видел Ибн-Баттута за эти восемь лет, его трудно было чем-нибудь удивить. Но Сарай все же поразил его. «Город Сарай,— писал он,— один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать размеры его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нем тридцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в

своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены окружают имущество купцов».

Уж если после Дамаска и Багдада, Каира и Константинополя Ибн-Баттута счел возможным назвать Сарай красивейшим и большим городом, то значит этот город действительно был таким.

О Сарае писал не один Ибн-Баттута. Примерно в те же годы была составлена огромная энциклопедия географических, политических и экономических знаний мусульманского мира. Ее составитель — ал-Омари, который в противоположность Ибн-Баттуте очень мало ездил. Он сидел в канцеляриях Каира, где занимал крупный административный пост. Ал-Омари писал по литературным источникам и по рассказам приезжавших из дальних странствий людей. Вот что поведал ему некий «доблестнейший» Шудж ад-дин Абд ар-Рахман, переводчик-хорезмиец, побывавший в Сарае:

«Город Сарай построен Берке-ханом на берегу Итиля. Он лежит на солончаковой земле без всяких стен. Место пребывания там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения. Эта река Итиль, размером в Нил, взятый три раза, и даже больше, по ней плавают большие суда и ездят к русским и славянам. Начало этой реки в земле славян. Он (то есть Сарай. — Г. Ф-Д) город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, места, куда направляются товары. Посередине его находится пруд, вода в котором проведена из этой реки. Вода его употребляется только на работы, а для питья их вода берется из реки; ее черпают для них (жителей) глиняными кувшинами, которые ставятся рядом на телеги, отвозятся в город и там продаются».

Действительно, Сарай в первой трети XIV в. был большим городом с мечетями и дворцами, с людными базарами, торговыми складами, городом, где можно было встретить и заморских купцов, и ученых, где мелькали одежды разных народов, звучали разные языки, где смешивались разные религии.

Что осталось от этого великолепия? Обломки былого в выжженной солнцем и омытой водами земле, плоские

холмы, под которыми лежат руины домов, ямы от водоемов, наполненных когда-то чистой холодной водой, и туманные воспоминания. Таково место этой древней столицы — огромное городище, расположенное у села Селитренного на Ахтубе в Астраханской области.

Еще недавно здесь были руины дворцов и домов. В XVIII в. здесь побывал путешественник Паллас. Он писал: «В ширину на версту или две ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выложенных рвов...», а на холму «...вероятно, главнейшее строение города и, как кажется, большой стеной окруженный замок находился. Там видны еще великие остатки двух зданий, второе... было жилым домом со многими небольшими отделениями. Первое... почитать можно как могилу...» Паллас утверждал, что в его время стояли еще руины зданий со сводами, стены которых были покрыты изразцами. Сейчас ничего этого нет, время сравняло все эти развалины.

По городищу можно ходить целыми днями, и все не надоест. Земля покрыта обломками посуды, изразцами, монетами, сломанными и разбитыми вещами. Попадают и редкие вещи, обломки фаянсовых чаш с золотистой росписью и блестящей глазурью. За свой металлический золотистый блеск такие сосуды были названы люстровыми. Их делали в Иране, и оттуда они попадали на берега Ахтубы. На сосудах изображали сцены из придворного быта и писали персидские стихи. За полчаса на городище можно набрать целое ведро обломков каменных сосудов из мягкого талька. Их делали в Средней Азии, в Хорезме, и привозили сюда на кораблях через Мангышлак и Каспийское море или с караванами, шедшими через плато Устюрт и казахстанские степи.

Раскопки на Селитренном городище были очень небольшими. Его исследовали саратовские археологи в 20-х годах нашего века. Еще раньше сюда приезжал русский археолог А. А. Спицин, но раскопок здесь не производил. Когда Поволжская экспедиция приехала на Селитренное городище, участники экспедиции сразу почувствовали, что местные жители каждый день сталкиваются с древностью. Где-то посреди деревни открыты были фундаменты башни из древнего кирпича. Где-то лошадь провалилась, оказалось, что это древний погреб, выложенный кирпичом. Во дворе одного дома обнаружен погреб,

сделанный в старинном склепе XIV в. Прекрасно сохранился купол свода, в склеп вела кирпичная лестница. Можно было купить золотую монету XIV в., чеканенную за много тысяч километров от этой деревни, в Дели. На ней — имя индийского султана. С караванами купцов, прошедших трудный путь от берегов Инда к Волге, попала эта монета в Сарай, ее бережно хранили — ведь такой динар весом более 12 граммов в те времена был целым состоянием. Но, наконец, какой-то человек его потерял и потом уже, наверно, всю жизнь не мог себе этого простить. Спустя 600 лет школьники играли в песчаном карьере и нашли эту монету.

Один мальчишка сообщил, что может передать экспедиции клад монет. Через полчаса прибежал и в коробке от конфет принес кучу серебряных монет Золотой Орды.

— Где ты их нашел?

— На чердаке.

— На чердаке?!

— Да, вон в том доме.

Пошли в этот дом. Он оказался заброшенным старым ветхим домом, где теперь какие-то колхозные службы. Паренек залез на крышу и показал щель, где он нашел клад монет XIV в. Только потом в Москве, когда клад был разобран, стало понятно, каким образом он попал на чердак. Клад состоял из монет, которые никогда не встречаются вместе в обычных золотоордынских кладах, извлеченных из более подходящего для них места — из земли. Очевидно, владелец дома или его сын были своеобразными нумизматами. На городище часто находят монеты и даже клады монет. Они собирали их, скупали, ссыпали в одну кучу и как ценность прятали на чердаке.

На школьном дворе стоял огромный сосуд XIV в. в половину человеческого роста — для хранения зерна или вина. У каждого в доме есть или обломки изразца, или какие-нибудь древние вещи. Все свидетельствует о древнем городе.

Как писал ал-Омари, Сарай не имел стен. Обычно всякое городище опоясано хоть низеньким валом и рвом. На Селитренном городище нет никаких следов укреплений. Холмы, развалины древних построек тянутся один за другим на много километров. Постепенно они попадают все реже и реже, находок становится все меньше и

меньше, и, наконец, незаметно они исчезают, сходят на нет, остается одна сухая полупустынная степь, где уже своя, иная история, своя древность. Заходящее солнце освещает одинокие могилы казахов, вы вступаете в край, где хозяева — кочевники, где, синее травой, стоят курганы, где, качаясь, идут верблюды, чернеет вдали кочевая юрта и над ней в темном небе трепещет крылом ястреб, и кажется, что если вы обернетесь, то увидите засыпающий древний город, уставший от «разгула и торговли» и поздние лучи заката ударят, звеня, в золотой диск на башне дворца.

Один или два Сарая?

Много очень ценных сведений о городе Сарая можно извлечь из монетного материала. Чеканка монет в Сарая началась довольно поздно, позднее, чем в Болгарах, Крыму и Хорезме. Первые монеты Сарая появились только в начале 80-х годов XIII в.

В 1310 г. при хане Токте была проведена реформа денег. Хан решил заменить обращение местных монет единой монетой столичного чекана. До этого в городах Золотой Орды ходили монеты разные по внешнему виду, по весу, денежное дело было в беспорядке, курс монет непрерывно менялся, вес серебра в монетах все время понижался. Это создавало большие трудности для торговли, монеты делались ненадежным средством обращения. А ведь в это время золотоордынские ханы и часть монгольской аристократии стали понимать, какие выгоды заключает в себе торговля и городское ремесло.

После реформы 1310 г. сарайские монеты, чеканенные в огромном количестве и все по одному весовому стандарту, наводнили рынки в городах Золотой Орды. Болгарские, крымские, азовские монеты перестают чеканиться почти совсем. Роль денег целиком берут на себя эти серебряные сарайские дирхемы. На них выбито место чеканки — Сарай или ал-Махруса, что значит Сарай Богохранимый.

Так продолжалось почти тридцать лет при ханах Токте и Узбеке. Но в 1341 г. на престол Золотой Орды сел хан Джанибек. И в этот же год он стал чеканить монеты, на которых к имени Сарай был прибавлен эпитет ал-Джедид, который означал Новый Сарай.

Что это, новое имя Сарая или это новый город? Одно время русские ориенталисты считали, что это два названия одного города. Но вскоре они решили, что, видимо, Сараев было все-таки два.

В начале 20-х годов нашего века историей городов Золотой Орды занимался казанский профессор Ф. Б. Баллод. В первые годы революции денег на раскопки было очень мало, но все же он сумел собрать некоторые средства в Казани и Саратове и объездил все Поволжье, исследуя старые заброшенные городища Золотой Орды. Раскопки у него были крохотные, фактов не хватало, но выводы Ф. В. Баллод делал очень смелые.

Ф. В. Баллоду вопрос о двух Сараях казался решенным. Он даже назвал свою книгу «Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды». В пользу своего мнения он приводил следующие соображения.

На монетах встречаются имена Сарая и Нового Сарая. Кроме того, некоторые древние арабские писатели, такие, например, как Абул-Фида, сообщают, что имелось на Нижней Волге местечко под именем Иски-Юрт (то есть Старый Юрт), которое, наверное, и было старой, заброшенной столицей Золотой Орды.

Легко обнаружить, что эти аргументы в пользу теории двух Сараев ничего не доказывают. Почему Иски-Юрт должен был быть непременно заброшенной столицей, Старым Сараем? Это могло быть место старой ставки ханского лагеря. Но если даже согласиться с Баллодом о том, что Иски-Юрт и Старый Сарай — это одно и то же место, то тогда появляется хронологическая нелепость, анахронизм. Абул-Фида писал в 50-х годах XIV в., по сообщениям путешественников, побывавших в Сарае еще в более раннее время. Но монеты с именем Новый Сарай стали чеканить только с 1341 г. Вряд ли могло быть так, что столица государства уже была перенесена в Новый Сарай, а монеты чеканили еще в старой заброшенной столице. Вероятнее, что год начала чеканки хотя бы примерно совпадает с перенесением столицы в новый город.

Следовательно, Новый Сарай стал столицей только в 40-х годах XIV в., и до этого никакого места старой столицы, то есть Иски-Юрта, не могло быть.

Но, может, все-таки Сарай был один и лишь менял свое имя, лишь прибавился к его названию эпитет

«новый»? Ведь мы сейчас часто говорим «новая Москва», вовсе не имея в виду, что место города переменялось.

Советский историк А. Ю. Якубовский тоже считал вопрос о двух Сараях решенным. Чтобы окончательно закрепить это положение, он предложил называть Старый Сарай — первую столицу Золотой Орды — именем Сарай-Бату, поскольку есть сведения, что его построил Бату, а вторую столицу — Сарай-Берке. Так эти города названы в некоторых персидских источниках XV в. Это всем показалось удобным, и с тех пор эти города стали называть Сарай-Берке и Сарай-Бату.

Другой историк, А. Н. Насонов, обратил внимание на то, что имя Берке присваивали в XV в. не только Сараю, но и всему государству (земля Берке, улус Берке). Могли и город Сарай назвать город Берке, Сарай-Берке, подчеркивая лишь то, что память Берке, основателя мусульманской государственности в Золотой Орде, — священна. Одновременно существовала старая традиция приписывать всему имя Бату — улус Бату, город Бату и, следовательно, Сарай-Бату. Значит, писал Насонов, одновременное упоминание этих двух имен, Сарая-Бату и Сарая-Берке, не говорит еще о действительном существовании двух таких городов. Во всяком случае эти имена не были названиями столиц XIV в. Добавления имен ханов в них сделали авторы XV в., писавшие тогда, когда самхто Сараев уже не было. Древние писатели были компиляторами. Одни сведения брали у одного автора, другие у другого, третьи записывали со слов очевидцев или пересказывали легенды. Все это смешивалось в одну кучу, никак не разделялось, никакими указаниями на источник не снабжалось. Историкам приходится долго распутывать этот клубок часто противоречивых записей и сведений, чтобы понять, откуда что берет древний писатель, чему можно верить, а что является пересказом старой лживой версии. И вот одновременное упоминание Сарая-Бату и Сарая-Берке А. Н. Насонов объяснил заимствованиями из разных текстов и преданий, используемых авторами XV в.

Еще один аргумент в пользу теории о двух Сараях оказался битым. Но есть еще другие факты и свидетельства, которые говорят о существовании двух Сараев.

Арабский писатель XIV в. Араб-Шах писал, что Сарай построен за 63 года до своего разрушения. А погиб

Сарай в 1395 г., во время похода среднеазиатского завоевателя Тимура в степи Восточной Европы. Следовательно, он был построен в 1332 г.

Вряд ли Ибн-Баттута посетил в 1333 г. именно этот, только что построенный Сарай. Не мог о нем писать как о большом городе и ал-Омари, чьи сведения восходят к более раннему времени.

Следовательно, если верить Араб-Шаху, то еще до постройки Сарая был другой Сарай. Значит, было два города с этим именем. Перенос столицы и начало чеканки в Новом Сараяе произошло через девять лет после того, как Новый Сарай был построен. Это вполне вероятно. Очевидно, перенести столицу задумал еще Узбек и с этой целью построил город. Но что-то ему помешало осуществить замысел. Переехал в новую столицу его сын Джанибек.

Другое свидетельство в пользу существования двух Сараев заключено в итальянских картах. На них среди сложной и непривычной для современного человека сети линий и координат можно найти Волгу, и в нижнем ее течении обозначено два города. На итальянской карте XV в., так называемой карте Фра Мауро, помечено два города — Sary (Сарай) и Sary Grando (Великий Сарай). Нарисованные на карте башенки должны были означать эти города.

Если положить карту Фра Мауро рядом с современной картой и на современной карте нанести место Селитренного городища, то оно совпадает с местом Сарая. Где же тогда Сарай Великий? Его нужно искать выше по Ахтубе, где-то ближе к современному Волгограду. И вот, оказывается, уже более 200 лет русской науке известны в этом районе грандиозные развалины, которые могут быть руинами Нового Сарая — Sary Grando, — так же как Селитренное городище — Старым Сараем. Эти развалины, расположенные у городка Царева, в науке известны под названием Царевского городища. Таким образом, если принять теорию о двух Сараях, Селитренное и Царевское городища вполне достойны по своей величине и богатству находками быть развалинами золотоордынских столиц.

Царевскими развалинами заинтересовались прежде всего местные волжские краеведы. В 1837 г. саратовский любитель древностей Леопольдов напечатал в журнале

Министерства внутренних дел статью под названием «Ахтубинские развалины». Он писал о Царевском городище и о прилегавших к нему развалинах: «Тут недалеко от Пришиба при Ерике, называемом Тутовым..., был квадратный, о 20 саженьях с каждой стороны, каменный дом с пристройками. Положение его прелестно: с юга и запада видны Ерик и озеро, обширные луга и вдали темный лес, с севера — другой Ерик, из которого вода проведена была в сад... По углам и вблизи вырыты были глубокие водоемы, наполнявшиеся водой из канавы. По всему видно, что здесь находился род загородного увеселительного дворца. В полуверсте отсюда лежат другие развалины... можно узнать дом, постройки, сад, канавы, водоемы... Развалины по реке Кальгута сплошны и обширны».

В 40-х годах XIX в. два художника братья Чернецовы плыли вниз по Волге и рисовали панораму ее берегов. Получилась коллекция листов с ландшафтами, такая, что если вытянуть в одну линию, то образуется 100-метровая полоса. Попутно Чернецовы интересовались древностями. На полях своих альбомов они рисовали иногда древние монеты, которые им показывали местные жители. Главным образом, это были монеты Золотой Орды.

Вот как описывают они свое посещение развалин Сарая:

«27 октября. Рано утром, переправясь на пароме через Волгу, сели в тележку. Ямщик гаркнул, и тройка понесла нас к остаткам столицы исчезнувшего царства Батыева. Мы ехали займищем Волги, которое весной покрывается водой. Переехав многие рукава и миновав несколько озер, переправившись вброд через Ахтубу у села Верхне-Ахтубинского, где переменили лошадей, и только что выехали, увидели в поле курган и местами разбросанный щебень, означавший следы бывших строений. Ямщик, как бы увидав цель нашей поездки, сказал: «Это мамыские груды», — и, ударив по лошади, залился разудалую песнею.

На другой день отправились смотреть следы древнего города, состоящего во множестве курганов, разбросанных на большом пространстве. Ни один из курганов не имеет ничего целого. Это просто груды, поросшие полынью. Изредка кое-где выказываются частицы стен, и то в малом виде. Из множества курганов, находящихся в

стороне Волги, один замечателен по своей величине. Он находится близ Сахарного озера. Кругом его видны следы строений, и величина этого кургана заставляет думать — не остаток ли это ханского дворца. Местами приметны еще водопроводные каналы, которые имеют направление к Сахарному озеру, а многие ямы суть, как видно, остатки прудов, наполнявшихся водою посредством сих каналов.

Пространство, где находятся остатки великого татарского города, с северной стороны опоясано возвышением, идущим от самой Волги и примыкающим к левому берегу Ахтубы. Оно есть рубеж, от которого начинаются необозримые степи, где нет ни деревца, ни кустарника. Одна горькая полынь колыхается в этой пустыне».

Золотая корона Джанибека

В начале XIX в., близ города Царева, среди развалин Нового Сарая, была сделана замечательная находка, о которой стало известно как о «короне Джанибека». Еще Леопольдов писал, что местные царевские жители нашли золотую корону весом в полфунта, которую продали за 25 рублей. Затем следы этой таинственной короны находим в переписке русского ориенталиста академика Френа, занимавшегося монетами Золотой Орды и интересовавшегося очень живо восточными древностями. Оказывается, она в 1840 г. попала в руки серептского священника, пастора Цвика, и была им вывезена в Германию. Там ее приняли за корону Джанибека, и под этим названием она и стала известна всему миру. Но ни описания ее, ни изображения не было опубликовано, и никто теперь не знает, что это за корона. Она была помещена в музей в городе Иене и там хранилась долгое время.

В 1959 г. в Институт археологии АН СССР пришло письмо из ГДР от господина Капеллера. Это последнее известие о короне Джанибека, и, к сожалению, грустное. В письме после обычных приветствий говорилось:

«Более ста лет назад в Восточном мюнц-кабинете Университета Иены, где мой отец был около 50 лет профессором и где я родился, находилось золотое украшение, известное под именем «короны Джанибека», которое было приобретено профессором Штиккелем. Но сейчас оно

давно исчезло. Штиккель купил все собрание у некоего старшины, пастора Цвика, который долгое время жил в Сарепте. О Штиккеле как иенском нумизмате и его деятельности я хочу написать исследование, и потому известия о «короне» играют для меня некоторую роль. При розысках позднейших известий о судьбе «короны» я нашел у Баллода маленькое сообщение без сноски на литературу, где он пишет: «Когда немецкие крестьяне на Волге перевезли корону в Иену, она нашла там должное к себе внимание».

Далее мне известно только то, что Алексей Орешников (крупнейший русский нумизмат.— Г. Ф.-Д.) запрашивал Иену в 1896 г. об этой находке, вскоре после смерти Штиккеля, который умер как Нестор иенской профессуры в 1896 г. В мае 1896 г. Московское археологическое общество, во главе которого стояла графиня Уварова, также запрашивало Иену, о чем в изданиях этого общества что-то было написано.

Зимой 1900—1901 гг. еще раз А. Спицын запрашивал Иену, и так же, как раньше в Москву, было послано изображение короны.

Больше я ничего не мог узнать об этом предмете, который, несомненно, происходит из Нового Сарая, как и пишет Баллод в своих книгах о Сараях».

Далее автор письма просил сообщить ему что-нибудь о судьбе «короны Джанибека» или ее изображений.

Этот замечательный предмет был потерян, и никаких изображений его в Иене не сохранилось. Не удалось найти и тех фотографий, которые были пересланы Спицыну и Орешникову.

«Корона Джанибека» была потеряна, она пропала для науки. Но ей суждено было сыграть в истории науки другую роль. Находка такого замечательного предмета и вывоз его за границу привлекли внимание русского просвещенного общества. Саратовский губернатор обратился к министру внутренних дел с просьбой организовать изучение развалин Сарая. Был снят план развалин. Наконец, в 1843 г. в уездный городок Царев приехал титулярный советник А. В. Терещенко, которому министр внутренних дел поручил раскопки Нового Сарая.

Раскопки Нового Сарая. Наука и кладоискательство

«От чиновника, к которому поручено будет наблюдение за разрытием означенных курганов и валов, не требуется никаких особых познаний, а только верное собирание и доставление всех необходимых вещей, о исследовании же оных в ученом отношении сделано будет особое распоряжение впоследствии», — так писал министр внутренних дел Л. А. Перовский в циркуляре по поводу организации раскопок в Сарая.

Но присланный для производства этих работ А. В. Терещенко был не только чиновником, пригодным для «собирания вещей». Он был ученым. И если учесть, что археологии как науки тогда не существовало вовсе, то исследования А. В. Терещенко можно назвать в числе первых археологических раскопок в нашей стране.

Терещенко окончил Харьковский университет, работал в Румянцевском музее в Москве над древними монетами и рукописями, бывал во Франции, Германии и Италии, написал несколько этнографических исследований. Это был высококультурный человек с широкими научными взглядами. Терещенко перед раскопками познакомился с местными любителями старины, расспросил в Саратове Леопольдова (который дал описание развалин Сарая), изучил план, снятый еще раньше подполковником Тетеревниковым по поручению саратовского губернатора. Приехав в Царев, Терещенко тщательно сличил этот план с местностью и нашел, что Леопольдов и Тетеревников очень сильно увлекались, когда снимали этот план. «Господин Тетеревников представил курганы, насыпи и каналы в таком виде, как будто бы доньше существует Золотая Орда. У него курганы, насыпи и каналы суть правильные здания, обведенные или каменными стенами, или остатками стен, коих вовсе нет нигде, исключая одного, находящегося в городе, каменного кургана, который имеет следы стен, и то едва заметных по внимательном наблюдении... Ни зданий, ни строений нет, а только простые курганы и насыпи, кои даже не везде обнаруживают самый кирпич, не говоря уже, чтобы повсюду были стены».

Терещенко решил сделать новый план развалин Сарая. Он не допускал никаких предположений и гаданий.

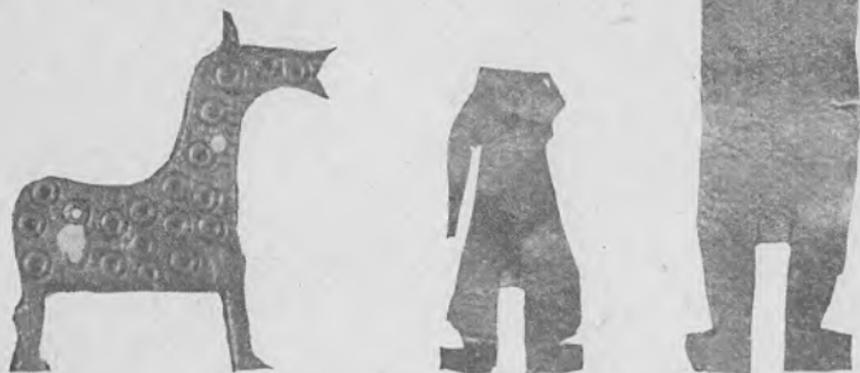
Топографы наносили по его указанию на план только то, что было видно, что действительно осталось от древних зданий. Этот второй план древних руин был опубликован вскоре в журнале Министерства внутренних дел.

Начало было очень хорошее. Терещенко подошел к своей задаче как ученый. Он понял, что следует фиксировать все, что открывается глазам исследователя, и как можно меньше выдумывать.

Хотя методика раскопок была очень примитивна — ведь научной археологии тогда не существовало, — Терещенко все же описывал все развалины, которые появлялись под лопатами его рабочих, наносил места раскопок на план, делал рисунки и чертежи.

Но Терещенко не выдержал свой стиль работы до конца. Власти требовали от него сенсаций, пренебрежительно отнеслись к его попыткам научного изучения развалин золотоордынской столицы. В следующем году он нанял слишком много рабочих. Они копали все подряд, торопились и успевали только вынимать из земли древние предметы. Терещенко еще пытался как-то описывать открываемые сооружения, но в последующие годы почти совсем прекратил это. Вещи сваливали в одну кучу и в таком виде переправляли в Петербург, снабжая их лишь краткой описью. Дневники становились все более и более скудными, рисунки и чертежи — все более и более редкими. Масштаб работ Терещенко из года в год расширялся, а методика его работ все ухудшалась. Начав свое исследование как ученый, Терещенко кончил его как кладоискатель. Только красивые вещи или дорогие предметы интересовали его в последние годы деятельности в Цареве, а работал он здесь девять лет, с 1843 по 1851 г.

Был добыт огромный научный материал. Вещи сыпались как из рога изобилия. Каждая лопата выкидывала какие-нибудь обломки или остатки старины. «На четырехугольном пространстве, — писал Терещенко, — имеющем окружность двести десять сажен и усаженном мелким кирпичом в ширину на пятнадцать с половиной сажен, находили во множестве: битую цветную и стеклянную посуду, чаши, чернильницы, куски кож, кожу, скроенную для сапог и башмаков, холст, шелковую материю; одежду — все это перегоревшее; ножи, ятаганы, шпажные клинки, топоры, заступы, сковороды, тазы, употребляемые при обрядном омовении, кочерги, трут,

Замочек в виде лошади, идольчики в виде человечков.
Из Нового Сарая

огнива, ножички, чугунные котлы, медные чаши, медные кубки, медные подсвечники, костяные прутики, употребляемые при вязании, обломки от ножниц, мониста, пережженную бумагу, ножички, березовую кору, перегоревшие циновки, плетенные из травы «куга», гвозди, крючья, петли дверные, замки вставные и висячие, куски перегоревшего печеного хлеба, рожь, пшеницу, орехи грецкие и обыкновенные, лесные, чернильные орешки, желуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздику, перец, бобы, сарацинское пшено и частью кофе. В трех каменных подвалах на этом месте лежали кучей: куски кристалла, краски — синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая; кольцо от хомутов и уздечки, удила, цепи, железные подковы, железные втулки от колес, смола, листы меди, оселки, точильные бруски, грифельные дощечки, камни для растирания красок, глиняные кегли, шары, медная проволока, мотыги, сера, квасцы, селитра, просо. По разнородности найденных на одном месте предметов можно полагать, что тут был базар, внутри которого могло находиться каменное складочное место для товаров, какое бывает почти во всяком азиатском городе».

В других местах Терещенко и его землекопы натыкались на остатки богатых зданий. Из-под лопат летели бронзовые зеркала, серебряные украшения, поливные

изразцы, мозаики и глазурованные фаянсовые чаши, бронзовые обивки дверей, медные сосудики и бляхи, резные вещи из кости, золотые бляшки, бусы, куски резной штукатурки, бронзовые светильники, пряжки, мраморные подсвечники с арабскими буквами...

В иные дни Терещенко попадал на такие места, которые в древности были заняты ремесленными мастерскими. Так, например, как-то он обнаружил под землей огромный горн с семьюдесятью отдушинами, посредине горна стояла обвалившаяся печь. Около печи нашли несколько светильников, кувшинов, котлов и множество слитков железа, меди, плавильных чашек и форм. Кроме большого горна, здесь же стояли еще шесть горнов. В них были найдены слитки металла, куски разбитых формочек и тигли.

Из года в год, в течение девяти лет, вынимали из земли рабочие, которых нанял Терещенко, весь этот «мусор истории», следы жизни большого древнего города. Часть вещей отправляли в столицу, остальные складывали в сарае в Цареве. Местные власти, которым передал Терещенко эти коллекции, все перепутали и перемешали. В 1849 г. царевский городничий доносил, что он осмотрел древности, вырытые надворным советником Терещенко близ Царева, «из которых нашел кирпич как цельный, так и в половинках и мелких кусках, сложенным близ царевского инвалидного цейхгауза в две неправильные, притом рассыпавшиеся кучи и перемешанным до того, что определить точного его количества ни по кубическому исчислению, ни подсчету без особых расходов невозможно; а древние вещи — сложенными в других местах, также в кучах, смешанных в беспорядке, без различия вырытых в одном году от других, целых от поврежденных и разбитых и крупных от самых мельчайших».

Наиболее интересные вещи были отправлены в Петербург в Министерство внутренних дел. Министерство передало все эти коллекции в 30 ящиках в Археологическую комиссию. Оттуда они попали в Эрмитаж, где и хранятся до сих пор. Это — беспорядочное собрание немых вещей, и никто не может сказать, из какого здания и в каком году извлечена та или иная находка. К ним имеется опись — простое перечисление вещей: тазы, кувшины, енды, чашки, чарки, тарелки, сковороды, ложки, подсвечники, ступки с пестами, весы с разновесками, замоч-

Поливная чаша хорезмийского типа из Нового Сарая

ки в виде коньков, наперстки, ухвертки, иглы, зеркала, обломки крестов, серебряные и бронзовые серьги, перстни, пуговицы, пряжки, бляшки и т. д. Не было недостатка здесь в глиняных вещах: кувшины, стаканы, чаши и чашки, чернильницы, подсвечники, тигли, свистульки. А вот список вещей из камня: формы для литья, мраморные доски с надписью, мраморная разбитая колонка с надписью, алебастровая разбитая доска с арабской надписью, обломки алебастровых орнаментов, множество мозаик со стен в больших и малых кусках...

Из всего этого обилия древностей чиновники решили оставить только уникальные предметы. Все второстепенные малоценные вещи, а также предметы, бывшие в нескольких экземплярах, председатель Археологической комиссии граф Строганов предложил уничтожить. Так погибла большая часть материалов из раскопок Терещенко. А вскоре оказалось, что и дневники Терещенко куда-то исчезли. Потерялись его рисунки и чертежи. Исчез в старых архивах план, на который наносил Терещенко места своих раскопок. Таким образом, когда все материалы по раскопкам Нового Сарая были сосредоточены в ленинградском отделении Института археологии, оказалось, что осталось только два толстых тома, содержащих переписку Терещенко с министерскими чиновниками, его краткие отчеты и реестры посылаемых в Петербург вещей, определения монет, сделанные Френом и некоторыми другими ориенталистами, а также их

чтения некоторых арабских надписей из развалин этого города. Да еще хранилась в Эрмитаже коллекция замечательных вещей, лишенных, как говорят археологи и музейные работники, паспортов, то есть указаний, где и когда эти вещи были найдены на городище.

Не лучше обстояло дело с нумизматической коллекцией. Терещенко присылал очень много монет из своих раскопок. Ни один археологический памятник СССР не дал столько монет, сколько Царевское городище. Вот данные о количестве найденных монет, взятые из писем и отчетов Терещенко:

В 1843 г.	1373 монеты	В 1848 г.	2315 монет
В 1847 г.	2455 монет	В 1849 г.	2636 »

Это только за четыре года из девяти лет раскопок! И все это огромное нумизматическое богатство, которое могло бы дать полную картину экономики города, историю его торговли, чиновниками из Министерства внутренних дел и Археологической комиссией было роздано по провинциальным музеям и университетам без всякого определения. Там их смешали с другими монетами, и материал окончательно погиб для науки. Определить, какие монеты были найдены на Новом Сарае, стало невозможно.

Раскопки Терещенко возбудили интерес русской общественности к истории Золотой Орды. Его отчеты и корреспонденции печатались в журналах и газетах и с интересом читались русской публикой. Журналы Министерства просвещения и Министерства внутренних дел, «Северная пчела», «Москвитянин», петербургские, московские, саратовские, казанские ведомости — все спешили напечатать что-нибудь о Терещенко и его раскопках. О нем узнали и за границей.

После Терещенко к раскопкам Сарая не приступали более 80 лет. Крестьяне окрестных деревень и жители маленького уездного города Царева усердно копали на городище, добывая кирпич и продавая его в Астрахань и Царицын. Кладоискатели рыли ямы в поисках золотых вещей. Но единственная форма жизни, возможная для руин древнего города, — археологические раскопки — отсутствовала.

Только в начале 20-х годов снова воскресла научная жизнь на Царевском городище. Но ненадолго. Профес-

сор Баллод, о котором мы уже писали, провел здесь несколько недель и кое-где провел небольшие раскопки. Ничего нового для понимания древнего города эти раскопки не дали.

Письмо из Иены напомнило о «короне Джанибека» — замечательной находке, которая побудила более ста лет назад начать археологические раскопки Нового Сарая. Оно пришло в Институт археологии в 1959 г. По странному стечению обстоятельств именно в этом году начался новый тур археологического изучения этого города. В экспедиции приняли участие Московский университет и Институт археологии, Волгоградское управление культуры и Казанский университет. На раскопки приезжали студенты-историки из Волгоградского пединститута и Мордовского университета, из Азова и Ростова. С 1959 г. ежегодно до сего времени по два месяца большой коллектив молодежи работает на старой выжженной земле, где была когда-то столица огромной империи золотоордынских ханов.

Простые люди золотоордынского города

В свое время Карпини писал: «Когда монголы уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов».

Одним из самых типичных представителей простых жителей Нового Сарая был превращенный в раба ремесленник, вывезенный из разграбленного монголами города. В его памяти еще свежи были гибель родного города, смерть близких. Он помнил, как годами вместе с толпой пленных перегоняли его монголы с места на место. Он

должен был идти за их отрядами, выполнять самые черные работы для армии, первым переходить реку в самом опасном месте, чтобы проверить брод, или первым завязнуть в неразведанном болоте. Он все это помнил, хотя прошли десятилетия монгольского плена и рабства. Жизнь ему пощадили потому, что он был отличным мастером, и вот в новой жизни, жизни раба, он был обречен целые дни без отдыха работать на своего порабитителя — монгольского найона — или, быть может, на самого золотоордынского хана.

Таких рабов-ремесленников из Средней Азии и Закавказья, Ирана и Крыма, Руси и Волжской Болгарии было в золотоордынском городе множество. Именно они построили в быстрый срок в степях эти города, повинувшись указам монгольских властей. Ремесленники, вывезенные из Средней Азии, покрыли дворцы и мечети изразцами и резной алебастровой штукатуркой, они же делали глазурованную посуду, так похожую на посуду Хорезма. Среди рабов встречались мастера бронзолитейщики и кузнецы, ткачи и каменщики. Из Хорезма были привезены в Сарай монетки, и они наладили здесь выпуск дирхемов по образцу хорезмских денег.

Монголы ничего не умели и ничего не знали. Всему их научили и все для них построили эти безвестные мастера-рабы. Они определили лицо новых городов, характер золотоордынской культуры, и поскольку их свезли отовсюду, то и культура эта получилась смешанной, образовалась как сплав отдельных элементов, заимствованных в культуре Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма, Волжской Болгарии и других оседлых высокоразвитых стран.

Ремесленники-рабы работали в больших мастерских, принадлежавших монгольской аристократии. В Иране такие мастерские назывались кархана, то есть помещение для работы. Целый день надрывались в кархана рабы какого-нибудь сарайского богача-вельможи, а на ночь их загоняли в большие землянки. Хорошо если в такой землянке была печь и нары. Иногда даже зимой эти камеры для рабов не отапливались — печей там вообще не было. Рабам давали на ночь жаровню с углями — вот и все тепло на 20—30 человек, запертых в земляной яме на долгую зимнюю ночь. Чтобы рабы не сделали подкопа, часто стены землянки обкладывали кирпичом, а у входа рабов сторожила вооруженная охрана.

Питание раба было очень скудным — только хлеб и небольшая порция мяса трижды в неделю, вот и вся его еда, пишет Карпини. Их бьют за малейшееслушание, как ослов, рассказывает этот путешественник. Они плохо одеты. Иногда вся одежда их состоит из меховых штанов и в самый сильный зной, и в зимние морозы. Часто рабы умирали от стужи или обмораживали себе руки так, что теряли пальцы.

Но и у этого отверженного были свои надежды. Феодальная эпоха брала свое. Рабство, расцветшее во время монгольских завоеваний XIII в., все же в XIV в. было анахронизмом. Сама жизнь, сама экономика заставляла монгольских аристократов и ханов отпускать часть рабов на волю, превращать их в зависимых горожан, обязанных платить систематические налоги и подати своему хозяину. Десятилетиями тайно копя деньги, случайно попавшие ему в руки, хороший мастер, да еще при покладистом хозяине, мог в конце концов выкупить себе хотя бы частицу свободы. Ювелиры, мозаичисты, золотых дел мастера могли заработать больше, будучи самостоятельными ремесленниками. Хозяину выгоднее было отпускать их, обложив большим оброком. Но некоторые рабы, рассказывал Плано Карпини, имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают. У них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе хоть что-нибудь.

Значит, часть рабов постепенно превращалась в зависимых отпущенников, жила своей семьей и своим хозяйством. Они могли кое-что скопить для себя. У них была хоть какая-то заинтересованность в труде, они становились зависимой от социальных верхов городской чернью.

Во время раскопок на Новом Сарае мы исследовали богатые здания, украшенные изразцами. Среди развалин встречались золотые вещи, серебряные украшения с бирюзой, прекрасная посуда. И вот рядом с домами какого-то аристократа находят большие землянки — вероятно, казармы для его рабов. А чуть подальше — маленькие землянки. Вряд ли это были жилища обыкновенных рядовых граждан. Те предпочитали селиться в наземных домах. Это, наверное, были жилища вчерашних рабов, которым разрешено было жить своим хозяйством. Хозяин не отпускал их далеко от себя. Они жили под постоянным присмотром. Среди таких землянок, возможно, были

дома-стражи — наземные дома из кирпича с укрепленными башенками.

Землянка была как бы признаком рабского состояния, и люди, высвободившиеся от гнета непосредственной зависимости от хозяина, старались перебраться из землянки в наземный дом. Кирпичные дома были привилегией социальных верхов. Черные люди, бедняки, строили обычно деревянные дома, но обязательно наземные.

На одном раскопе мы обнаружили несколько землянок. Они относились к самому началу жизни на городище, наверное, к тому периоду, когда было согнано множество рабов и они строили новую ханскую столицу. Прошло некоторое время, и эти рабы стали превращаться в городскую бедноту. На месте землянок возникли дома с деревянными стенами, лишь частично углубленные в землю. В одном таком доме была большая печь и специальная печь для лепешек — «тандыр». В тандыре разводили огонь, а когда стенки печи раскалялись, угли вынимали, а на стенки налепляли тесто. Получались лепешки.

Этот дом был огражден забором и имел свой хозяйственный двор с ямами для зерна и для сушеной рыбы, небольшой навес во дворе, открытые очаги и т. д. Если раньше весь район представлял, наверное, беспорядочно разбросанные землянки подневольных строителей, то теперь район города организуется в кварталы, между кварталами проходят улицы.

Но хозяина усадьбы раздражало то, что его дом, в общем-то удобный и вместительный, имеет одну особенность, которая напоминает о его недавнем рабском прошлом. Он был углублен в землю и по сути дела был полуземлянкой. И вот семья строит на месте этой полуземлянки, засыпав ее предварительно землей, новый, наземный дом из бревен с кирпичным полом.

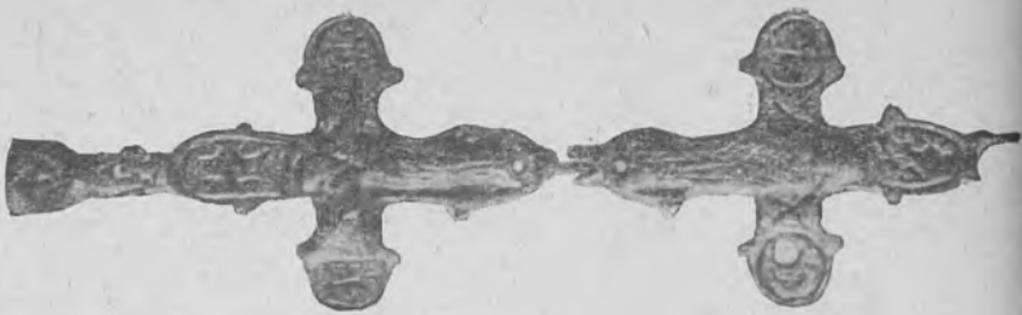
Некоторые отпущенники становились зажиточными людьми, часто с определенным весом при дворе хана или в усадьбе аристократа.

Рубрук познакомился в Монголии с некоей Пакеттой, француженкой из Меца, взятой в плен монголами в Венгрии. Этой женщине, сохранившей еще галльскую живость, довелось перенести страшные мучения и унижения. Но в конце концов ее жизнь устроилась, она вышла замуж за русского, у нее было три красивых мальчика, и сама она занимала теперь видное место при дворе знат-

Изразец из Нового Сарая

ной монгольской принцессы. Ее муж, также, несомненно, когда-то раб, захваченный войсками Бату на Руси, был строителем и неплохо зарабатывал. В Каракоруме Рубрук нашел парижанина Вильгельма Буше — золотых дел мастера. Он, наверное, тоже был как раб доставлен в монгольскую столицу, но сумел выделиться здесь своим умением, хитростью и ловкостью. Менгу-каан дал ему три тысячи марок и пятьдесят работников для выполнения какой-то очень сложной ювелирной работы. Но это

Крест-энколпион из Нового Сарая

были счастливики. Большинство же оставалось рабами до конца своих дней, и только их дети могли надеяться на какое-то, хотя бы частичное, освобождение.

Монгольское завоевание — это одно из самых тяжелых исторических воспоминаний русских людей. И не только пожары, и грабежи, не только угодничество князей перед новой властью, не только гибель сотен и тысяч людей и десятков городов составляют горечь этой эпохи. Русские люди в эти годы были разбросаны по всему огромному материку, тосковали в проклятой татарской неволе и на берегах Волги в половецких степях, и на берегах Онона и Керулена в далекой Монголии.

Когда русские князья приезжали в Орду или Сарай на поклон к золотоордынскому хану, выпрашивать ярлык на княжение, или с доносом на своего соседа, или улаживать какую-нибудь династическую распрю, они находили в золотоордынской столице много соотечественников. Целые кварталы, возможно, были заселены русскими. Об этом писал Ибн-Баттута. Известно, что в Сарае был православный епископ. Во время археологических раскопок Терещенко нашел много нательных крестов и иконок; их носили православные, сохранившие свою веру в мусульманском городе. Это были не только русские, но и византийцы, херсонесцы, грузины. Но больше всего среди них было, наверное, русских. На маленьком золотоордынском городище близ районного центра Волгоградской области города Дубовки археологическая экспедиция обнаружила целый район, культурный слой которого содержал очень много типично русской средневековой керамики. Немного такой керамики можно найти и среди черепков в самом Новом Сарае.

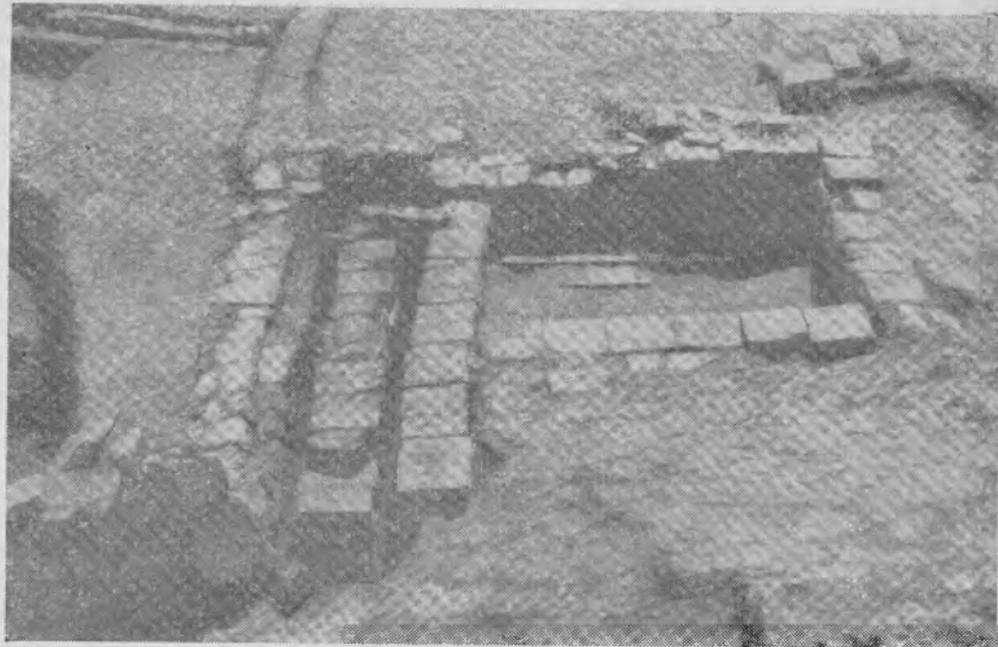
Особенно много ремесленников было пригнано в золотоордынскую столицу из Средней Азии. В городе были целые кварталы гончаров и мастеров, делавших изразцы для украшения зданий. Некоторые гончары делали посуду из белого фаянса, покрывали ее поливой и расписывали. Такие чаши невозможно отличить от пиал, изготовленных в Хорезме. Очевидно, что хорезмийские мастера, вывезенные в Сарай, организовали здесь производство привычной для них глазурованной посуды.

При раскопках была обнаружена мастерская какого-то мастера, изготовлявшего изразцы, очень похожие на среднеазиатские. Можно думать, что хозяин этой мастерской был выходцем из Средней Азии. Но он был уже не раб. Он жил своим домом, своим хозяйством, был представителем городского плебса — полусвободной бедняцкой массы горожан, обложенных многочисленными подастями и повинностями.

Прежде чем приступить к своей работе, этот мастер должен был приготовить тот материал, из которого будет вылеплен сам изразец. А материал этот был довольно дефицитен. Его готовили из смеси песка, извести и белых глин. При обжиге изразец приобретал белый цвет и на нем очень хорошо лежала и смотрелась прозрачная цветная полива. Мастер договаривался с какой-нибудь стройкой, очевидно, той, куда поставлял свой товар, и ему свозили за гроши негодные обломки изразцов. Он дробил их на камнях, молот на жерновах и получал тошкпромолотую муку, в которую добавлял специально замешанную глину, из этой массы можно было делать фаянсовые изразцы. Потом ему нужно было вылепить сами кирпичики и полить одну сторону их жидкой глазурью. Глазурь изготавливали из специальных материалов — стеклообразующих компонентов (силикатного песка и т. п.); к ним добавляли краску. Все тщательно размельчали и замешивали на воде. Этой сметанообразной

Фигурка животного из мастерской изразцов

Дымоходы-каны

массой и покрывали одну сторону изразца. Затем нужно было изделие просушить. Потом наступал самый ответственный момент — обжиг. При обжиге все можно было испортить: немного перекалить горн, и вся работа пойдет насмарку, чуть-чуть неаккуратно разложить изразцы, и они слипнутся. Нужно было очень умело расположить приготовленные изразцовые плитки на специальных полочках и штырях, которые торчали внутри горна, проложить изразцы глиняными прокладками, укрепить их, чтобы они от высокой температуры не сдвинулись и вся эта конструкция не развалилась. Потом начинали обжиг. При помощи самых примитивных приемов, закрывая или открывая топку, подбрасывая топливо и увеличивая или уменьшая тягу, мастер должен был получить без термометра и знаний физики точно такой температурный режим, какой нужно, чтобы глина не потрескалась, полива расплавилась и получилась жидкая масса нужной текучести, чтобы красители соединились бы со стеклом, не побурев и не поблекнув.

Наш мастер был специалистом по двум видам продукции: он делал кирпичики, одна сторона которых была покрыта голубой, синей, белой или желтой поливой. Этими

кирпичам выкладывали узоры на стенах. Но, кроме того, он делал большие плиты, покрытые с одной стороны красочным слоем глазури. Из них уже другой мастер резал элементы для мозаик, которые потом собирали вместе и наклеивали на стены дворцов и мечетей. Заказчиками его были большие ханские стройки и мастерские крупных аристократов. Но он не гнушался и мелким заработком, делая для рынка детские игрушки — голубей, лошадей, баранов, верблюдов; хозяин мастерской лепил их тут же из глины, поливал оставшейся от изразцов глазурью и обжигал вместе с изразцами.

Весь центр и северная часть города были заселены такими ремесленниками и торговцами, людьми обычных городских профессий, городским плебсом. Они жили в небольших усадьбах, гончары теснились к гончарам, меднолитейщики — к своим собратьям по профессии. Особый квартал занимали мастера по изготовлению архитектурных украшений — мозаик, майолик, поливных кирпичей. Воду они доставали из колодцев на перекрестках улиц и из больших общественных водоемов — хаузов, которые имелись почти в каждом квартале.

Вдоль узеньких улиц шли глубокие арыки — совсем как в Средней Азии. На краях такого арыка выкладывали обломками кирпича тропинку для людей, по ней мог пройти осел или проехать арба, но разъехаться две арбы могли только на перекрестке. Широкой улицы, пересекавшей весь город, не было. Узкие переулки терялись в своих бесчисленных разветвлениях. Неожиданно какая-нибудь улочка выходила на площадь, где был большой общественный хауз, а в других случаях кончалась тупиком. В арыки выливали помои и выбрасывали нечистоты: вонь, грязь, болезни, эпидемии свирепствовали в городе. Жаркое среднеазиатское лето сменялось суровой снежной зимой. А сам город представлял странную смесь среднеазиатских дувалов и арыков, мечетей и минаретов, изразцов и поливной посуды с деревянными срубами и кочевническими юртами.

В аристократических кварталах

Восточные и юго-восточные районы города были заняты усадьбами и замками золотоордынской аристократии. Если путешественник подходил к Сараю с востока, то еще на дальних подступах к городу его встречали грозные укрепленные замки монгольских нукеров и найонов. Затем с толпой купцов, ремесленников, крестьян он попадал в узкий проход между замками, которые как бы осматривали и ощупывали каждого, кто ехал в город. Замки городской аристократии были бдительными стражами.

Затем спутник оказывался на большой площади, за которой начинается сам город. Четыре громадных водоема были на этой площади. Здесь можно разгрузить товары, напоить лошадей, верблюдов и ослов. На запад или на север от этой площади — районы бедных усадеб, кривых улиц и грязных арыков. К югу от нее — аристократические кварталы. Каждый такой квартал — это богатая усадьба. Она ограждена от улицы глинобитной стеной. Внутри нее имелся собственный водоем, предназначенный только для нужд усадьбы. Общественных колодцев и бассейнов, как в плебейской части города, здесь не было. В центре усадьбы — несколько домов — жилища самого хозяина и его семьи. Часто на усадьбе стояли два совершенно одинаковых дома, симметричные один по отношению к другому. Возможно, в одном из домов жила мужская часть семьи, в другом — женская. Дома из сырцового кирпича были стандартной планировки: почти квадратная комната имела вдоль трех своих стен лежанку метровой ширины — в Средней Азии их называют суфами. На них, расстелив ковры и кошмы, сидели обитатели усадьбы, пили свой бесконечный чай, обсуждали городские новости и свои дела, передавали дворцовые сплетни, жаловались на строптивость слуг.

На ночь на этих же суфах стелили постели и спали. В суфе делали печь, и от нее под лежанкой шли горизонтальные дымоходы, заканчивавшиеся в углу дома вертикальной трубой, выводившей дым наружу. Эти горизонтальные дымоходы обогревали лежанку-суфу снизу. Она оставалась теплой долго еще после топки печи.

Пол часто выстилали жжеными кирпичами — он всегда оставался сухим и чистым.

К главным помещениям пристраивали разные службы — конюшни, летние кухни, устраивали навесы и платформы с навесами и т. п. Подсобные помещения иногда строили вокруг маленького внутреннего дворика.

Постепенно замкнутый характер аристократической усадьбы исчезал. Вокруг нее появляются дома бедняков, так или иначе зависимых от хозяина усадьбы. Это могли быть и отпущенники, и должники, и вассалы. Наша экспедиция раскопала несколько таких аристократических усадеб. Одна из них была отгорожена от улицы глинобитной стеной. Другая также имела когда-то стену, но потом эту стену сломали. Усадьба лишилась своей ограды. Что же пришло ей на смену? Оказывается, усадьба как экономическая единица, как ячейка городского общества, как квартал городской застройки сохранилась, но вместо глинобитной стены ее окружили тесно пристроенные друг к другу деревянные домики бедняков.

Изучая эту усадьбу, обращаешь внимание на то, что дома были построены по единому плану, по одной системе. Следовательно, они возникли не стихийно, не беспорядочно застраивались по всему параметру усадьбы. Бедняки строили, повинаясь указаниям хозяина усадьбы, по его плану. Очевидно, это были зависимые от него люди, его слуги, отпущенные рабы или обедневшие вассалы, перешедшие на службу в его хозяйство, или попавшие в кабалу ремесленники. Они отличались от тех мастеров, которые обитали в западном, бедняцком районе города. Там жил городской плебс и улицы заселялись так, что люди одной профессии жили в одном районе. А у стен замков городского патрициата жила беднота, прямо зависимая от ханских вельмож и найонов. Она обслуживала их дворцы и работала не на рынок, а на усадьбы вельмож, изготовляла все, что для них требуется. Это были маленькие мастерские, но зато у одной богатой усадьбы был целый набор мастеров. Так, в одном месте найдены следы гончарного производства, и здесь же раскопали жилище золотых дел мастера и домик косте-реза.

Когда-то монгольская знать вела исключительно кочевой образ жизни. Свысока смотрела она на городских жителей, не понимая, как можно прозябать в душных городах и заниматься презренной торговлей или ремеслом, когда есть вольные степи, табуны лошадей и огром-

ное количество завоеванных и еще больше незавоеванных земель, где можно хорошо повеселиться и пограбить.

Но времена меняются. Что делать с кучами драгоценностей, с горами редких тканей, красочных шелков, слитков серебра и золотых чаш, с толпами красивых девушек и сильных мужчин? Их нужно продать, а уж с вырученными деньгами можно делать все, что угодно. И вот монгольская кочевая вольница все больше и больше сближается с городской верхушкой. Монголы селятся в городах, вступают в компании с богатыми купцами, организуют большие мастерские, где работают пленные мастера. Часть монгольских кочевников бросает степь для новой жизни — жизни благочестивых, спокойных и расчетливых горожан, степенных вельмож при ханском дворце, хитроумных дипломатов и вороватых чиновников.

В XIII в. все судейские и административные посты в Золотой Орде занимали люди с арабскими мусульманскими именами, видимо, выходцы из старых духовно-чиновнических кругов. В XIV в. среди них все чаще и чаще появляются лица с монгольскими именами. О некоторых вельможах и чиновниках известно, что они принадлежали к аристократическим монгольским фамилиям.

Воспоминания о кочевом быте у них сохранились надолго. При раскопках одной богатой усадьбы во дворе ее были найдены остатки юрт в виде колец, выложенных обломками кирпича по краю шатра. У хозяина этой усадьбы были прекрасные кирпичные дома, но летом он переселялся в юрту, чтобы вновь почувствовать себя кочевником, юрта все время стояла во дворе его дома.

Вероятно, в золотоордынских городах осели главным образом половцы, и на улицах Сарая-Берке звучала повсюду половецкая речь. Удалось даже однажды как бы «подслушать» ее. В одном доме была найдена большая кость. На ней нарисованы две уродливые физиономии и написано: «Карикатура, клянусь аллахом!.. руку свою приложил Али... сын Мухаммеда...» Какой-то Али решил посмеяться над своим соседом, изобразил его как можно более уродливым да еще подписался. Но у него оставалось сомнение, что рисунок его правильно поймут, и он написал, что это не что иное, как карикатура, да еще поклялся аллахом. Потом кость выбросил. Минутная забава, мельчайший эпизод. Но он важен тем, что дает не специальную надпись на каком-нибудь официальном

Кость с рисунком и надписью из Нового Сарая

или книжном языке, а обрывок живой речи. И языковеды установили, что эта речь была половецкой.

Ставши мусульманами и горожанами, половцы все же хоронили своих покойников с вещами, как это было принято в кочевых степях. На золотоордынских мусульманских городских кладбищах время от времени можно найти могилы с характерными для половцев вещами: зеркалом, ножом, огнивом, бляшками, удилами, стременами. Половцы даже в городе не могли отказаться от своих обычаев, хотя класть вещи в могилу строгойше запрещалось исламом.

Где же ханский дворец?

С таким вопросом обращается к археологам почти каждая экскурсия, которая приезжает на городище. Каждый считает долгом спросить: «Ну как, нашли, наконец, дворец Узбека?» Когда отвечаешь отрицательно, то у спрашивающего вытягивается лицо, как будто просто из-за каприза не хочешь сделать всем приятное и откопать дворец хана Золотой Орды.

Где был действительно ханский дворец? Ведь должен же он быть где-то. Мы предполагали, что большие холмы вдоль Ахтубы — это развалины каких-то дворцовых зданий — как раз самое место для них — на южной окраине города, у берегов прохладной речки, среди

садов и бахчей. Но эти холмы оказались природными песчаными дюнами. И хотя на этих дюнах были постройки, на дворец могущественного хана Золотой Орды они были похожи очень мало.

Леопольдов писал, что какие-то остатки дворца в его время сохранялись у Сахарного озера. Сейчас Сахарного озера нет — это место и найти-то трудно. Никаких следов дворца там не видно. Словам Леопольдова вообще верить нельзя. Еще Терещенко, который осмотрел царевские развалины вскоре после него, когда ничего существенного на городище измениться еще не могло, писал, что у Леопольдова очень много выдуманного. Нашел ли Терещенко дворец хана? Он об этом ничего не пишет. Но посмотрим, какие вещи присылал он из Царева.

Вот перед нами коллекция мозаик и изразцов. Роскошные узоры синего, бирюзового, ультрамаринового тонов, белые буквы арабских надписей, желтые и красные цветы. А какую посуду выкапывал Терещенко? В Эрмитаже сохранились целые чаши с блестящей поливой с тонкими узорами — птицы и звери, звезды и розетки украшают эти пиалы. Вряд ли в доме рядового горожанина можно было найти такой роскошный сосуд, укра-

Наконец-то погребение с вещами!

Серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича

шенный позолотой и разноцветными эмалями, какой нашел Терещенко во время своих раскопок. А вот огромное серебряное блюдо с надписью на кыпчакском языке, с указанием, сколько в блюде серебра. А вот другое блюдо с надписью, но на этот раз русской: «А се чара княжа Володимирова Давыдовича, кто из нее пьет, тому на здоровье, а хвала бога и своего господаря великого князя». Это княжеское блюдо украли монголы, когда брали приступом Чернигов и мародерствовали там. После долгих скитаний в обозе армии Бату оно попало в Сарай, и русский археолог, наконец, нашел его.

Среди всего этого богатства вещей выделяется роскошная золотая чаша, найденная Терещенко в 1848 г. На ручках ее изображены два дельфина. Весит чаша около 850 г. Ее нашли случайно, на участке, который уже копали, но в первый раз ее проглядели. Что-то подсказало Терещенко, что надо бы еще раз прокопать землю, на всякий случай. И вот нашли золотую чашу. Терещенко был так доволен, что представил находчика Федора Рыкунова к поощрительной медали. Вскоре Федор Рыкунов снова отличился и нашел клад серебряных слитков по полфунта каждый.

Неизвестно, где нашли все эти вещи рабочие Терещенко. Копали ли они действительно в ханском дворце — сказать сейчас трудно, но вполне вероятно. Ведь Терещенко исследовал почти все большие холмы в окрестностях Царева. Найдем ли мы когда-нибудь дворец или хотя бы следы его, оставшиеся от раскопок 40—50-х годов XIX в.? Это было бы тоже интересно. Ведь ни

плана, ни описания зданий Терещенко не оставил, и такая находка позволила бы представить себе, что это был за дворец — хотя бы он оказался пустой, обобранный более удачливыми археологами сто с лишним лет назад.

С ханским дворцом в Сараяе связана старая научная загадка, вызвавшая в свое время много толков и споров в ученом мире, — загадка золотоордынского Гюлистана, что значит «сад роз».

Загадочный Гюлистан

От эпохи Золотой Орды дошли до нас десятки тысяч монет. Терещенко каждый год откапывал их несколько тысяч. Известны клады золотоордынских монет по 15—20 тысяч дирхемов. Когда в начале XIX в. молодой немецкий ориенталист Христиан Мартин Френ, приехавший из немецкого города Росток в Россию преподавать арабский язык в только что открытом Казанском университете, увидел эти монеты, он сразу понял, что это — замечательный источник по истории Золотой Орды. Всю жизнь Френ занимался золотоордынскими монетами. Они сделали из немецкого востоковеда русского нумизмата. Когда Френу в Казани предложили вернуться в родной Ростокский университет, чтобы занять кафедру умершего его учителя — знаменитого арабиста Тихсена, — он после некоторых колебаний решил остаться в России. В Казани и в Петербурге нашел он такие сокровища восточной нумизматики, что расстаться с ними у него не было сил.

Уже Френ дал первый список ханов Золотой Орды и тех городов, в которых они чеканили монеты. Некоторые имена монетных дворов соответствовали хорошо известным городищам, например Болгары. Со временем было выяснено местоположение Сарая и Нового Сарая, хотя в этом вопросе есть еще неясности и до сих пор. Некоторые города долгое время оставались загадочными, например город Мохша. Позднее саратовский краевед А. А. Кротков показал, что медные монеты с этим именем особенно часто встречаются на развалинах древнего города у Наровчата, расположенного на реке Мохше в Пензенской области. Созвучие имени на монетах и названия реки подтверждало догадку Кроткова о том, что

развалины в Наровчате остались от золотоордынского города Мохша.

Но есть несколько монетных дворов, которые и сейчас загадка. И среди них самый интересный город — Гюлистан. В этом городе в 50—60-х годах XIV в. чеканилось огромное количество монет, и серебряных и медных, не меньше, чем в самой столице, в Новом Сарае. Гюлистан не был провинциальным городом. Судя по огромным выпускам дирхемов, это был один из главных городов из монетных дворов Золотой Орды. Иногда в Гюлистане бывал сам хан. В 1347 г. Джанибек заключил торговый договор с венецианскими купцами. На документе было обозначено «дано в Гюлистане». В 1353 г. русский священник Алексей должен был ехать в Царьград для посвящения в митрополиты. 11 февраля 1354 г. ему был выдан ярлык, который обеспечивал ему возможность беспрепятственно ехать в Византию по землям Золотой Орды. Запрещалось чинить ему препятствия в пути, отбирать лошадей и т. п. Этот указ был издан царицей Тайдулой, женой хана Джанибека, в Гюлистане.

Сам Френ считал, что Гюлистан — это золотоордынский город, расположенный где-то рядом с Сараем, но как близко он был от столицы, где искать этот город, Френ не знал. Да и где располагался сам Сарай, он тоже точно не знал. Немецкий исследователь Золотой Орды И. Хаммер, который неудачно попытался в 1835 г. получить за свой огромный труд «История Золотой Орды» премию Российской Академии наук, оказался смелее в этом вопросе. Хотя из 1272 страниц своей книги Хаммер уделил Гюлистану меньше одной страницы, он тем не менее решал этот вопрос очень радикально. Гюлистан — это пригород Сарая — таково было безапелляционное, но вместе с тем и бездоказательное мнение Хаммера. И посыпались гипотезы о том — где был Гюлистан. Г. С. Саблуков считал, что Гюлистан был дворцом в Сарае, где жил хан; В. В. Григорьев писал: «Гюлистан был дворец хана, но не в самом Сарае, а в одном из его пригородов». В противоположной стороне, считал Григорьев, был другой дворец — Новый Гюлистан.

На рубеже XIX и XX вв. в научной литературе разгорелась полемика между членом Московского археологического общества В. К. Трутовским и петербургским профессором Н. И. Веселовским. В 1889 г. Трутовский

напечатал статью «Гюлистан Золотой Орды», в которой доказывал, что Гюлистан не дворец, а город. Наиболее подходящее место для Гюлистана Трутовский отыскал близ Селитренного. В самом Селитренном он никогда не был и этих грандиозных развалин никогда не видел. Трутовский воспользовался описаниями Палласа более чем столетней давности. Царевские развалины после раскопок Терещенко были всеми признаны как место, где был Сарай; о втором Сарае Трутовский особенно не задумывался; Френ сказал, что Гюлистан где-то недалеко от Сарая: в Селитренном (220 верст южнее Царева) есть золотоордынские руины. И Трутовскому вопрос показался решенным. Селитренное — это и есть Гюлистан.

Н. И. Веселовский, прочтя статью Трутовского, был раздражен массой неточностей. В арабском языке Трутовский был дилетантом, так же как и в восточной нумизматике. Он сделал несколько промахов, которые не без удовольствия отметил Веселовский. Тогда Трутовский решил исправиться и написал вторую статью, которую напечатал в Москве в 1911 г. под названием «Гюлистан — монетный двор Золотой Орды». В ней он отказывался от того, что Гюлистан — это город около современного села Селитренное. Трутовский решил, что лучше будет, если он назовет Гюлистан — кочевой ставкой, тогда не нужно будет придумывать ей местоположение: кочевая ставка могла ведь находиться где угодно. В 1913 г. появилась в Петербурге статья Веселовского «Загадочный Гюлистан Золотой Орды». Если Гюлистан был кочевой ставкой, то разве могло быть у него такое нелепое для кочевого лагеря название — «Сад роз», — спрашивал Веселовский. Научные страсти накалились до предела. Обе стороны осыпали друг друга упреками, указывали на противоречия в теориях друг друга, остряли, выискивали ошибки. Трутовский оказался более уязвим. Его статьи были полны ошибок и натяжек. Но сам Веселовский придумал теорию, также ни на чем не основанную. Еще в ответе на первую статью московского нумизмата петербургский профессор предложил считать Гюлистан дворцом около Сарая и утверждал, что его нужно искать в соседней с Царевом деревне Колобовке, где еще Терещенко исследовал большой холм. Упрекая Трутовского в бездоказательности, Веселовский сам почувствовал, что его-то теория тоже не

очень аргументирована. Потому во второй статье он решил сосредоточить весь пыл на критике своего противника, а положительное решение вопроса отложить.

Так и остался этот вопрос нерешенным. Обоим, и москвичу и петербуржцу, надоели препирательства. Загадка Гюлистана не решена и до сих пор, как, впрочем, многие другие вопросы в истории Золотой Орды. На Нижней Ахтубе есть десятки городищ и отдельных зданий в степи, сохранившихся от Золотой Орды. Которое из них Гюлистан?

Может быть, Гюлистан уже раскопан и от него сохранились беглые описания в архиве Терещенко да коллекции роскошных ваз, чаш, мозаик и украшений в залах Эрмитажа? Даже если будет найдено место раскопанного Терещенко дворца в Сарае, то это ведь будут пустые стены. Можно восстановить только планировку его, что мог зафиксировать в свое время сам Терещенко, и теперь не нужно было бы гадать, что он копал и где. Решит ли это загадку Гюлистана?

Трагический 1395 г.

В конце XIV в. в Средней Азии образовалось мощное государство Тимура. Золотая Орда для Тимура была главным соперником. Ему хотелось как-то принизить ее значение, свести на нет роль торговых центров на Волге и в Крыму, оборвать те нити торговых маршрутов, которые связывали Восток и Европу и проходили по территории Золотой Орды. Теперь караваны должны идти по Ирану и по южной Средней Азии, как считал Тимур. Это должно было возвеличить созданную его мечом мировую державу. Тимур сначала хотел подорвать золотоордынское могущество изнутри. С этой целью он посадил на трон в Сарае своего воспитанника Токтамыша в надежде, что Токтамыш будет послушным его вассалом. Но Токтамыш обманул ожидания Тимура.

Этот хан оказался крупным политическим деятелем. Его идеалом была великодержавная Золотая Орда времен Узбека и Джанибека, то есть тех времен, когда Золотая Орда была сильна, едина, твердо держала в своих руках власть над покоренными народами, когда пышно расцветали города на Волге, когда центральная власть не боялась усобиц непокоренных царевичей и ханов, а

Костяки убитых среди развалин домов в Новом Сарая

мощной силой подавляла все сепаратистские тенденции аристократии. Но в 60—70-х годах XIV в. Золотая Орда обнаружила явные признаки упадка. Мятежные ханы и кочевые князья старались обособиться от Сарая, сам Сарай стал жертвой дворцовых переворотов и войн из-за престола, непрерывно сменяли друг друга ханы, а вслед за ними менялось и все их вельможное, сановное окружение.

В 1380 г. Золотая Орда пережила страшный удар. Этот удар нанесли ей русские войска, разбившие золотоордынские армии Мамаю на Куликовом поле. Это было началом конца Золотой Орды.

Токтамыш, который пришел к власти в Золотой Орде в следующем году, решил восстановить былое величие государства своих предков. Первым делом он вернул покорность Москвы. Удачный поход на Москву обеспечил ему повиновение Руси. Но покоренные монголами

народы увидели на примере Куликовской битвы, что Золотая Орда может быть побеждена, что она доживает последние годы.

Второй удар по Золотой Орде нанес Тимур. Несколько раз его войска сталкивались с золотоордынскими армиями, но окончательной победы Тимур добиться не мог. Токтамыш то мирился со своим бывшим покровителем, то ссорился с ним. При дворе его то брали верх круги, склонные к союзу со Средней Азией, то люди, настроенные очень агрессивно и гордо, но мало реалистично. Тимур решил в 1394 г. покончить с Золотой Ордой. Он прошел через ущелья Дагестана и вышел с юга в северные степи Кавказа. Здесь, на Тереке, состоялось генеральное сражение между Тимуром и Токтамышем. В армии Токтамыша часть войск изменила ему, и это решило исход боя. Тимур одержал решительную победу. Войска Токтамыша были развеяны по степи, и среднеазиатский завоеватель ворвался в незащищенные степи Восточной Европы. Крымские города, Азов, Новый Сарай, Гюлистан, Увек, Болгар лежали на пути войск Тимура.

Почти на каждом раскопе во время работ на Царевском городище можно найти следы этого разгрома 1395 г. Около горна в мастерской изразцов под развалинами кирпича лежал скелет человека, которого не успели похоронить. У другого дома — скелет ребенка, его также не успели убрать. Закоченевший, в неестественной позе, детский труп остался среди развалин домов. Часто попадаются непогребенные останки людей, оставшихся лежать в тех положениях, в каких застигла их смерть во время резни, грабежей и насилий, которые чинили тимуровские воины в разрушенном и горящем городе. Несколько раз обнаруживали костяки детей, забравшихся в печи и дымоходы. Можно представить очень живо, как напуганная девочка, видя, как ее мать тащит озверевший воин, а отец упал с рассеченной головой, ищет спасения в черной дыре печи, залезает туда, пытается протиснуться в дымоход, но там ее настигает смерть от сабли или копья солдата, а может быть, от удушья в тесной щели, забитой сажей и углем.

В одном погребе, раскопанном нами, на ступеньках вниз лицом лежал скелет человека. Этот человек искал убежища в своем погребке. Когда он хотел туда спуститься и уже стал на первую ступеньку лестницы, ведущей в

На раскопе

погреб, какой-то воин воткнул ему в спину кинжал, и он упал ничком. Скелет его оставался лежать здесь до тех пор, пока археологи не нашли его и не догадались об этой трагедии, одной из тысячи, которые разыгрывались в городе в осенние дни 1395 г.

В одном раскопе найдено особенно много останков убитых и изрубленных людей, обрубков рук и ног, частей скелета, обломков черепов. Не было ли здесь место для учета убитых, куда сносили отрезанные головы?

В 1395 г. воскресли все те ужасы, которые сами золотоордынские ханы каких-нибудь 150 лет назад учиняли в покоренных городах. Судьбу жителей Рязани и Киева, Самарканда и Мерва, взятых войсками монголов в XIII в., теперь разделили жители золотоордынских городов. Их всех убивали, оставляя лишь красивых женщин для гаремов и хороших ремесленников для мастерских.

После 1395 г. Новый Сарай не ожил. Не все, конечно, сразу покинули город, но очень скоро жизнь в городе совсем прекратилась. Несколько дольше просуществовал Старый Сарай. Он был еще в начале XV в. Но, так же как его младший брат, этот город завял и угас. Там, где волею золотоордынских ханов и трудом со всего света согнанных мастеров возникли пышные города, снова стояла глухая степь.

Золотоордынские города были своего рода историческим пустоцветом. Они не дали никакого продолжения своей культуре, своей цивилизации. Они выросли среди степей, их снова захлестнула кочевая степь, затопила кочевая стихия с совершенно другой экономикой и культурой.

Золотоордынские города не были органическим продуктом развития экономики Нижнего Поволжья, как города Руси или Западной Европы, которые выросли в результате длительного экономического развития как центры сосредоточения торговли и ремесла, имели связи со своим окружением и потому оказались исторически более устойчивыми. У русских и западноевропейских городов была история.

Степи Южной России знали несколько волн нашествий. В IV в. с Востока пришли гунны и наводнили степи, оттеснив потомков старых иранских племен — скифов и сарматов. Началось господство тюрков. За гуннами — авары, болгары, хазары и еще полтора десятка других племен. К IX—X вв. кочевники стали оседать в этих краях. Именно в западной части великого пояса степей, по которому они пришли, стала угасать их кочевая энергия. Появились города, усадьбы, в них — ремесла, а вместе с этим и элементы классового строя. В Хазарии сосуществовало два элемента, две стихии: кочевая степь и оседлое население речных долин и городов.

Печенеги открыли новый этап кочевнических нашествий: снова бродячие таборы появились на месте городов. Пришельцы устраивали лишь временные убежища среди развалин хазарских и аланских крепостей.

За печенегами — торки, половцы. Запад обладал над ними всеми какой-то особой властью: здесь бродячая кровь остывала, звала к земле. Здесь появлялись зачатки оседлости и земледелия, а вместе с тем терялась та сокрушающая все сила, которая подчиняла кочевникам Азии все новые и новые земли. Начинались усобицы князей, которые не могли создать прочной, единой империи, а патриархальная сплоченность исчезала. За Дунаем кочевники вырождались в грабительские банды или в придворные отряды наемников. Тюрки всегда рвались к Константинополю, но чем ближе подходили они к нему, тем больше разлагались и теряли свою целостность и силу своей инерции.

По городищу

Третий период начался с битвы на Калке. Пришедшие монголы были истовыми кочевниками. Господство кочевой стихии продолжалось полвека, но и в этой стихии появилась оседлость, но на этот раз не постепенно, а сразу: в Кыпчакской степи в конце XIII в. стали возникать и быстро расти крупные города. Долго, в течение всего XII в., развивались у половцев элементы оседлости, а в конце XIII в. и в XIV в. половцы вдруг, сразу, принудительно получили городской быт и совершенно чуждую им городскую культуру. Это был такой толчок в развитии оседлости у половцев, что он болезненно прервал естественный процесс их собственной эволюции.

Золотоордынские города не имели истории. Они возникли в результате политики золотоордынской власти. Она их поддерживала. Пока власть эта была сильна, она обеспечивала мир на дорогах для торговцев и постоянный приток подневольных мастеров из покоренных стран для развития ремесла. В эти годы города Золотой Орды процветали. Как только власть обнаружила признаки упадка, города начинали хиреть. Когда же мощная власть хана была разгромлена и уничтожена и золотоордынская держава превратилась в арену соперничества и борьбы за власть, города пришли в упадок. Достаточно было военного поражения, чтобы эти города угасли и чтобы вскоре от них остались лишь воспоминания.

Если вы поедете в августе или сентябре из Волгограда вдоль Ахтубы до села Царева, то, подъезжая к нему, вы увидите пятнадцать — двадцать палаток археологического лагеря. Уже в течение многих лет ведутся здесь раскопки. Съезжаются на городище археологи летом, а уезжают поздней осенью.

В конце сентября все покидают лагерь, кроме небольшой группы сотрудников, которые заканчивают оформление документации, чертежей и дневников. Наступают холода. Часто идут дожди — на городище неуютно и сумрачно. Все хлопоты позади, впереди — возвращение в Москву.

Я часто спрашиваю себя весной, когда снова встают передо мной хлопоты и беспокойства, связанные с организацией большой экспедиции и большого лагеря, заботы о деньгах, продовольствии, оборудовании, — спрашиваю себя, что заставляет каждый год брать на себя весь этот груз забот. Романтики в этом давно уже нет — это просто обычная работа. Хорошие находки, конечно, очень приятная вещь, но они — дело случая. Для археолога на раскопе, где все разрушено и ничего не поймешь, два-три кирпича, лежащих в системе, правильно, так, как им положено, дороже самой красивой чаши или золотой привески.

Наверное, эти сумеречные дни — последние дни на городище перед отъездом, а может быть, именно эти холодные последние ночи, когда, согревшись в спальном мешке, слушаешь, как стучит по брезенту дождь, а столб, на котором натянута палатка, приподнимается над землей от ветра, наверное, это сейчас мне дороже всего. В эти дни все, что было накопано, все эти развалины домов и битые вещи, разломанные печи, засыпанные землянки, оживают в какие-то силуэты и образы, которые приходят в моих «поисках за утраченным временем».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ЗАМОК	5
Посольство халифа Муктадира в Волжскую Болгарию (5). Через тысячу лет (9). Замок (15). Принятие мусульманства (21).	
2. ИДОЛЫ	24
«Остолбенеv до немоты...» (24). Методы (30). Путь на запад (37). Умерший предок или убитый враг? (39).	
3. ВЕЩИ	43
Могила воина (43). Кочевники и Византия (46). Трудное царствование Алексея Комнина (49).	
4. КУРГАНЫ	56
Что такое «обряд погребения» (56). Артиллерист Бранденбург и «черные клобуки» (61). Куда исчезли «черные клобуки» в XIII в.? (64). Монгольское нашествие (69). «Рыдающие числа» (73). Европейская дипломатия на Востоке в середине XIII в. (75). Много ли монголов пришло в половецкие степи? (82). Рассеялись по всему свету (87).	
5. МОНЕТЫ	93
Первые монеты в Золотой Орде (93). Клад золотых монет из Ташкента (95). Падение Багдада (96). Кем и как управлялись оседлые земли при монголах (103).	
6. ГОРОДА	109
Первая столица золотоордынских ханов (109). Один или два Сарая? (114). Золотая корона Джанибека (119). Раскопки Нового Сарая. Наука и кладонскательство (121). Простые люди золотоордынского города (127). В аристократических кварталах (136). Где же ханский дворец? (139). Загадочный Гюлистан (142). Трагический 1395 г. (145).	

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов

КУРГАНЫ, ИДОЛЫ, МОНЕТЫ

Утверждено к печати

редколлегией научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор *Е. И. Володина*. Художник *И. Б. Кравцов*

Технический редактор *Н. П. Кузнецова*

Корректоры *В. А. Гейшин, М. В. Борткова*

Сдано в набор 3/Х 1967 г. Подписано к печати 7/II 1968 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 7,5

Тираж 40 000 экз. Т-01740. Тип. зак. 3547. Цена 24 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10